The background is a rich, textured brown color, resembling leather or a similar material. It is framed by an intricate, embossed decorative border. The border features a central rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and floral motifs extending outwards from each corner and along the sides. The text is centered within this frame.

ПЕСНИ И МАРШИ
СИБИРСКИХ
КАЗАКОВ

*Моей могучей Родине,
одержавшей Победу
в Великой Отечественной войне
1941–1945 гг.,
посвящается*

ПЕСНИ И МАРШИ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ

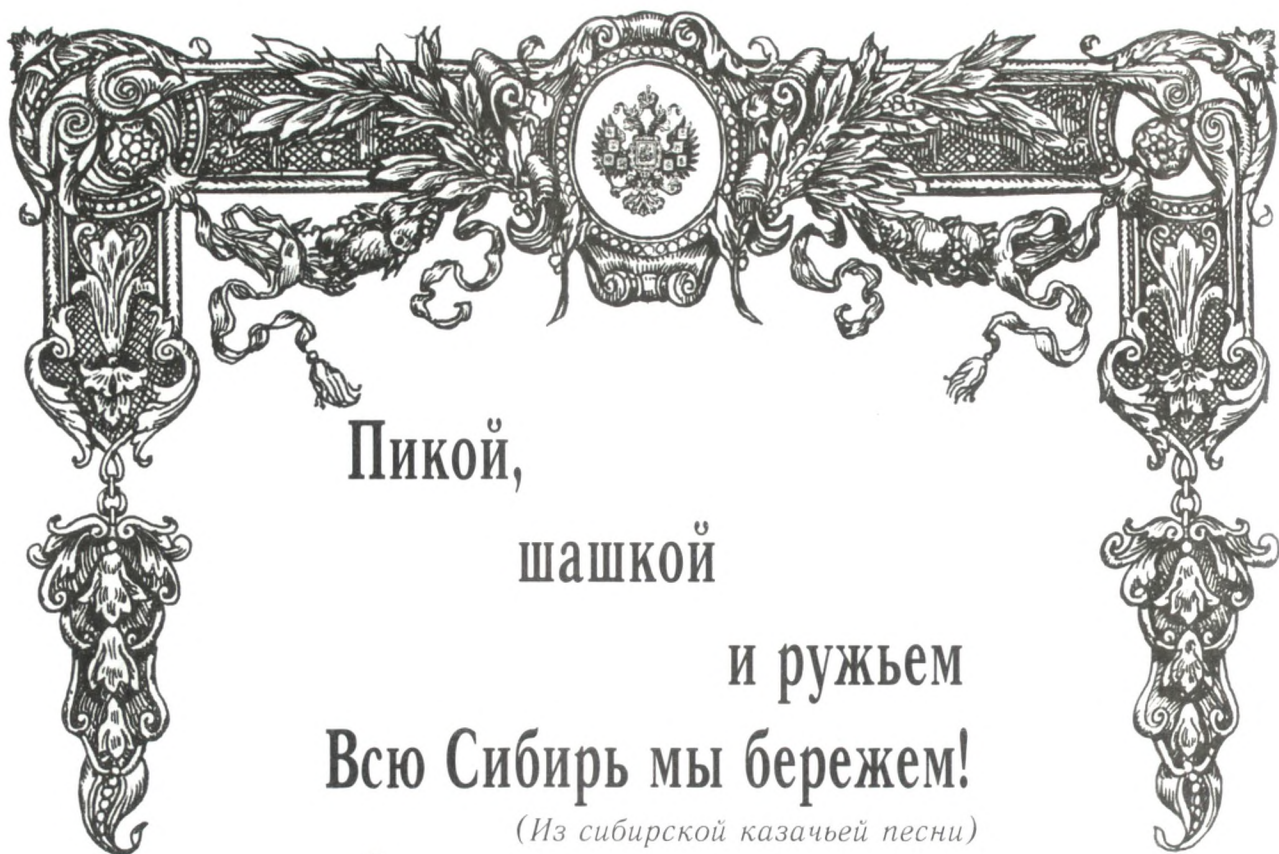

Автор-составитель
войсковой старшина
Сибирского казачьего войска
Ю. А. Фабрика

Новосибирск
2006

Пикой,
шашкой
и ружьем
Всю Сибирь мы бережем!

(Из сибирской казачьей песни)

Музыкальный редактор –
доктор искусствоведения,
профессор Новосибирской государственной консерватории
Б.А. Шиндин

Автор-составитель выражает искреннюю признательность всем, кто оказал помощь и поддержку в издании данной книги, – Администрации Новосибирской области, мэрии г. Новосибирска, Областному организационному комитету «Победа», Новосибирской епархии Московского патриарха Русской Православной Церкви, командованию Сибирского военного округа, 9-му (Новосибирскому) отделу Сибирского казачьего войска, Новосибирскому филиалу ЗАО «Военно-мемориальная компания», Центру делового обучения «Сфера», ветеранским организациям, сотрудникам архивов, музеев, библиотек, а также всем сибирякам, кому дорога память о героических отцах, дедах и прадедах наших...

Ю. А. Фабрика

Ю. А. Фабрика.

Ф23 Песни и марши сибирских казаков («Пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем!»). Автор-составитель Ю.А. Фабрика. – Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат»; 2006. – С. 280.

Сборник песен и маршей казаков Сибирского казачьего войска состоит из трех разделов и двух приложений

В первом разделе – краткая справка о роли и значении казачества в истории России, о возникновении, нелегкой службе и трагической судьбе Сибирского казачьего войска, размышления о вкладе Русской Православной Церкви в формирование духовного облика российского и сибирского воинства. Раздел завершается очерком о собирании и публикации сибирского казачьего фольклора в конце XIX – начале XX вв.

Второй раздел включает в себя гимны «Боже, Царя храни», «Коль славен наш Господь в Сионе», военные, военно-исторические и военно-бытовые песни сибирских казаков из сборника «Песни сибирских казаков» (Петроград, 1916) и марши 1-го, 2-го и 3-го первоочередных Сибирских казачьих полков (последние публикуются впервые).

Приложения состоят из историко-биографического справочника о многих исторических деятелях, упоминаемых в первом и втором разделах, а также аудиоматериалов (многие песни озвучены хором «Сибирские певчие» храма Покрова Пресвятой Богородицы г. Новосибирска).

Предлагаемые читателям материалы дают известное представление о целом пласте сибирской, следовательно, части российской и мировой культуры, едва не исчезнувшей из памяти народной в силу известных исторических потрясений XX века...

Сборник адресован всем, интересующимся отечественной историей, и в первую очередь – казакам Сибири, гордым и верным сынам Отечества.

© Ю.А. Фабрика, очерки, составление, 2006
© А.А. Заплавный, худ. оформление, 2006
© ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», оформление, 2006

КАЗАЧЬЯ МОЛИТВА

Слава Богу, что мы казаки.
Слава Богу, что любим свободу.
Слава Богу, что есть старики,
Научившие нас верить Богу.

Слава Богу, что Родина-Мать
Под покровом Царицы Небесной
Породила казацкую рать –
Мощь и гордость Руси молодецкой.

Слава Богу, что Вера и Честь,
Шашка, конь да степная дорога
В каждом сердце казацком есть
С Богородицей рядом и с Богом.

И как было не раз в веках,
По веленью Небесной Силы,
На казачьих широких плечах
Вновь с коленей встает Россия.

Не остави нас, Боже, в пути
К новой жизни, от лихолетья.
За безверье, грехи нас прости
На пороге тысячелетья.

Помоги казакам и Руси,
Веру в наших сердцах сохрани,
Наши грешные души спаси,
Будь к нам милостив, Боже. Аминь.

А.Е. Курдаков,
войсковой старшина,
атаман 9-го (Новосибирского) отдела
Сибирского казачьего войска

г. Новосибирск,
1996

*Искать я буду терпеливо
Следы казачьей старины:
В пыли старинного архива,
В курганах древней целины,
В камнях черкасского раската,
На приазовских островах,
В клинке старинного булата,
В могильных знаках и словах.*

Н.Н. Туроверов

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАЗАЧЕСТВУ

*Казак – это плуг и винтовка!
Молитва и песня!
Семья и Россия!
Дух и свобода!*

До недавнего времени многие страницы славного прошлого нашего Отечества либо упорно замалчивались, либо искажались. Но жизнь за такое пренебрежение к национальной истории и культуре рано или поздно сурово взыщет. Как бы банально это ни звучало, но человек, не знающий своих корней, никогда не будет любить свою Родину, не сможет сопереживать горю ближнего, не протянет руку помощи слабому.

Возрождение казачества, прошедшего все круги испытаний, уготованных нашей Родине, стало одной из самых заметных примет современного развития России. Казаки, несмотря на семидесятилетнее угнетение – репрессии, насильственное переселение, отмену демократического казачьего управления и традиционного землепользования, остались верными своим лучшим традициям.

Потомки славных казаков, духовные наследники их, сегодня активно участвуют в начавшемся процессе возрождения, становятся активными творцами настоящего и будущего России, одним из важнейших гарантов ее национальных интересов. Они играют все более заметную роль в общественной жизни, заявляют о себе как о мощной патриотической силе, силе реальной, влиятельной и перспективной.

Судьба казачества, все его историческое прошлое и настоящее связаны с русским народом, с Россией. Вместе с Русью – Россией оно переживало периоды расцвета и упадка, отражало кровавые нашествия внешних врагов и одолевало внутренние смуты. Границы Руси – России всегда были обильно политы потом и кровью казаков, оберегавших народы ее от завоевания и истребления. Казаки приобрели и затем отстояли весь Юг, присоединили Сибирь, проникли на Амур за 200 лет до его присоединения, вышли к Тихому океану. Движение на восток было безудержным, казаки прошли до Новой Сибири в Ледовитом океане, до Камчатки; за 100 лет до Беринга казак С.И. Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой. Русские, неукротимо идя вперед, пересекли его, вышли в современную Канаду, осваивая нынешние Орегон, Вашингтон, дошли до Северной Калифорнии. Расположенный чуть к северу от Сан-Франциско Форт Росс стал крайней точкой продвижения русских по периметру Великого океана...

Россия как великая держава состоялась во многом благодаря казакам!

Постоянная готовность к смертной битве за Отечество выковала и высокий духовный облик этих людей, одинаковый и в Запорожской Сечи, и на Тихом Дону, и в буйном Надтеречье, и в суровой Сибири, и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке – везде, где несли свою нелегкую службу казаки. Настолько крепок оказался этот идеал, что даже теперь, после семидесяти лет российской Голгофы, если и сохранился в ком праведный святорусский стержень, то это именно в казаках.

Непростая история казачества, насчитывающая уже шесть веков, являющаяся составной и неотъемлемой частью истории нашего государства, содержит немало героических и драматических страниц. Любой непредвзятый исследователь увидит в казаках и тружеников, и доблестных воинов,

верой и правдой служивших Отечеству, и самых преданных защитников самодержавия, и активных участников Белого движения, и героических защитников Родины в годы Великой Отечественной войны, и одну из наиболее патриотически настроенных частей населения современной России.

Героические и трагические вехи в истории казачества, этнические и культурные особенности его жизненного уклада – все это вызывает сегодня неподдельный и живой интерес. Мысль о том, что без всестороннего знания прошлого, в том числе и казачьего, – социального, культурного, политического, национального, героического, религиозного – не может быть понято ни настоящее, ни тем более будущее, становится аксиомой. Происходит, по существу, переосмысление нашей национальной истории, которая в прошлом была не просто искажена, а тотально фальсифицирована.

Настало время рассказать всю правду о казаках, их жизни, быте, богатой самобытной культуре, ратных делах, о трагических страницах «рассказывания» 1920–30-х годов, развеять домыслы и небывлицы, которые длительное время окружали казаков как силу, считавшуюся реакционной и контрреволюционной, с которой якобы давно уже покончила советская власть. Назрела необходимость создания подлинной, без фальсификации и подчисток истории и Сибирского казачьего войска, которой мы имеем право гордиться: все российские владения в Азии были впервые разведаны и закреплены за Россией казаками, на всем громадном пространстве Азиатской России – от Уральских гор до Дежнева мыса и от Таймыра до Афганской границы – нет места, где в свое время не побывали бы казаки, приходившие всегда в роли первых засельщиков, что русская Сибирь (страна с несметными природными ресурсами, почти вдвое превышающая европейский материк и составляющая восьмую часть земного шара) создана при первом и прямом участии казачества, составлявшего основную массу военно-служилых людей и вообще русского населения края. Костяком казачества были люди наиболее свободолюбивые и отважные, ибо суть службы казачьей всегда имела единственную цель – быть полезным для службы государственной. Напомним: девизом сибирского казака, начертанным на его войсковом знаке, были и остаются слова: «ЦАРСКАЯ СЛУЖИЛАЯ РАТЬ».

Все мы, сегодняшние сибиряки, в неоплатном долгу перед нашими предками, подарившими нам эти благодатные земли, кои взрастили и вскормили поколения наших праотцев и даровали жизнь нам. Поэтому потомки всех бывших казачьих войск, волею судеб оказавшихся в Сибири, во главу угла ставят вопросы изучения своей истории и культурного возрождения.

Возрождающееся казачество – явление многоплановое, во многом противоречивое, неоднозначное. Казачество сформировалось на четырех столпах: Православие (можно с уверенностью сказать, что казачество – это сплав воедино православного мироощущения с лучшими чертами характера русского человека: свободолюбием, стремлением к независимости, неприязнью ко всякому угнетению и принуждению, мужеством, твердостью, постоянством и в то же время резким неприятием всего, что ломает сложившийся столетиями образ жизни) – воинская служба – общинное землевладение – самоуправление. Одновременное возрождение этих принципов – и есть непереносимое условие возрождения казачества, причем приоритет принадлежит именно Православию.

Опираясь на обычаи великих предков наших, на Веру предков наших – Веру Православную, мы видим свой сыновний долг в восстановлении исторической правды о казачестве, в возрождении его добрых, веками выработанных традиций, и в первую очередь духовных и культурных. Мы должны изучать и помнить свою родословную – славные дела предков-казаков на службе Отечеству, казачью культуру, вклад которой в общероссийскую и мировую культуру поистине неоценим. Благодарная память о прошлом, знание традиций предков, многокрасочного мира народного творчества – песен, былин, сказаний, преданий – составляет важную часть национального сознания, является делом государственной важности, формирует лучшие качества труженика и воина.

Казак всегда был государственным человеком, всегда был воином, защищающим интересы Родины, всегда был тружеником, любил свою землю и умел на ней работать. Таким он остается и сегодня, таким он будет и в новом тысячелетии. Умные и образованные казаки, достойные граждане Российского Государства, верные защитники Отечества, активно участвующие в экономическом и политическом развитии его, развивающие казачье общественное самоуправление, сохраняющие и приумножающие историю и казачью культуру, являясь носителями Православного мировоззрения, будут поистине национальным богатством России.

Раздел I

Очерк 1

РОССИИ СЛАВА, ГОРДОСТЬ И ЛЮБОВЬ

*России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш,
Страдания и кровь
Мы скорбью платим вам
И восхищеньем.*

К.Р. (30)*

Казачество – одно из уникальнейших явлений в истории нашего Отечества. Явление, не имеющее аналогов в историческом прошлом других стран ни по продолжительности своего существования, ни по численности (казачество уступало только основному производящему классу – крестьянству), ни по размерам занимаемой территории, которая и в целом, и в отдельных частях была сравнима с территорией не только отдельных европейских государств, но и с территориями ряда их, вместе взятых, ни культурой, потрясающей своей мощью и высокой духовностью, ни по той роли, которую сыграло оно в истории Государства Российского. Казаки – часть российского народа с особым бытом, общественной организацией, военным укладом, культурой, сформировавшаяся на Руси под влиянием Русской Православной Церкви и отвечавшая неудержимому стремлению людей к свободе, воле, горячей любви к своей земле, к своему народу, родной земле, готовности ценою жизни защищать ее от врагов.

Казачьи войска представляли собой уникальную систему, сочетающую в себе воинов и хозяев, казак соединял в себе удивительные свойства государственного человека и собственника, освобожденного от податей. В русской действительности казак всегда был, с одной стороны, примером гражданских свобод, с другой – основой порядка и законности.

«Имя казака носит тот из верноподданных *Государя*, на ком... лежит обязанность защищать *Святую Веру, Царский трон* и родной край, поражать врагов иноземных, истреблять врагов внутренних и поддерживать установленный законом порядок».**

Казачество так же древне, как сама матушка-Русь. Оно вышло из глубины тысячелетий вместе с нею. По народным преданиям, казаками были уже Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович:

Под славным городом под Киевом
Стояла застава богатырская:
Атаманом на заставе был Илья Муромец.**
Подъатаманье Добрыня Никитич – млад,
Есаулом Алеша, поповский сын.

* Здесь и далее цифра в скобках – см. историко-библиографический справочник в конце книги.

** Руководство для строевой и служебной подготовки казаков пригготовительного разряда Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1888, с. 172.

*** Иконный образ Ильи Муромца – небесного покровителя пограничников – 27 мая 1999 г. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II вручил ФПС России.

Колыбелью и образцом для всех российских войск по праву считался и считается Дон. В 1380 г. к войскам московского князя Дмитрия явились с войсками донские атаманы, о которых летописец сообщает: «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовимый «казаки» в радости встреча великого князя Димитрия, со святыми иконами и со кресты поздравляющие ему об избавлении своем от супостати, и приносящее ему дары от своих сокровища, иже имеху у себя Чудотворные Иконы в церквах своих». И великий князь сказал казакам накануне битвы Куликовой: «Братия, лучше смерть злого живота и лучше было не ити противу безбожных, неже пришед, и ничтоже сотвориша, возвратиться вспять: придем убо ныне в сей день за Дон и вси и тамо положим главы своя все за святые церкви и за православную веру, и за братья нашу, за христианство».

Донские казаки в XVI – XVIII веках положили начало созданию терского, яицкого (уральского), волжского и сибирского казачества, которое, в свою очередь, стало основанием для образования всех других казачьих войск Азиатской России – Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского.

Накануне Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в России насчитывалось 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, и два отдельных казачьих полка.

Территория казачьих войск заключала в себя 66933073 десятины или 642605,5 кв. версты, или 13144,4 географической мили. Собственно войсковая территория была несколько менее указанных размеров: равнялась она 58188168 десятинам. Таким образом, громадная территория казачьих войск, простиравшаяся от Черного до Желтого моря, занимала 2,9 процента всей империи.

Относительная величина территорий отдельных казачьих войск в процентах ко всей территории всех казачьих войск была таковой: Донского – 22%; Забайкальского – 15,4%; Оренбургского – 14,6%; Кубанского – 11,7%; Уральского – 11,1%; Амурского – 9,6%; Сибирского – 8,5%; Терского – 3,5%; Астраханского – 1,4%; Уссурийского – 1,3%; Семиреченского – 1%.

Казачье население составляло 4 миллиона 420 тысяч человек: Донское войско – 1 миллион 500 тысяч казаков, Кубанское войско – 1 миллион 300 тысяч, Оренбургское войско – 533 тысячи, Забайкальское – 264 тысячи, Терское войско – 225 тысяч, Сибирское войско – 172 тысячи, Уральское войско – 174 тысячи, Амурское войско – 49 тысяч, Семиреченское – 45 тысяч, Астраханское войско – 40 тысяч, Уссурийское – 34 тысячи, Енисейский полк – 14 тысяч, Иркутский полк – свыше 7 тысяч, Якутский полк – 3 тысячи и отдельно поселенные казачьи сотни.

Среди казачества существовали национальные формирования. В XVII – XIX веках в состав Русской Императорской Армии входили украинские казачьи полки, число которых было различным в зависимости от складывавшейся военной обстановки. Так, в 1783 году 19 малороссийских полков были переформированы в регулярные кавалерийские части, а в XIX в. создавались ополченческие украинские казачьи полки: в 1812 году – 23, в 1832 – 8, в 1856 – 6, в 1863 – 3 (Родина, 2004, № 5). Терское войско пополнялось наряду с отставными солдатами, проходящими службу на Кавказе, переселенцами из России, с Украины, донскими казаками, а также местными жителями – осетинами, кабардинцами, грузинами. Казаки-калмыки состояли на службе в Донском, Уральском, Астраханском и Оренбургском казачьих войсках. В Оренбургское войско в 1832 г. были приняты около 200 поляков. Крымские татары, татары и башкиры служили в Башкиро-Мещерякском войске. В 1774–1817 гг. существовало Бугское войско, составленное из представителей балканских христианских народов. 29 марта 1851 г. высочайшим указом было образовано Забайкальское казачье войско, в состав которого вошли три русских, один тунгусский и два бурятских полка. В рядах российской императорской гвардии также имелись казачьи части. В 1827–1881 гг. на казачьих правах существовал лейб-гвардии Крымско-Татарский эскадрон.

Чеченцы и дагестанцы составляли личную охрану Государя Императора Николая II.

В начале XX в. в Русской армии имелось 4 отдельных конных (туземных) полка: Крымский конный полк Государыни Императрицы Александры Федоровны (Симферополь), 1-й Дагестанский конный полк (Темир Хан Шура), Текинский конный полк (Ашхабад) и Осетинский конный дивизион (Ставрополь).

23-го августа 1914 г., в самом начале Первой мировой войны, Николай II издал высочайший указ о создании Кавказской туземной конной дивизии, в состав которой вошли шесть полков – Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский, Черкесский и Ингушский. В одном из боев Ингушский полк разгромил знаменитую немецкую «железную дивизию», которая считалась гордостью кайзеровской армии. В поздравительной телеграмме Николая II так описывалось это сражение: «Как горная лавина обрушился ингушский полк на германскую «железную дивизию». В истории русского Отечества... не было случая атаки конницей вражеских частей, вооруженных тяжелой артиллерией... Менее чем за полтора часа перестала существовать «железная дивизия», с которой соприкасаться боялись лучшие войсковые части наших союзников... Передайте от моего имени, царского двора и от всей русской армии братский привет отцам, матерям, женам и невестам этих храбрых орлов Кавказа, положивших своим бессмертным подвигом начало конца германским ордам».

В «дикой дивизии» не было ни одного случая дезертирства. За боевые заслуги ее бойцы неоднократно награждались медалями и орденами высшего достоинства. Причем воины-мусульмане с гордостью носили Георгиевские кресты. («Российская газета», 2006, 24 января). В Белой армии был Сводно-кавалерийский полк 1-й Кавказской казачьей дивизии, где два эскадрона составляли русские православные люди, а еще два эскадрона – татарский и черкесский – были магометанскими.

Казачество изначально было многонациональным и веротерпимым.

Государство формировало и сформировало казачество как особый иррегулярный род войск, многонациональный по своему составу и обязанный защищать интересы всех народов России. В формировании казачества участвовали представители самых разных народностей, но доминировал элемент славянский. Большая часть – русские (78%), на втором месте стояли украинцы (17%), на третьем месте – буряты (2%), были также белорусы, осетины, якуты и другие. Большинство казаков исповедовали православие, при этом имелся большой процент старообрядцев (особенно в Уральском (около 50%), Терском (15,6%), Донском (10,1%) войсках).

По переписи 1897 г. в области Войска Донского проживало 2575176 человек, в том числе войскового сословия (казаков) – 1054176 человек. Из общего числа: православных – 2330161, раскольников – 122617, армяно-григориан – 27551, ламаистов – 31943, единоверцев – 5636, прочих исповеданий – 56268 человек (сюда включены католики, лютеране, сектанты, мусульмане, иудеи). С незапамятных времен даже в столице казаков Черкасске отдельной станицей жили казаки-татары, исповедовавшие ислам. В 1805 г. с основанием города Новочеркаска казаков-татар перевели на новое место. Так появилась станица Татарская на р. Тузлов. В 1859 году в ней проживало около 800 казаков – 600 татар и 200 черкесов, стояли две мечети.

В 1870 г. 2262 калмыка, традиционной религией которых был буддизм, вошли в состав Войска Донского. Переносные жилища калмыков образовывали поселения на колесах – сотни. В каждой сотне имелись кибитки, а на реке Маныч и в Рынцановской сотне – хурулы (монастыри), выстроенные на «китайский манер».

О первых казаках-католиках известно немного, но документы донесли до нас, что во время Азовского сидения* в 1637–1642 гг. при штурме казаками Азова подкопом и взрывом крепостной стены руководил казак-немец Иоганн.

---

* Азовское сидение – героическая оборона Азова донскими казаками в 1637–1642 гг. Летом 1637 г. казаки взяли Азов – мощную турецкую крепость, располагавшую 4-х тысячным гарнизоном и 200 пушками, и владели им в течение 5 лет. В начале 1641 г. огромное турецкое войско осадило Азов. Однако донцы (около 5,5 тыс. чел., в т.ч. 800 женщин) проявили исключительную стойкость и мужество в его обороне, отбивая многочисленные штурмы неприятеля. Понеся большие потери, турки вынуждены были снять осаду.

Отстаивая город, казаки не раз предлагали его русскому царю. Но тот не смог принять подарка. Воевавшая на западе Россия не потянула бы открытие южного фронта. Земский собор и царь просили казаков не ссорить Россию с Турцией и уйти. Во времена Азовского осадного сидения считалось, что город взят, если неприятелю удалось войти в него через ворота. Летом 1642 г. казаки сами оставили Азов, разрушив его укрепления. Покидая крепость, казаки увезли с собой в Черкасск тела погибших воинов, свои святыни и ворота. Так что формально Азов так и остался непокоренным.

И поныне в г. Черкасске перед колокольной Войскового Воскресенского собора – главного храма Войска Донского – хранятся трофеи Азовского осадного сидения: створки крепостных ворот, две калитки и коромысло торговых весов, вывезенные из Азова казаками более 350 лет тому назад.

Героическая оборона Азова XVII века нашла отражение в повестях, песнях, рассказах, преданиях.

Многонациональными являлись и другие казачьи войска, в том числе и Сибирское. Для пополнения казачьего сословия власти широко использовали людей, ссылаемых в Сибирь за разные провинности¹, а также пленных. Среди пленных начала XVIII века преобладали поляки, сославшиеся в Сибирь и числившиеся в особом «литовском» списке служивых казаков. В начале XVIII века Петр I отправляет в Сибирь пленных шведов. Были среди казаков и пленные французы. Наконец, широко привлекались к воинской службе местные жители – «инородцы», являвшиеся одним из самых надежных источников комплектования сибирских казаков: в составе Сибирского казачьего войска в первой половине XIX века находился Сибирский татарский полк.

Большинство сибирских казаков считались русскими (великороссами). На 1 января 1914 г. таковыми считались 94,3 процента, и в их состав обычно включали и украинцев (малороссов) с белорусами. Среди сибирского казачества украинцев было около 6 процентов, белорусов – 3 процента. В 1914 г. на территории войска проживало: христиан – 73,58%, в том числе православных 67,97, иноверцев в войске – 26,42%, в т.ч. 26,31% магометан. У иноверцев насчитывалось 10 храмов.

Всего же в казачестве служили люди сорока четырех национальностей. Служа в казачьих войсках, представители этих народов никогда не теряли своей национальной самобытности. Такое смешение народов составило неповторимый колорит, своеобразную гамму казачьих войск, каждое из которых имело свою особую историю, и в ней по-своему отражались и общие для всех казачьих войск тенденции, и свои особенности культуры и быта, являвшиеся частью истории и культуры России.

Казаки, преимущественно будучи православными, спокойно относились ко многим религиям.

Вряд ли казаки знали о существовании ст. 67-й «Свода Законов Российской Империи» (СПб, 1913. Глава седьмая. «О Вере». С. 8), но веру других народов уважали, и нисколько не притесняли ее. А статья эта гласила: «Свобода веры присвоается не токмо Христианам, ... но и Евреям, Магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи».

В основе Веры казаков лежала идея любви к ближнему, и казак был готов «положить душу за други своя», умел ценить свободу и защищать ее. «Бог может быть у нас и разный, этого точно не знаем, но точно знаем – кровь в бою у нас одного цвета», – на этой заповеди основывалось веротерпимость казачества России.

Весьма важно подчеркнуть, что, несмотря на полную веротерпимость казаков, основу казачьей жизни всегда составляло Православие, и вне Православия никакое казачество существовать не могло.

Казачество всегда считало себя русским по крови и религии, защитником Православной Веры и всегда крепко держалось сознания службы русскому православному государству. Именно Православие явилось тем фундаментом, на котором было создано и зиждется Государство Российское. «Святая Вера Православная соединила разрозненные племена славянские, уничтожила племенные их отличия, поставляющие преграду их общению, и образовала один многочисленный, сильный и единокорный народ русский», – справедливо подчеркивает митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Во все времена казаки знали, что русский народ есть народ государствообразующий, и не выделяли себя из русского народа – станового хребта России. И в современных казачьих обществах продолжают многонациональные традиции казачества. Казаки – часть русского, российского народа – Создателя и Хранителя нашей Державы.

Наши деды, прадеды ценой нечеловеческих усилий, не щадя самих себя, собирая нам величайшее достояние – Русскую землю, сохранили нам главное ее украшение – Православную Веру. Вне

---

¹ При Петре I отдаются царские указы «верстать на убылые места в казачью Сибирскую службу... ссыльных, которые присланы будут в службу» (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения. – СПб., 1911, с. 68). «В 1770 году было зачислено в войско 138 запорожских казаков, которые во имя Православной веры и русского народа проводили беспорядки в Польше... Часть этих казаков быда поселена на Пресногорьковской линии, где они до сих пор вспоминаются в любимой песне казаков-малороссов: «Ой на гори да жени жнуть»... (Симонов Н.А. Очерк службы № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. – М., 1901, с. 2–3).

Православия у казаков не было истории, нет и не будет, ведь казак – это не национальность и не только воинская специальность, а прежде всего – это состояние духа. Вера Христова, православный дух – главный стержень казака, главная его жизненная сила. Исторически, генетически в Вере Православной черпали и крепили казаки дух свой, свою ратную доблесть и мужество.

В отличие от некоторых других слоев русского общества, среди казаков безбожников не было. Православие направляло и освящало весь земной путь казака от крещения до соборования, определяло его мировоззрение.

Неспокойная, полная опасностей и тревог боевая жизнь учила казаков ценить вечное, пренебрегая земным. Свою жизнь казак понимал как служение Богу и России, и в этом он видел смысл своего пребывания на земле. Именно казачество реализовывало в мирской жизни духовное совершенство, которое достигают лишь монахи. В некоторых войсках, например, у запорожцев, устав был сродни монашескому. Ежедневная шестичасовая литургия для всего войска, беспрекословное послушание старшему – не за страх, а за совесть, всякое дело – с именем Христа и Богородицы на устах. Запорожские казаки чтити церковные праздники и святых: праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Архистратига Михаила и Николая Чудотворца. В честь Покрова Пресвятой Богородицы всегда устраивалась церковь в самой Сечи, и «под Покровом Богоматери запорожцы не боялись ни вражьего огня, ни грозной стихии, ни бури морской». Архистратиг Михаил был невидимым руководителем казаков на войне, а Святитель и Чудотворец Николай, издавна почитаемый на Руси, пользовался особым отношением казаков как покровитель всех плавающих, странствующих и путешествующих, как защитник казаков, совершавших длительные морские походы. Самые даты войсковых кругов в казачьих войсках приурочивались к церковным православным праздникам. Такое совмещение важных для казаков дел с православными праздниками было прямым следствием того душевного настроения, того трепетного, заботливого отношения к Православию, которое всегда отличало подавляющую часть казачества.

Достойное первохристиан презрение к смерти, всегда проявляемое казаками, свидетельствует о постоянной жизни в духе, преображающем душу и плоть. Казаки, безудержные, храбрые и мужественные воины в боевых походах, лихие рубаки в бесчисленных сражениях, смирялись у ворот Храма. Служа чистейшим образцом не только воинской доблести, но и набожности, казаки, не задумываясь, клали жизни на алтарь Отечества. Ибо знали: с ними Бог и непоколебимая вера в правое дело умножения могущества и величия России.

Любовь к церкви была естественным стремлением казака, его жизнью, и, по казачьим понятиям, Родина там, где стоят родные церкви. Церковь для казака – самое главное достояние станицы, строили церковь обычно всем обществом.

Храмы – от главного войскового до часовни в затерянном среди степей хуторе – были органичной частью повседневной казачьей жизни. Церковь никогда не стояла вне интересов станичного или хуторского общества, что и отражалось в характерных для казачества обычаях. У казаков было принято входить в храм обязательно в форме и с холодным оружием и во время чтения Евангелия чуть обнажать клинок или класть руку на рукоять шашки, «чтобы сталь слушала». В каждом казачьем полку были свой священник и своя походная церковь, которую берегли как знамя.

Религиозно-нравственное воспитание казака всегда было предметом особой заботы Церкви. Приобщение к религии и осмысление Веры в Бога в казачьих семьях начиналось с раннего детства. Дети в возрасте 5-6 лет обязаны были с дедом, бабушкой, отцом, матерью, стоя на коленях перед иконами (у казаков, как правило, было несколько икон в углу), читать молитвы с обращением к Богу. Казак, помолвившись Богу, приступал к приему пищи, работе, с молитвой отходил ко сну. Со святой молитвой шел он и в смертный бой. «Дурной сын церкви не может быть сыном отечества, а потому казак должен всею душою, всеми намерениями и помышлениями утвердиться в *Законе Божиим*, в святой вере Христовой и в словах *Царского* устава. Чтобы быть исправным казаком, немного нужно: люби *Бога, Государя и Отечество...*», – говорится в «Руководстве для строевой и служебной подготовки казаков пригготовительного разряда Оренбургского казачьего войска» (Оренбург, 1888, с. 172).

Отдавая все свои силы религиозно-нравственному воспитанию воина-патриота, священники в станичных храмах вели беседы и поучения: о преподобном Сергии Радонежском Чудотворце; на праздник Казанской иконы Божьей Матери; в день кавалерского праздника ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и другие.

Храмы казачьи были лучшим местом для хранения военных реликвий. Сам факт помещения в храм боевых наград и знамен придавал им новое, духовное значение, как бы приобщая эти символы воинской доблести к Царству Божию, подчеркивая богоугодность воинских подвигов во благо Отечества.

И в сибирских казачьих храмах, как и в других казачьих войсках, эта традиция бережно соблюдалась: так, в Никольском войсковом соборе* в г. Омске сибирские казаки как величайшую святыню хранили знамя Ермака (12) с изображением на одной стороне Святого Великомученика Дмитрия Солунского (10), на другой – Архистратига Михаила (25), вдохновлявшего русских витязей-казаков во всех сражениях с храбрым и сильным противником.

В песне «В девяносто первом годе» пели сибирские казаки:

... Божий дом.
В этом доме мы бывали,
Ермака знамя видали.
Ермаково знамя есть
Наша слава, наша честь.

(Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916. Вып. 1, с. 69)

В годы Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.), уходя на фронт, полки Сибирского казачьего войска, осененные знаменем Ермака, клялись служить верой и правдой Богу, Царю и Отечеству, как это делали их славные предки, и получали молитвенное благословение (в 1919 г. знамя было изъято из храма атаманом Б. В. Анненковым (3) и следы его затерялись в вихре Гражданской войны...). В храме хранился и орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени, принадлежавший прославленному полководцу, выдающемуся администратору Западной Сибири и Туркестана и войсковому наказному атаману Сибирского казачьего войска в 1882–1889 гг., генералу от инфантерии Герасиму Алексеевичу Колпаковскому (17). А в алтаре Николаевской церкви Сибирского кадетского корпуса хранился небольшой походный серебряный складень, принадлежавший, по преданию, Генералиссимусу светлейшему князю Александру Васильевичу Суворову (39).

---

* Казачий Никольский собор – памятник истории и архитектуры. Построен на народные пожертвования. В основу проекта собора легли чертежи выдающегося зодчего В.П. Стасова, автора многочисленных построек в Санкт-Петербурге и Москве. Храм строился с 1833 по 1840 год. Иконы для церкви были написаны академиком живописи М.М. Мягковым и художником П.М. Скороспеловым. Иконостас изготовлен екатеринбургскими мастерами П. Батовым и А.И. Дулиным. Колокола были отлиты на Локтевском горном заводе. Медные кресты пожертвовал владелец Верхне-Исетского завода Яковлев. Храм был освящен в июне 1840 г. протоиереем Дмитрием Пономаревым. Три престола были посвящены Св. Николае Чудотворцу, Св. Георгию Победоносцу, Св. Симеону Богоприимцу и Св. Анне Прирочице. Прихожанами собора были казаки Омска и окрестных станиц. При Казачьем Никольском соборе была открыта четырехклассная школа для девочек, в приходе церкви находился войсковой приготовительный казачий пансион, 2 приходских Никольских училища (муж. и жен.), Николаевское мужское училище и 2 казачьих школы. Основные пожертвования поступали от казаков и священников, служивших в этом храме. В соборе хранилось знамя Ермака и другие войсковые святыни. В советское время неоднократно проводились конфискации церковных ценностей. В ноябре 1928 г. городской Совет принял решение передать здание под «культурные нужды». Была разобрана колокольня, сняты и отправлены на переплавку купола... В разные годы здесь размещались клуб «Строитель», управление культуры, управление кинофикации, кинотеатр «Победа». С 1966 г. здание находилось в запустении. В 1983 г. в бывшем соборе установили орган, и здесь был открыт зал органной и камерной музыки.

В настоящее время храм возвращен церкви, в нем совершается богослужение, работает воскресная школа, в нем собираются казаки Сибирского казачьего войска, поминаются павшие казаки, воины Великой Отечественной войны, воины, павшие в локальных конфликтах. (Вибс П.П., Михеев А.П., Пугачев Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994, с. 100–101).

С объявлением войны не затворялись двери казачьих храмов. В них непрерывно читались молитвы, причем по ночам молитвы читались наиболее уважаемыми казаками – стариками, старейшинами казачьего рода, убеленными сединами, израненными в боях и походах...

Казаки за свою преданность Христу, Царю и святому русскому Отечеству, наряду со священниками и монахами, заслужили наибольшую ненависть большевиков и первыми взойшли на свою Голгофу. Но именно казачество, обязанное своим возникновением Православию, выжило и сохранилось до наших дней благодаря Православию, и его будущее – только с ним.

Обращаясь к истории казачества, мы находим множество свидетельств и доказательств того, что казачество являлось в течение столетий одной из самых жизнеспособных разновидностей русских вооруженных сил, и не найдем ни одного случая, чтобы казаки не оказывались на высоте положения или же были виновниками неудач русской армии, русского оружия. «Природные способности казака: зоркость, находчивость, местопамятование, сноровка во всем, свойственная вообще людям, привычным на службе ходить без помочей и действовать чаще всего по собственному внушению, непоколебимая преданность долгу и верность престолу и отечеству, равно в вере отцов своих, в соединении с достаточною долею отваги, равно и способности переносить опасности и труды войны, всегда были отличительными чертами казака и вот почему из казаков всегда и во все войны выходили хорошие воины», – отмечал «Военный сборник» в 1869 г. (№ 4, с. 42).

Высочайший профессионализм у казаков вырабатывался из поколения в поколение. Начиная с 17-летнего возраста, они оставались в строю «доколе в силах» и увольнялись в отставку только за старостью и совершенной неспособностью к службе. «Для того казак родится, чтобы царю на службе пригодиться», – гласила старинная поговорка.

Принцип всеобщей воинской повинности*, принятый в 1874 г. для всего населения России, применялся к казачьим войскам с самого их появления и на практике осуществлялся гораздо полнее, чем по отношению к прочему населению. В мирное время численность русской армии составляла 1,5 процента мужского населения империи. В казачьих войсках отношение штата мирного времени к войсковому населению мужского пола равнялось 4,3 (в Сибирском казачьем войске даже 4,9!) процента. В военное время отношение численности армии к составу мужского населения империи повышалось до 4,2 процента, а в казачьих войсках – до 12,5.

Казачьи войска в мирное время составляли 7,1 процента всей численности армии, в военное же время воинский штат казачьих войск равнялся 7,2 процента всей численности русской армии на военном положении (Статистическое обозрение современного положения казачьих войск. – СПб, 1903 г., с. 34). О нелегкой службе говорят слова из песни:

Хорошо житье казачье,
Только служба тяжела.
Уж мы, ходя, наедемся,
Стоя выпьемся всегда...

«Соберемся-ка мы, казаченьки...» (Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916. Вып. 1, с. 32)

В военное время казаки выставляли большое и хорошо вооруженное войско в 330 тысяч воинов. Были в казачьих войсках не только всадники, но и пехота – пластуны, артиллеристы – батарейцы, были моряки Каспийской и Амурской флотилий. Не нужно быть крупным специалистом в военном деле, чтобы понять, что казачий уклад жизни являлся широкой и надежной базой подготовки первоклассных военных кадров, что давало огромное превосходство Русской армии над вооруженными силами сопредельных государств. В некоторых странах пытались создать такое же военное сословие. Прусский король Фридрих-Вильгельм III (1797–1840) в начале XIX в., восхищенный конницей М.И. Платова (28), одел часть своей кавалерии в казачью одежду и дал ей казачье вооружение. Не получилось из них казаков. На Дон специально приезжали англичане и

---

* *Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного.* – Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1913. Глава восьмая. – О правах и обязанностях российских подданных. Ст. 70, с. 7.

Знамя дружины Ермака. Правая сторона

Знамя дружины Ермака. Левая сторона

венгры перенимать российский опыт. Тоже ничего не получилось, ибо еще мало обучить кавалериста прекрасной джигитовке или мастерскому владению оружием. Нужны были особые условия жизни, быта, культуры, традиции и, главное, Вера Православная... Жизнь на порубежье, полная опасностей, ковала особый характер казака, сказывалась на быте, обычаях, службе, экономике. Ведь для кого окраина, а для казака здесь начало Родины!

Никакие сопредельные народы не смогли поколебать казачество: объединенные одним происхождением, одной Верой Православной, любовью к Родине, сплоченные и организованные, казаки уже в силу этих обстоятельств оказывались сильнее даже гораздо более многочисленного неприятеля.

Военная история свидетельствует нам, насколько были велики заслуги казаков как воинов перед Отечеством, служение которому с оружием в руках являлось обязанностью каждого мужчины. Казаки были прирожденными воинами, и такими их делала и сделала сама жизнь, полная настоящих опасностей и тревог. На казаков всегда выпадало самое трудное – быть везде и во всем первыми. Казаки участвовали во всех войнах, которые приходилось вести России. Они – активные участники походов Петра I, гроза пруссаков в Семилетней войне, опора Суворова в сражениях с турками на Балканах, с войсками Наполеона на полях Италии и в горах Швейцарии. В Отечественную войну 1812 г. казаки первыми встретились с врагом, они же в числе первых вошли в поверженный Париж. В войну Дон выставил 70 полков и две с половиною роты артиллерии (35 тыс. человек). На Дону остались только дети, женщины, калеки да администрация. Корпусом М.И. Платова в ходе войны было взято более 30 знамен, 546 орудий и 70 тыс. пленных.

Доблестный главнокомандующий князь М.И. Кутузов-Смоленский (22), воздавая должное донцам, не упускал случая отзываться о них с величайшей похвалою. Так, например, в письме к графу Платову от 26 декабря 1812 г., по поводу пожертвования им 40 пудов серебра для Казанского собора, М.И. Кутузов писал: «...Мне сладостно думать, что Ваши воины, бросаясь в опасность, не щадя жизни для исторжения сокровищ из рук неприятеля, имели в виду не корысть, но Бога отцов своих и мщение за оскорбленную Его Святыню...».

В письме от 17 января 1813 г. к М.И. Платову князь Кутузов говорил так: «...Почтение мое к войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 г., которые были главнейшей причиною к истреблению неприятеля, лишенного в скорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно и орудий, неусыпными трудами и храбростью Донского войска... От Всемиловейшего Государя готовится войску грамота, достойная заслуг его. Я в полной надежде, что мужественные Донцы помогут нам совершить со славою поприще, начатое нами с таким блеском...».

Все эти лестные отзывы князя Кутузова о донских казаках нашли свое подтверждение в высочайшем манифесте войску Донскому от 13 апреля 1813 г.

Отечественная война, навеки запечатлевшаяся в народной памяти, в памятниках на местах сражений, живописи, поэзии, музыке, отразилась и в казачьей песне. В песне о Бородинском сражении «Что не соколы крылаты», созданной казаками и весьма популярной в Сибирском казачьем войске, отразилось осознание народом своей силы и веры в свою победу:

Память славы созывает
На поля Бородина.
.....
«Смерть врагам», – сказал Кутузов
И с дружиною своею
Начал потчевать французов
По-казачьи, без затей!

(Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916. Вып. 1, с. 38–39)

В 1839 г. Николаем I, основателем Бородинского музея, был торжественно открыт памятник героям Бородино на центральном русском укреплении, названном батареей Раевского. Он представляет собой восьмигранный чугунный столп, увенчанный золоченой главой в виде булавы, древ-

него оружия русских витязей. На западной грани основания памятника, осеняющего православным крестом с тридцатиметровой высоты место наиболее ожесточенных боев, – рельефное изображение образа «Спаса Нерукотворного» с надписью славянской вязью: «В Нем спасение». На восточной грани надпись: «Кутузов, Барклай де Толли, Багратион. Русских было в строю: Пехоты 85500 чел. Конницы 18200 чел. Казаков 7000 чел. Ополчения 10000 чел. Орудий 640».

Прославили Отечество наше казаки и в Русско-турецкую (1877–1878 гг.), и в Русско-японскую (1904–1905 гг.), и в Первую мировую (1914–1918 гг.), в которой участвовало более 300 тысяч казаков (164 конных полка, 30 пеших батальонов, 78 батарей, 175 отдельных сотен, 78 полусотен, не считая вспомогательных и запасных частей). Если до войны в составе русской армии находилось 54 казачьих полка, что составляло 55 процентов всей русской конницы, то к концу войны казачья конница составляла свыше 70 процентов всей русской кавалерии. За боевые отличия на полях сражений Первой мировой войны свыше 200 казачьих офицеров были награждены орденом Св. Георгия, около 350 – Георгиевским оружием «За храбрость», более 100 тысяч казаков – Георгиевскими крестами и медалями.

...Воистину «казачья беззаветна храбрость вошла в поговорку у нас», поется в песне «Благословен ваш путь далекий» («Песни Сибирских казаков». – Пг., 1916, с. 72), а в песне «Вперед, друзья, вперед» говорится:

Вперед, друзья, вперед, быстрее урагана,
Туда, где сеет смерть губительный свинец.
Ударим на врага и с силою бурана
Атакою лихой раздавим их вконец!

(Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916. Вып. 1, с. 111)

Одновременно казачество постепенно превращалось в силу, охранявшую государство не только от внешних, но и от внутренних врагов. По свидетельству генерала Антона Ивановича Деникина **(9)**, «царское правительство широко использовало казачьи войска для подавления народных волнений и тем навлекло на них глубокое озлобление среди бродящей, недовольной массы населения». «Эпизоды “усмирений”, – вспоминал генерал, – с неминуемым насилием, иногда жестокостью, получили широкое распространение в народе, преувеличивались и вызывали враждебное отношение к казакам». Казаки приобрели устойчивую репутацию «наиболее консервативного государственного элемента, опоры престола и режима».

Гражданская война – величайшая историческая драма нашего Отечества, подлинная трагедия нашего народа. Кровопролитная братоубийственная война разделила Российское государство на два враждебных до непримиримости лагеря. В бескомпромиссной борьбе сошлись Красное и Белое движения, и в ней погибли многие миллионы наших сограждан, огромными были потери и среди мирного населения.

Казачество, как и весь народ, тоже было расколото Гражданской войной на две враждующие части. С одной стороны, в составе РККА действовало 8 кавалерийских дивизий Червоного казачества (во второй половине 1918 г. в составе Красной Армии на Южном фронте сражалось 14 казачьих полков, хотя некоторые из них таковыми были скорее по названию, чем по сути). С другой – казачество, в своей основной массе не принявшее идею уравнительного землепользования* и активно участвовавшее в Гражданской войне, «находилось в белогвардейском лагере» (Большая Советская Энциклопедия. – М., 1963. Т. 11, с. 107). Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель **(6)** писал: «Казачьи земли явились колыбелью «белых» армий, поднявшихся в дни смуты на защиту чести и свободы Отечества. В борьбе с поработителями родины казачья кровь обильно полила степи Дона и Волги, горы Кавказа, беспредельные шири Сибири». Казачьи части являлись главной

---

* 9 февраля 1919 г. сибирская казачья газета «Иртыш» отметит: «Казаки своей земли ни от русских помещиков, ни от русских царей не получали, они завоевали ее сами и сами же отдали излишки русскому народу. Поэтому казаки своей землей вправе распоряжаться так, как заблагорассудится войсковому кругу, и в указаниях советов рабочих депутатов не нуждаются». – Примеч. Ю.Ф.

военной силой белых армий в борьбе с большевиками*. К этому казачество подтолкнула проводимая красными политика расказачивания (массовые расстрелы, взятие заложников, сожжение станиц, реквизиции, стравливание иногородних с казаками). В Красной Армии также имелись казачьи подразделения, но они представляли менее 10 процентов казачества.

Большая часть из четырех с половиной миллионов казаков погибла за родную землю (общий же итог людских потерь России за годы Первой мировой и Гражданской войн, по-видимому, превысил 25 миллионов человек). К 1921 г. из страны эмигрировало от 1,5 до 2 миллионов человек. В стране были уничтожены офицерство, духовенство, интеллигенция, деловой мир, дворянство, наиболее активная часть крестьянства («кулаки» и «подкулачники») и другие «классовые враги», уничтожению подверглись и целые субэтнические группы России, прежде всего казачество, поголовно истреблялись его верхи, все те, кто принимал какое-либо участие в борьбе с советской властью, а затем и те, кто сражался за нее.

В большевистской политике по отношению к казачеству «классовый подход» не распространялся.

Красный террор... Уже в ходе Гражданской войны было уничтожено (не репрессировано, а именно уничтожено!) 80% казачества. В первую очередь были расстреляны, заколоты штыками, зарублены шашками все представители избранной казаками власти, мировые судьи, священники, старики. Казачество сразу было лишено исторической памяти и носителей культуры. В 1920-е годы в станицах почти не осталось стариков, которые всегда, испокон веков, были казачьей памятью, совестью, верой, традицией. Не были пощажены и семьи казаков.

На совещании работников политотделов 8-й и 9-й армий Южного фронта председатель РВС Республики Троицкий провозгласил: «Казачество – это класс, который избрало царское правительство себе в союзники, опора трона. Казаки подавили восстание 1905 года. Их история запятнана кровью рабочего класса. Они никогда не станут союзниками пролетариата. Уничтожить как такое, расказачить казачество – вот наш лозунг! Снять лампы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области».

Приведем инструкцию для служебного и секретного пользования, разработанную И.И. Ходоровским (44) и утвержденную Я.М. Свердловым (34) 26 февраля 1919 г., направленную на уничтожение Оренбургского и Уральского казачества:

«1. Все оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта, объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению.

2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после 1 марта, подлежат безусловному аресту. ЧК предписывается строжайшим образом расследовать обстоятельства их перехода.

3. Все семьи оставшихся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются арестованными и заложниками.

4. Объявленные заложниками поступают на учет местного Совета: членам указанных семей и их имуществу производится учетная перепись.

5. Выезд семьям и их членам, объявленных заложниками, безусловно, воспрещается.

6. Все члены семей, объявленных заложниками, дают во исполнение пункта 5 подписку.

7. В случае ухода одной из семей, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете в Совете.

8. Имущество расстрелянных конфисковывается и распределяется среди беднейшего населения.

9. Все, сражавшиеся против Красной Армии с оружием в руках, и перебежчики, перешедшие после 1 марта, и освобожденные из-под ареста лишаются права голоса, находясь на положении деревенской буржуазии.

---

* Во время Гражданской войны казачьи дивизии составляли почти всю белую кавалерию. Всего на стороне белых воевало до 90 казачьих дивизий. Только из донских казаков было сформировано 94 полка (около 82 процентов боеспособных донцов). В составе войск Деникина действовала белоказачья Донская армия, Кубанская армия, на Востоке России – Оренбургская армия, Уральская армия и др.

10. Казаки в возрасте свыше 45 лет, не имеющие сыновей в Красной Армии, и не стоящие на стороне Советской власти должны быть расстреляны.

11. Расстреливать на месте вместе с семьями казаков, не сдавшихся в плен по истечении недельного срока».*

Спасаясь от Красной Армии, ушли за рубеж от 40 до 65 тысяч белоказачков, следовательно, воевало против нее значительно больше. Потерпев поражение в Гражданской войне и уходя в эмиграцию, значительная часть казаков предпочла изгнание «сдаче в плен на милость победителя». Казаки увозили с собой войсковые и полковые святыни и реликвии**.

После разгрома армий Деникина многие казаки оказались в Турции, а через нее перебрались в Египет, Болгарию, Югославию, Францию и другие страны. Остатки Уральской казачьей армии ушли в Персию, а затем они оказались в Австралии и других далеких странах.

В 1920–1921 гг. около 20 тысяч русских казаков, покинув родину, прибыли на греческий остров Лемнос (кубанские, терские, астраханские казаки, лейб-гвардии Донской корпус). «Сидение» на острове продолжалось более года. В ноябре 1921 г. часть казаков перебросили в Югославию и Болгарию, другие разъехались по многим странам мира. Тяжелые лемносские условия пережили не все. На острове покоятся останки более 300 казаков, в том числе женщин и детей...***

В Китай ушли в 1920–1922 гг. оренбургские, сибирские, семиреченские, забайкальские, амурские и уссурийские казаки. Они селились казачьими станицами по ту сторону советско-китайской границы, но со временем многие из них тоже оказались в Австралии и Латинской Америке.

На чужбине казаки не пали духом, не утратили интереса к родному языку и культуре. Издавались десятки газет и журналов, работали издательства, приобрели мировую известность казачьи ансамбли и хоры****.

Казаки, небольшая часть русского народа, выброшенная лихолетьем за пределы Российской империи, смогла достойно вынести все ниспосланные ей тяжелые испытания. Выстоять вынужденным эмигрантам помогала Русская Православная Церковь.

---

* Орфография подлинника сохранена. – Ю.Ф.

** В Королевском музее армии и военной истории Бельгии среди многочисленных экспонатов на стеллажах рядами расположились серебряные полковые трубы. Когда-то они играли свадебный марш Мендельсона.

Именно он был маршем Его Императорского Величества лейб-гвардии Казачьего полка. Когда в 1877 г. Александр II провожал полк на Русско-турецкую войну, на него произвел впечатление радостный настрой казаков: «Можно подумать, что они идут на свадьбу», – заметил царь. С тех пор и закрепилась за полком мелодия Мендельсона.

В 1919 г., когда казаки сдерживали натиск Красной армии в Крыму, полковой музей был перевезен в Константинополь, затем в Париж, и в 1936 г. он оказался в Брюсселе, куда впоследствии поступили реликвии и архивы Павловского и Петроградского полков, архивы Ассоциации выпускников Александровского лицея в Царском Селе, Ассоциации моряков, имущество других эмигрантских организаций. Однако единственная цельная полковая коллекция – все же казачья. (Красная Звезда, 2001. – 13 января).

*** 27 сентября 2004 г. в день Воздвижения Креста Господня на острове было открыто первое казачье кладбище за рубежом и установлен высокий мраморный крест с изображением эмблемы белого движения – тернового венца – и надписью на постаменте: «Казакам России, нашедшим последний приют на греческой земле».

На рейд Лемноса встал ракетный крейсер «Москва» и эсминец «Сметливый», на которых на открытие памятника прибыла российская делегация в составе вице-спикера Государственной Думы Сергея Бабурина, посла России в Греции Андрея Вдовина, командующего Черноморским флотом Владимира Масорина, архиепископа Орехово-Зуевского Алексия, наместника Новоспасского мужского монастыря, кубанских казаков во главе с атаманом Владимиром Грозовым.

Под звуки гимна двух стран почетные караулы морской пехоты – нашего, Черноморского, и греческого – отдали салют в память о похороненных казаках. Владыка Алексий совершил панихиду, а делегация кубанских казаков возложила венок, повязала рушник и у основания креста рассыпала горсть кубанской земли. Атаман Кубанского казачьего войска своим приказом объявил этот день Днем памяти всех казаков, погибших за пределами Отечества.

Впервые за пределами России восстановлены российские символы над захоронениями наших соотечественников. Будет здесь поставлена часовня, в которой будет находиться книга с именами и фамилиями казаков, многие из которых находятся на казачьем кладбище. (Солдаты России. – 2006, № 3, с. 48–50).

**** В 1927 г. в Праге (Чехословакия) был создан казаками-эмигрантами Платовский хор – донской казачий хор имени атамана М.И. Платова. Руководитель Н.Ф. Кострюков. Хором записаны десятки граммофонных пластинок. За время своей концертной деятельности Платовский хор, репертуар которого составляли казачьи песни, посетил более 65 стран мира.

Создаваемые русскими православные храмы украсили немало стран мира. Только в Харбине (Китай) их было 22, и сооружены они были на средства, пожертвованные порой от более чем скромного достатка.

Огромное значение в духовной и культурной жизни православного Харбина имели местные монастыри, укреплявшие дух народа, насаждали подлинное просвещение и духовность. Был в Харбине также институт Святого Благоверного князя Владимира, который готовил будущих пастырей Харбинской епархии. Занятия в харбинских учебных заведениях – гимназии, лицее, Русском Доме – вели служители Церкви Христовой, преподававшие основы Закона Божия.

Харбинский мужской монастырь в честь Казанской иконы Божьей Матери был крупным издательским центром. Здесь выпускалась богослужебная литература, издавались церковные листки с духовно-нравственными наставлениями, журналы и мн. другое. Церковная больница имени В.А. Казем-Бека спасла тысячи страждущих людей...

Потеряв все, кроме своей совести и Православной Веры, которую не смогли отнять большевики, эти русские изгнанники ухватились за Церковь Христову как за последний якорь спасения, и русские архиереи, сопровождавшие их, собрали, утешили и сплотили их вокруг единого духовного центра, каким всегда была для них Церковь. И Вера сохраняла и укрепляла этих людей, вселяла надежду на осуществление их заветной мечты о возвращении на Родину.

Среди миллионов наших сограждан, ушедших за рубеж во время Гражданской войны, тысячи и тысячи казаков, внесших значительный вклад в культуру, науку, экономику России, боевую славу Русской армии.

Через Югославию прошло несколько сотен тысяч русских, задержалось и осталось проживать в 1920-е годы, по разным оценкам, от 50 до 90 тысяч человек. Известно, что только военных при эвакуации Врангелем армии из Крыма в Югославию прибыло более 11 тысяч... До самой Второй мировой войны в Югославии существовала сеть русских начальных школ и гимназий, кадетские корпуса, девичьи институты, санатории, больницы, приюты, библиотеки, издавались русские газеты, журналы, книги.

... В пригороде французской столицы – небольшой тихий городок Сент-Женевьев-де-Буа, в котором нашли свое успокоение десятки тысяч наших соотечественников. Среди могил редкое имя не заставит сильнее биться русское сердце. Каждому кресту хочется поклониться в пояс. Иван Бунин и Вера Муромцева, Борис Зайцев и Иван Шмелев, Михаил Осоргин и Сергей Маковский, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, художники Коровин и Сомов, Серебрякова и Добужинский. Есть на этом кусочке русской земли во Франции и Казачий мемориал... А сколько казачьих могил разбросано по всему земному шару!

В эмигрантской взаимопомощи в духовном окормлении наших многострадальных соотечественников велика была роль Русской Православной Церкви. Вот и последний покой русских героев охраняет построенный в 1938 г. в Сент-Женевьев-де-Буа храм Успения Богородицы (архитектор Альберт Александрович Бенуа), освященный 14 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, владыкой митрополитом Евлогием*.

---

* С началом Второй мировой войны большинство казаков-эмигрантов предпочли воевать в армиях Франции, Англии и других стран против фашистов. Но были казаки, воспринявшие события войны как продолжение Гражданской войны и стали союзниками Германии, готовыми до последней капли крови сражаться с ненавистным большевизмом. Немцы не доверяли казакам, зная, что они намерены сначала «победить Сталина, а затем выгнать немцев». Поэтому их в основном использовали для борьбы с партизанами в России, Белоруссии, Польше, Югославии, Италии, где они пролили немало крови... Напомним, что незадолго до войны генерал Краснов сказал: «Хоть с чертом – но против большевиков». С ним в союзе и вернулись казаки-белогвардейцы.

С отступавшими под ударами Красной армии немецкими войсками уходили и казаки. Малая часть их добралась до известного теперь всему миру своей кровавой трагедией города Лиенца (Австрия), где около 50 тысяч казаков, сдавшихся англичанам, были подвергнуты принудительной депортации и выданы на расправу Сталину... И как бы ни оправдывались казаки, что они воевали против коммунизма, за Россию, Россия и русский народ воевали за Родину, а они пришли в союзе с ее врагом, с фашистами. Потому и погибли.

Мы обязаны помнить, что сейчас живем и дышим свободно благодаря победе Красной армии, а не таких, как те казаки, которые сражались против нее.

Не все казаки выдержали испытание разлукой с родиной. Многие, поддавшись на посулы советской власти, вернулись домой, где очень скоро большинство из них оказались в сталинских застенках или погибли. Тех, кто не смог уйти в «отступ», ждали нечеловеческие муки – «прелести» социалистического рая – «расказачивания»: физического уничтожения, изгнания из родных станиц и хуторов и выселения в отдаленные районы страны, «раскулачивания» и каторжного труда на «великих стройках коммунизма», голода 1932–1933 гг., раздачи казачьих территорий (вплоть до 1957 г.), уничтожения самого звания «казак», упразднения казачьих автономий и их административной реорганизации. Советская власть не прощала своих политических противников.

... На долгие десятилетия за казачеством прочно закрепился ярлык политически неблагонадежной группы населения, не имеющей права на достойную жизнь в пролетарском государстве, государстве диктатуры пролетариата. Жестоко преследуемое казачество на многие годы исчезает из истории России, его история подается в куцем и извращенном виде. Из памяти народной настойчиво вытравливались «неугодные» и «неудобные» имена, события, названия, целые пласты культуры народной, разрушалась связь времен и поколений. Казачество методично срезали слой за слоем, уничтожали духовно и физически на протяжении десятилетий. Место и роль казачества в создании единого и могучего государства были столь значимы, что разрушители России после 1917–1921 гг. сделали все, чтобы навсегда вычеркнуть казаков из жизни страны (уничтожен памятник Матвею Платову, среди бородинских монументов, объявленных памятниками царским офицерам и генералам, не имеющими «ни исторической, ни художественной ценности», были планомерно разрушены памятники «Благодарная Россия – своим защитникам», главный монумент на батарее Раевского, могила князя П.И. Багратиона, памятник Лейб-гвардии Казачьему полку и др.). Долго и целенаправленно насаждался официальной пропагандой искаженный до неузнаваемости образ казаков. Казаки изображались то завзятыми революционерами, то крайними «реакционерами», бородатыми и свирепыми наемниками, «жестокими, коварными насильниками и завоевателями», то людьми, в поте лица добывающими хлеб насущный, то бесшабашными «сорвиголовами», бездельниками и грабителями. За глухой стеной запретов и умолчания постепенно стиралась память о казачестве.

Юридически казачье сословие было ликвидировано декретом ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Фактически его упразднение произошло позже путем осуществления целого ряда политических и социально-экономических мероприятий.

В циркулярном письме Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. говорилось:

«Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при создании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Потому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организовав переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлох «иностранцев» казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иностранцев.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП».

(Известия ЦК КПСС, – 1989, № 6, с. 177–178).

Письмо Оргбюро ЦК партии от 24 января 1919 г. ставило казачество в положение поверженного врага и фактически объявляло его вне закона.

Получив такую директиву, партийные и советские работники Дона применили репрессии к казакам, местные ревкомы стали проводить политику «расказачивания». Станицы переименовывались в села, казакам запрещалось носить лампасы, из обращения изгонялось само слово «казак». Ответом на репрессивные меры явился вспыхнувший 11 марта 1919 года мятеж казаков, быстро охвативший большой район в верховьях реки Чир, станиц Еланская, Вешенская, Усть-Медведицкая и др. Искры восстания разносились с огромной скоростью. В течение двух-трех дней они слились в сплошное пламя, мгновенно охватившее весь Верхний Дон, а затем и Средний Дон. Как и вся страна, Дон раскололся на красных и белых...

25 мая Троцкий приказал приступить к ликвидации казачьего восстания. «Солдаты, командиры, комиссары карательных войск! – писал он. – Подготовительная работа закончена. Все необходимые силы и средства сосредоточены. Ваши ряды построены. Теперь по сигналу – вперед. Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону. Против помощников Колчака и Деникина – свинец, сталь и огонь. Советская Россия надеется на вас, товарищи солдаты. В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены. Пробил последний час. Все, как один, вперед!».

И загремели залпы, и засверкали окровавленные клинки...

В казачьи станицы, освобождающиеся в связи с физическим уничтожением казаков и их семей или переселением их в отдаленные районы Советской России, в соответствии с декретом Совнаркома от 24 апреля 1919 г. начинается переселение рабочих и крестьян из северных губерний – Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Новгородской, имевшее и экономические, и политические цели.

Декретом от 25 марта 1920 г. советское правительство ввело в казачьих областях органы власти, предусмотренные Конституцией РСФСР, и распространило на них общее положение о землеустройстве и землепользовании. По статистическим данным, в 1926 г. на Дону оставалось не более 45–50% от дореволюционного казачьего населения, в других войсках – до 25%, в Уральском войске – 10%.

Принятое 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» – один из наиболее жестоких документов советского периода. Без суда и следствия людей лишали имущества, как скот загоняли в железнодорожные вагоны и целыми семьями под усиленной охраной этапировали за тысячи километров от родных мест в районы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, где у спецпоселенцев имелось всего одно право – бороться за собственное выживание. Многих ожидали не места специальных поселений, а концентрационные лагеря или расстрел. Тех же, кто сумел выжить в концентрационных лагерях, выдержать каторжные испытания специальных и трудовых поселений, ожидала в будущем участь изгоев общества с клеймом «враг народа».

И никто не знает (и вряд ли узнает), сколько среди этих людей, ранее составлявших гордость нашего народа, было казаков – донских, кубанских, оренбургских, уральских, сибирских...

Начавшиеся в казачьих землях «раскулачивание» и коллективизация, были, по сути, продолжением геноцида, что привело к новым неисчислимым жертвам, репрессиям и высылкам. Теперь казаков расстреливали и ссылали как кулаков. Причем основной удар пришелся по казакам, сочув-

ствовавшим или воевавшим за советскую власть. Судьбу их решали «тройки», в состав которых входили секретарь районного комитета ВКП(б), председатель районного Совета и местный руководитель ГПУ.

«Кулаков»-казаков выселяли зимой, отнимая продукты и одежду. Тысячи беззащитных людей погибли по дороге в лагеря, в отдаленных районах страны, куда они прибывали в «скотских» вагонах и по этапу. Казаки первыми пополнили сталинский ГУЛАГ, в котором они и миллионы невинных людей, жестоко страдая от холода, каторжного непосильного труда, рубили лес (важнейший предмет экспорта), добывали уголь и урановую руду, мыли золото, копали котлованы под великие стройки – Беломорканал, Магнитку, Волго-Дон, строили Ухту, Воркуту, Инту, Норильск, Магадан, Комсомольск-на-Амуре... (в 1940 г. в СССР в систему ГУЛАГа входили 53 лагеря (включая лагеря, занятые железнодорожным строительством), 425 колоний (в т.ч. 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентных») и 50 колоний для несовершеннолетних – всего 1659992 чел.).

«Крупные партии кулаков направляли в Нарым, находящийся на крайнем Севере, – пишет американский историк Роберт Конквест. – Большую часть года земля здесь промерзает насквозь, а летом превращается в болото». (*Конквест Роберт. Жатва скорби. (Судьба кулаков).* // Вопросы истории. – 1990, № 1). А. И. Солженицын так рассказывает о прибытии туда кулаков: «Через село Коченево (Новосибирской области. – Ю.Ф.) в феврале 1931-го, когда морозы переменялись буранами, – шли и шли окруженные конвоем бесконечные эти обозы, из снежной степи появляясь и в снежную даль уходя... Все тянулись они в нарымские болота – и в ненасытных этих болотах остались все. Но еще раньше, в жестоком пути околевали дети». Г.Н. Потанин (29), сибирский казак, выдающийся ученый, общественный деятель и литератор, еще за полвека до описываемых событий, писал: «Не надо, однако, забывать, что в казачьей жизни не одна казарма; что казаки не всегда стоят фронтом, что большею частью они образуют обывательскую толпу, в состав которой входят женщины и дети».

Чудовишные, ни с чем не сравнимые страдания и мучения вынесли наши сограждане в 1920–30-е годы и особенно те, кто был отправлен и сослан за тысячи верст в необжитые, часто вообще непригодные для жизни районы Севера и Сибири.

Безразличное к вопросам целесообразности хозяйственного освоения отведенной «зоны», к гибели людей от голода, холода, болезней и непосильного труда сталинское руководство отводило для колонизации глухие и отрезанные от путей сообщения и поселений, совершенно необжитые, в тайге, среди болот или безводных степей местности, которые, как правило, оказывались полностью брошенными, как только бывшие раскулаченные получали право выезда из районов высылки. Люди испытывали острую нужду в основных продуктах питания, медицинском обслуживании, снабжении продовольственными и промышленными товарами, средствах производства.

Ущемление прав испытывали не только непосредственные жертвы политических репрессий, но и их дети и родственники. «Пятно» в анкете закрывало доступ к среднеспециальному и высшему образованию, к желаемой профессии, к вступлению в коммунистическую партию, без членства в которой человек не имел никаких жизненных перспектив.

Последствиями «воспитания» и «перевоспитания» в тюрьмах, лагерях и спецпоселках огромного количества людей стали миллионы загубленных человеческих жизней и сломанных судеб, криминализация общества, во многом воспитанного зоной, восприятие в обществе труда как наказания. В нечеловеческих условиях оказались семьи, вырванные из родных мест, созданных многими поколениями тружеников. Теперь они оказались под тяжким гнетом труда рабского, непроизводительного, бессмысленного и чаще всего вообще никому не нужного. Такой труд не был и не мог быть средством «перевоспитания» людей, чья прошлая жизнь с детских лет была наполнена трудом радостным, свободным и результативным.

Одновременно продолжалась кампания по вытеснению из станиц уцелевших после расказачивания и раскулачивания казаков. Казаки, покинув свои родные земли, рассеялись по всей необъятной стране и даже по всему миру, и в документах теперь старались даже не упоминать, что принадлежат к потомственному казачеству.

Удар казачеству был нанесен не только расказачиванием, но и разбросом его в административном подчинении.

До 1917 г. Российское государство имело наднациональный характер, и границы колонизируемых Россией территорий проводились без особого учета этнического состава населения. Большевики же внесли сюда особый вклад. Они перекраивали административные границы в 1921–1930 гг. – 45 раз, в 1931–1940 гг. – 26 раз, в 1941–1950 гг. – 8 раз. За шесть десятилетий границы национально-территориальных образований перемещались 94 раза! И казачьи земли в разные годы советской властью разделялись, передавались вновь образованным автономиям и национальным республикам. В результате, в 1920-е годы начался исход русского казачьего населения из ряда районов Кавказа (часть земель терских казаков отошла к Чечено-Ингушетии, Дагестану, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии)*, а на юго-востоке – огромные области России – Уральская, Акмолинская, Семипалатинская – вошли в состав обширной Кара-Киргизской автономии, а с 1936 г. – Казахской ССР. Два казачьих войска – Уральское и Семиреченское полностью, а Сибирское большей частью вообще остались за пределами России.

В результате возникло минное поле территориальных претензий, которое теперь стало взрываться межэтническими конфликтами.

«Расказачивание» – это не только физическое истребление казачества, но и духовное обворовывание и ограбление народа. Волна всеобщего «обновления», обрушившаяся на страну, уничтожала и историческое наследие русского воинства, отменяла воинские традиции, ритуалы, атрибутику, наименования полков и кораблей, музыку, песни, марши, полковую церковь... Святыни православия – церкви, а в их числе и казачьи – взорвали или закрыли и приспособили их под склады, избы, читальни, клубы и нардома. Колокола сбрасывали на землю и увозили на металлолом. Золотом сияющие кресты над куполами казачьих храмов вырывали с корнем... Запретили Пасху, Троицу, Престольные Праздники, Рождество, Иордань, Прощеное Воскресение, День поминовения усопших, церковный обряд Венчания, Крещение, Причастие... Запретили веками освященное духовное очищение совести человека. Запретили традиции народа.

Власть грубо нарушила свои собственные обещания: «Земель ваших Советская власть не тронет...» «Никого из вас, казаки, Советская власть насильно не потащит в коммуны...» «Церковь в Советской России отделена от государства и стала достоянием верующих. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церковей и религиозных обычаев Советская власть не допустит и не потерпит» (Обращение 7-го Всероссийского съезда Советов «К трудовым казакам Дона, Кубани, Терека, Урала, Сибири и Оренбурга». 5–9 декабря 1919 г. // Советская Сибирь. – 1920. – 3 января).

Преследование церкви лишь усиливало сопротивление казаков произволу властей. Не могли они отказаться от прадедовских и дедовских традиций, от обычаев, впитанных с молоком матери, освященных родительским авторитетом и не раз защищенных кровью и ценою жизни своих прадедов, дедов, своих товарищей, от свободомыслия, экономической независимости, неизблемой своей Веры Православной – подавляющее большинство казаков России, напомним, было православным.

Казачество, фактически сплотившее и соединившее самые разные территории и народы в единый организм – Российскую империю, казачество, выжившее и победившее в многовековой борьбе с самыми разными противниками – от азиатской конницы до европейских регулярных армий, – подверглось репрессиям, столь же беспощадным и всеобщим, как и те репрессии, которые обрушились на христианство.

Теперь то, что произошло с казачеством, кажется невероятным, непостижимым. Ничего в послереволюционной России не растапывалось с такой яростью и жестокостью, как многостра-

---

* Исход русского населения из исконных земель продолжился и в последующие годы. Только в 1990-е годы в Чечне и Ингушетии погибли более 20 тысяч русских, а более 650 тысяч вынуждены были бросить нажитое годами и отправиться в поисках лучшей доли в другие российские регионы. Теперь на левом берегу Терека, где раньше проживали более 80 процентов казаков, сегодня остались единицы. А в казачьи дома вселяются не их хозяева, а семьи... боевиков, которые там раньше никогда не проживали. И не менее горький результат: в Чечне численность русских сократилась с 23 до 3,7 процента, в Ингушетии с 23 до 1,2 процента. Так канул в Лету Сунженский казачий отдел, который был старейшим в казачьих войсках России на Кавказе... (Казакам любо Родине служить // Красная Звезда. – 2005. – 27 мая).

дальное казачество. Уничтожение его стало символом общерусской беды, причем такой, какую Россия, может быть, не переживала за всю свою историю.

Тяжелый, непоправимый удар был нанесен и по культуре России, ее вековым традициям, ее духовности; последствия этого удара мы ощущаем и сегодня, и, очевидно, будем ощущать еще многие десятилетия, а то и столетия.

Три четверти века гонений, геноцида, расказачивания, ссылок, истребление целых поколений нарушило весь уклад жизни казачества, нарушило преемственность поколений, привело к исчезновению многих благородных традиций, к запустению земли и забвению дедовских обычаев, на многие десятилетия замолчала и едва не исчезла навсегда казачья песня...

За годы существования Советской власти была не только принижена и извращена роль казачества в судьбах России, но и были преданы забвению и осуждению все лучшие качества его как несовместимые с понятием советского образа жизни.

Казачьи... Многие поэты и писатели, художники и композиторы воспели в своих произведениях их отвагу и удаль. А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой, Альберт Адам **(1)** и В.В. Мазуровский **(24)**, Ф.А. Рубо **(31)**, А.И. Зауервейд **(13)**, В.И. Суриков **(40)**...

В бесценных исторических российских памятниках казак, напомним, предстает богатырем и пахарем, мореходом и землепроходцем, бунтарем и вольнолюбцем, большим тружеником и храбрым воином, самоотверженным защитником пределов Российского государства. Свобода и святая Вера, обостренное чувство долга, справедливости и товарищества, лихая отвага и дерзость, беззаветная любовь к Родине – вот что воспевали и ценили в казаках наши предки.

Теперь же вместо героического образа казака в нашем общественном сознании на длительное время утверждается образ казака как силы темной, враждебной. «Казачество? Как же, знаем: беглые холопы, веками оседавшие на окраинах империи» или: «Нагаечники, шашкой и винтовкой давившие народ и революцию», – кому из нас не приходилось и сейчас слышать эти стереотипные и до предела упрощенные утверждения?

Руководствуясь оценками и указаниями великих вождей пролетариата: «Казачьи... непригодны для несения регулярной службы...», «казачьи... настолько ненадежны, что при соприкосновении с противником в тылу казачьих аванпостов всегда располагают вторую линию аванпостов» (*Энгельс Ф. Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. – М., 1956 г., т. 7, с. 504; и «Русская армия», М., 1958, т. 11, с. 480*), «здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи» (*Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 219*), «привилегированные казаки-колонизаторы», «оплот деникинско-колчаковской контрреволюции», «исконное орудие русского империализма», «издавна эксплуатирующие нерусские народы на окраинах» (*Сталин И.В.. Собр. соч. – М., 1947, т. 4, с. 258–286, 399–400*), идеология Советского государства утверждала, что казачество всегда было «карающим инструментом» царской России в борьбе с революционным движением, «контрреволюционным сословием», врагом, «душителем пролетарской революции и свободы трудового народа». Поколениям советских людей был преподнесен готовый образ казака – «человека с нагайкой в руках, разгоняющего демонстрации мирного рабочего класса и активного борца против революционных масс, выступающих за свободу и справедливость». «Советская Сибирь» писала 13 января 1920 г.: «В еще самые недавние времена казачество было избрано царями опорой российской монархии...» «Более двух лет казачество было предателем по отношению к русской революции, русскому трудящемуся люду»... 4 февраля 1920 г.: «Казачество... на протяжении столетий обрабатывалось царским правительством и русской буржуазией в духе покорности, исполнительности, послушания, так называемой любви к родине и т.д.». 13 августа 1920 г.: «Казачество издавна служило опорой царской власти. Одурманенное своими вожаками-атаманами и попами, подкупленное подачками царского правительства, обособленное в особую военную касту, оно на протяжении целых сотен лет душило, резало и терзало русских рабочих и крестьян, восстававших против царя и помещиков». Этот образ безжалостного убийцы и злодея дополняла характеристика казака в газете «Известия» 1919 г. 4 февраля: «Казачья масса настолько некультурна, что при исследовании психологических сторон этой массы приходится заметить большое сходство между психологией казачества и психологией зоологического мира», и в глазах обманутых людей возникла фигура звероподобного существа: пьяницы, блудника и прелюбодея, бездомного, разгульного, бесшабашного и неспособного к труду человека.

Делалось это для того, чтобы уверить людей неказачьего происхождения в правильности политики, проводимой советской властью по отношению к казакам, оправдать геноцид последних. Да и работа советских историков дала обширную пищу клевете. Замалчивается или искажается деятельность многих казаков – известных деятелей России. Герой Бородина Матвей Иванович Платов, войсковой атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, ученик А.В. Суворова, герой взятия Очакова (1788 г.), штурма Измаила (1790 г.), Отечественной войны 1812 г., казаки которого прошли боевой путь от Новочеркасска до Парижа, почетный доктор Оксфордского университета, уже в наше время в «мультиках» и «мюзиклах» якобы «по Лескову» превращается в дураковатого Держиморду...

Так стиралась в памяти народной благодарность верному слуге Отечества, в течение многих веков стоявшему зорким стражем на рубежах далеких и обширных окраин России и не раз проливавшему кровь за нее.

Новым властям не нужна была ни казачья уникальная и самобытная культура, ни казачья песня – военная, историческая, походная, плясовая, духовная, бытовая. Все это богатство в течение столетий породил сам народ, и в песне, как в капле воды, отразилась жизнь, история, духовные, нравственные идеалы многих поколений русского народа, русского воинства. А ведь у казаков не было профессиональных композиторов – песня возникла в результате творческих усилий многих и многих людей, в состоянии душевного подъема вложивших в нее свои чувства, мысли, мечты, слова, постигая глубину которых, человек вдыхает в себя творческую красоту своего народа, открывая им навстречу свою собственную душу.

Виссарион Григорьевич Белинский, русский литературный критик, публицист, философ, о казачьих песнях, сложенных народом, писал, что они «более заслуживают названия исторических, чем собственно так называемые исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгул нашли себе гнездо широкое и привольное. В них и исторической действительности больше, в них и поэзия размахистей и удалей».

Замолчала казачья песня на многие годы, либо стала пьяной махновщиной («Любо, братцы, любо...»). О казачьей песне официальная пропаганда писала: «...Казенная урапатриотическая казачья песня воспевала любовь казака к военной службе и войне вообще, преданность казаков царскому режиму и пр. ...

...В прежнее время песни народа отражали скорбь, нищету и угнетение...

...Подлинные народные песни донского казачества были проникнуты лютой ненавистью к тупому и жестокому начальству...

...Специфические условия исторического развития казачества порождали множество традиционных обычаев, старинных предрассудков, пережитков...» (Песни донских и кубанских казаков. – Ростов-на-Дону, 1938, с. 3–4).

В этой же книге, в эпиграф которой вынесены слова «Почетного казака И.В. Сталина» «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится», утверждалось: «Как и весь советский народ, казачество Дона и Кубани объединено и сплочено вокруг партии и советской власти, вокруг отца и друга трудящихся, великого и любимого товарища Сталина». «Счастливая, радостная, зажиточная и культурная жизнь цветет сейчас на колхозных полях Дона и Кубани». «Для народного творчества нашей эпохи характерны глубокая жизнерадостность, бодрость, твердая уверенность в будущем». Далее идут образцы этого самого «народного» творчества:

Слушай нас, орел могучий,
Слушай нас, своих детей:
Жить сегодня стало лучше,
Лучше жить и веселей.

«Словно в бурю, волны плещут». (Песни донских и кубанских казаков. – Ростов-на-Дону, 1938, с. 111).

Собирались казаченьки,
Собирались на заре,
Думу думали большую
На колхозном на дворе.
Если б нам теперь, ребята,
В гости Сталина позвать,
Чтобы Сталину родному
Все богатства показать...

«Собирались казаченьки». (Там же, с. 106).

«Так под давлением революционной борьбы рабочего класса прежняя опора царского правительства – казаки, обладавшие сословными отличиями и преимуществами, встали на путь Октября и вместе с бедняцко-средняцким крестьянством в союзе с рабочими под руководством партии Ленина участвуют в колхозном и социалистическом строительстве Советского Союза», – писала «Сибирская Советская Энциклопедия» (М., 1931, т. 2, с. 430–431), а «Большая Советская Энциклопедия» утверждала: «Бывшие очаги контрреволюции, пристанища всероссийской белогвардейщины и надежда интервентов стали районами передового социалистического земледелия и крепкими опорными центрами социалистической родины» (1937, т. 30, с. 644–645).

Казачество, как особую профессиональную общность большевики уничтожили. Однако это уникальнейшее этнонациональное явление отнюдь не исчезло, растворившись в «бесклассовой» массе общества, оно сумело выжить во многих районах страны. Казачество перестало существовать как политическая и военная сила, но не могло и не перестало быть субэтносом, хотя от прежнего казачества оставалось и не более десятой части. Оно продолжало существовать в культурно-этнических формах, сохраняя свои культурно-исторические традиции и обычаи, что дало основание впоследствии наряду с нациями, народностями и этническими группами включить его в число субъектов Закона «О реабилитации репрессированных народов» (1992 г.).

В трудные времена казаки всегда были честными, беззаветно преданными воинами и защитниками Родины.

Когда же над страной нависла угроза войны с фашизмом, высокий боевой дух, традиции воинской доблести казачества вновь потребовались Отечеству – началось формирование соединений из его представителей.

21 апреля 1936 г. опубликовано постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». «Учитывая преданность казачества Советской власти, – отмечалось в нем, – а также стремление широких масс Советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны страны, ...отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы» в РККА. Тем же решением восстанавливались казачьи части с их старой традиционной формой – цветными околышами фуражек и лампасами, кубанками и бешметами. 10-я территориальная кавказская дивизия становилась 10-й Терско-Ставропольской казачьей, 12-я кавказская – 12-й Кубанской казачьей, началось формирование 4-й и 13-й Донских и 6-й Кубано-Терской казачьих дивизий.

Думается, не сложно понять, как относились раскулаченные и расказаченные к советскому руководству, что они думали о власти, так жестоко с ними расправившейся. Но в трудное для страны время так называемые бывшие «враги народа», выполняя свой гражданский долг, повели себя как истинные патриоты Отечества. Позабыв о пережитых грабежах, насилии и унижении, бывшие расказаченные и раскулаченные в роковой для страны час встали на защиту чести ее, независимости и свободы, свободы Отечества, в котором они давно сами перестали быть свободными.

подавляющее большинство граждан, оказавшихся жертвами «мероприятий» по ликвидации кулачества как класса, восприняли нападение фашистской Германии на СССР как общую боль и трагедию многонационального советского народа.

Казаки и их дети, истребляемые в гражданскую, заполнявшие собою все поры ГУЛАГа, высланные на поселения, скрывавшие многие годы свое казачество, не помня обиды, показали высо-

чайшие образцы самоотверженности и героизма в Великой Отечественной войне. Расскажем о некоторых из них.

...История хранит память о многих героях, стоявших насмерть на подступах к Москве. Но, к сожалению, до сих пор мало кому известен подвиг на Волоколамском направлении казаков-кубанцев 4-го эскадрона 37-го Армавирского кавалерийского полка (впоследствии 9-й гвардейский кавалерийский Седлецкий Краснознаменный, ордена Суворова II степени) 50-й Кубанской кавалерийской дивизии. Произошло это у деревни Федюково 19 ноября 1941 г.

Полк, понесший большие потери в предыдущие дни, к началу боя имел в строю лишь 116 человек.

Наиболее стойко и самоотверженно сражались казаки 4-го эскадрона, которым в ту пору командовал 23-летний младший политрук Михаил Ильенко. Казаков вместе с командиром было 37. Вот эта, по сути, треть эскадрона и приняла на себя основной удар противника.

Утром 19 ноября на прорыв позиций казаков устремились 10 немецких танков и около роты автоматчиков. Гитлеровцы наступали, имея трехкратное превосходство в живой силе, не говоря уже о бронированных машинах! Казаки, поняв, что принимают последний бой, пожалели только своих верных друзей – боевых коней: дали наказ коноводам заблаговременно отпустить их на волю. Затем встретили танки гранатами и бутылками с горючей смесью. Пехоту отсекали меткой стрельбой из винтовок и пулеметов, заставили откатиться назад. Оставляя догорать подоженные машины, уцелевшие танки отползали, огрызаясь пушечными выстрелами, перестраиваясь и снова бросаясь в яростные атаки. Но каждый раз получали жестокий отпор. Казаки не дрогнули перед этой грозной силой. Сражались умело, расчетливо и самоотверженно. Даже раненые не оставляли позицию.

Не сумев с ходу сломить упорное сопротивление кубанцев, гитлеровцы предприняли обходной маневр. Еще 15 танков с десантом на броне обошли позиции эскадрона и ударили с тыла.

...На поле боя вокруг казачьих окопов остались гореть два десятка танков, лежали десятки фашистских солдат. Геройски погибли казаки, честно выполнив свой долг. 4-й эскадрон ушел в бессмертие... (См. *Кузьмин В.* Последний бой 4-го эскадрона // Независимое военное обозрение, 2001, № 44).

«С начала войны в рядах Красной Армии сражалось свыше 100 тыс. казаков и некоторые их части, такие как знаменитый корпус Л. Доватора, в течение нескольких недель изматывавший немцев в боях под Москвой, завоевали себе почти легендарную славу», – писал историк А. Верт (Россия в войне 1941–1945 гг. – М., Воениздат, 2001. – С. 417–418).

Энтони Бибор, историк, в своей книге «Сталинград» о боях под Москвой пишет: «В тыл противника прорывались кавалерийские дивизии Красной Армии, личный состав которых, как правило, комплектовался из людей, призванных в казачьих станицах. Эскадроны и целые полки на мохнатых монгольских лошадях внезапно появлялись в 30–40 километрах за линией фронта, уничтожая артиллерийские батареи и склады боеприпасов и сопровождая свои налеты свистом сабель и ледяными кровью воинственными криками». (Бибор Энтони. Сталинград. – Смоленск, 1999. – С. 57).

Само появление казаков на том или ином участке фронта зачастую повергало противника в ужас, а стремительные атаки на врага побуждали того обращаться в бегство.

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза А.А. Гречко в книге «Годы войны» писал: «За время боев в предгорьях они (казаки. – Ю.Ф.) навели на врагов такой страх, что те боялись даже упоминания о казаках». (Гречко А.А. Годы войны. – М., 1976. – С. 312).

Вот что записал в своем дневнике командир роты 94-го горносаперного батальона лейтенант Хетцель: «Против нас действуют донские и кубанские казаки. Когда-то мой отец, участник прошлой войны, рассказывал мне о них. Но как далеки его страшные рассказы от того, что мне пришлось увидеть. Казаков не возьмешь ничем. Они бросаются на наши танки и жгут их... Вчера эсэсовцы атаковали их, но, несмотря на то, что казаков было меньше, они не отступили ни на шаг».

Маршал А.А. Гречко пишет:

«В областях и краях Северного Кавказа формировались казачьи соединения. Казаки героически сражались на фронтах Отечественной войны.

Рассчитывавшие на «контрреволюционное прошлое» казачества немецко-фашистские захватчики испытали на себе всю силу сабельных атак 4-го гвардейского Кубанского казачьего

кавалерийского корпуса, 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, испытали на себе силу казачьих партизанских отрядов»* (там же, с. 369–370).

О том, как героически сражались казаки в годы Великой Отечественной войны, дает представление и боевой путь Кубано-Барановичской кавалерийской дивизии, сформированной в январе 1942 г. в Краснодарском крае как 12-я Кубанская кавалерийская дивизия. Включена в 17-й Кубанский казачий кавалерийский корпус (с конца августа 1942 г. – 4-й гвардейский). В его составе действовала во всех боях и операциях, в которых участвовал корпус. За боевые заслуги преобразована в 9-ю гвардейскую Кубанскую казачью кавалерийскую дивизию (август 1942 г.). Удостоена почетного наименования «Барановичская» (июль 1944 г.), награждена двумя орденами Красного Знамени, Суворова II степени, Кутузова I степени, Богдана Хмельницкого II степени. Тысячи ее воинов награждены орденами и медалями, трем присвоено звание Героя Советского Союза.

В ходе Дебреценской наступательной операции (Румыния) конно-механизированная группа «красного казака» генерала И.А. Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом 27-й армии нанесла удар на г. Орадя и 12 октября заняла этот важный административно-хозяйственный центр Трансильвании. В тот же день Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин подписал приказ, в котором отмечалось: «В боях за овладение городом Орадея-Маре отличились кубанские казаки-кавалеристы генерал-лейтенанта Плиева...».

В годы Великой Отечественной войны в Сибирском военном округе был сформирован 6-й гвардейский добровольческий стрелковый корпус, в состав которого вошли 150-я Новосибирская стрелковая дивизия (Новосибирский, Томский, Прокопьевский и Кемеровский полки), 74-я Алтайская, 75-я Омская, 78-я Красноярская и 91-я бригады. Дивизия имела 13757 человек, в служебной переписке особых отделов НКВД их называли «спецдобровольцами». Корпус достойно сражался на Калининском фронте, на Смоленском направлении и при освобождении Прибалтики. В апреле 1943 года он был переименован в 19-й гвардейский Сибирский стрелковый корпус; 150-я дивизия стала 22-й, а бригады – 56-й и 65-й гвардейской дивизиями (Родина, 2004, № 7, с. 49). И нет сомнения в том, что в составе этого прославленного соединения доблестно сражались сибирские казаки.

Вспомнила Сибирь в эти годы и старинные казачьи песни. В газете Сибирского военного округа «Красноармейская Звезда» 4 декабря 1943 г. в статье «О старых военных песнях в Сибири» прозвучали слова:

Мы через горы в непогоду
Припеваючи прошли.
Слава русскому народу!
Дети русской мы земли!

И далее:

Смелым Бог владеет –
Нечего робеть.
Если одолеют –
Лучше умереть.

Так казачья песня напомнила воинам Великой Отечественной войны: старые сибирские казаки в плен не сдавались, предпочитая плену гибель.

О горячей любви к Отечеству, героизме казаков эта же газета 30 сентября 1944 г. рассказывает: «Прощение сибирского казака. Второй Прибалтийский фронт, 23 сентября. Сибирский казак Иван Григорьевич Фуркаев обратился через газету «Боевое знамя» с таким прощением:

«Начальнику части.

Я получил печальное извещение от старшего лейтенанта Науменко Ивана Митрофановича о гибели при выполнении боевого задания Родины единственного моего сына Фуркаева Григория Ивановича 1923 года рождения. Он боролся с фашистской нечистью с октября 1941 года, был

---

* Жители казачьих областей, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками, активно участвовали в партизанском движении. На Дону действовало 83 партизанских отряда, на Кубани – 87 отрядов, свыше 80 подпольных организаций и групп. (Казачество. Энциклопедия. – М., 2003, с. 51).

ранен и по выздоровлении снова вернулся в строй. Мы обсудили со старухой, как отомстить фашистам за смерть нашего любимого сына. Я еще смогу заменить в строю моего погибшего Гришу и отомстить ненавистному всему миру врагу. А потому прошу вас, товарищ начальник, не отказать в моей просьбе – принять меня в ряды доблестной Красной Армии в вашу часть. Я не буду лишним и под орлиным крылом старшего командира смогу выполнить все задания нашей Родины для окончательного уничтожения извергов человечества. С оружием я знаком – ведь я сибирский казак, воевал с японцами в 1905 году, бил немцев в 1914–1918 годах, служил в Красной Армии три года.

Рождения 1882 года, из казацкой семьи.

Иван Фуркаев».

Прошение Ивана Григорьевича Фуркаева было прочитано перед строем всему личному составу подразделения, в котором служил его сын. Вот что ответили гвардейцы русскому патриоту:

«...Наша Родина тем и сильна, что все советские люди в тылу и на фронте готовы отдать за нее свою жизнь.

Несмотря на свои двадцать лет, ваш сын был настоящим опытным солдатом, он погиб, выполняя свой долг. Боевые друзья с воинскими почестями похоронили его.

Ваше прошение прочел старший начальник, он просит передать вам свое сочувствие в постигшем вас горе.

Дорогой Иван Григорьевич! Наша страна располагает огромными людскими ресурсами, и вам, старому человеку, незачем идти на фронт. Мы очень просим вас остаться в тылу на вашей работе, а с немцами мы сами справимся и за вас отомстим, будем бить их так, что ни одного не останется на нашей земле. Ваш самоотверженный труд – это и есть помощь в нашей справедливой войне. Передайте наш сыновний поклон вашей супруге. Скоро мы вместе с вами будем праздновать светлый день победы».

На фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сражалось 7 казачьих корпусов, 17 кавалерийских дивизий были преобразованы в гвардейские. За подвиги в боях с врагом около ста тысяч кавалеристов, прошедших с боями путь от Дона до Шпрее, были награждены орденами и медалями, а 262 из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Более тридцати воинов-кавалеристов стали полными кавалерами ордена Славы. Но большая часть казаков воевала в составе общевойсковых соединений. Среди них – дважды Герой Советского Союза донской казак Н.Д. Гулаев, сибирский казак Герой Советского Союза генерал Д.М. Карбышев, донской казак В.С. Попов, генерал-полковник, Герой Советского Союза и ряд других настоящих сынов нашего Отечества. Более тридцати воинов-кавалеристов стали полными кавалерами ордена Славы. Среди награжденных – многие тысячи казаков, служивших в других воинских частях, десятки казаков стали Героями. Потомки их, продолжая героические традиции своих отцов и дедов, впоследствии оправдают свое высокое казачье звание в Афганистане, Сербии, Приднестровье, Чечне и других «горячих точках»...

Достоинно выполнив свой гражданский и патриотический долг, казаки вернулись к мирному труду.

Слава, заслуженная казаками в ходе Великой Отечественной войны, была так велика, что сталинский режим, репрессировавший целые народы по обвинению в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами, казаков не тронул. Впервые за всю историю советской власти военные суды не обвиняли всех казаков поголовно, а наказывали только тех, кто пособничал врагу или воевал против Родины. И это было справедливо.

Во второй половине 1940-х годов вновь возрождается политика «расказачивания». Продолжается начатое после Гражданской войны «вымывание» казаков из районов их исторического проживания. Казачьи соединения, приумножившие боевую славу России в суровые годы Великой Отечественной войны, были расформированы, не осталось напоминания о них даже в названиях воинских частей.

Лишь через многие годы кавалерийский полк, единственный в армии, был восстановлен для съемок фильма «Война и мир», в него были на службу призваны парни, каким-то чудом сохранившие и перенявшие от своих родителей навыки верховой езды и боевой джигитовки...

После войны прокатилась и новая волна политических репрессий...

ТВЕРДО ПОМНИМ МЫ ПРИСЯГУ...

*Твердо помним мы присягу,
Смело двинем на картечь.
Бог и люди нас помянут,
Коль костью придется лечь.*

«Не великая команда»
(Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916. Вып. 1, с. 86)

Славные действия казаков в рядах доблестной Российской Армии во всех войнах, которые вела Россия – главная, но не единственная задача их исторического призвания. Они занимали и заселяли новые области и земли, вошедшие потом в состав России, служили первыми проводниками на этих пустынных окраинах русского влияния, охраняли как занятые ими земли, так и находившиеся за ними русские поселения от кочевников. Они были и землеискателями, и пионерами в этих землях, и передовыми стражами на отдаленных и мало известных окраинах, защищая своей грудью мирные внутренние округа с земледельческим и промышленным населением, и воинами, сражавшимися за цельность и независимость ее против внешних и внутренних врагов. За казачком-воином, казачком-пионером потянулся на окраины и крестьянин-земледелец. Судьбы казачества самым тесным образом были связаны с русским народом, равно как и судьбы русского народа неразрывны с судьбами казачества.

Участие казаков во всех без исключения войнах России содействовало созиданию славы Русской армии и русского оружия. Изучение истории казачьих войск, в том числе Сибирского, означает изучение истории Русской армии. Следовательно, насколько нам дорого прошлое нашей армии, настолько же нам дорого и прошлое Сибирского казачьего войска.

Казак – не синоним бездомного, разгульного, бесшабашного и неспособного к труду человека, казак – это верный слуга Отечества, в течение многих веков стоявший зорким стражем на рубежах далеких и обширных окраин России и не раз проливавший свою кровь за нее.

Сибирское казачье войско считается третьим по старшинству казачьим войском России (после Донского и Терского).

Начало сибирскому казачеству и всем казачьим войскам Азиатской России положили воины дружины храбрейшего казачьего атамана Ермака (Сибирское казачье войско основано в 1582 г. – см. приказ по военному ведомству, 1903, № 445). Сибирские казаки – прямые потомки первопроходцев Сибири.

Сибирское казачье войско не было, подобно Донскому и Уральскому, продуктом самобытного движения на окраины государства; занятие и заселение земель его произошло не по почину вольных казачьих партий и охочих людей, совершивших присоединение всей Сибири от Урала до Великого океана, но исключительно по соображениям правительства.

Сибирские казаки, составляя основную массу военно-служилых людей и вообще русского населения, сыграли важнейшую роль в присоединении и развитии Сибири и Казахстана, совершили большую часть географических открытий XVI в. на северо-востоке Азии, обогативших мировую науку, основали многие современные города и села, проложили путь торговле и промышленности, содействовали хозяйственному, культурному освоению восточной окраины России от Урала до Тихого океана, ее государственно-административному устройству, они сопровождали русские посольства и научные экспедиции, в течение столетий охраняли русские азиатские границы.

Известный исследователь истории Сибирского казачьего войска войсковой старшина Н.Г. Путинцев справедливо подчеркнул: «...Западно-сибирским казакам среди других казачьих войск бесспорно принадлежит одно из выдающихся мест в истории, так как их прямыми предками приобре-

тена для России и всего цивилизованного мира столь обширная и обильная своими естественными богатствами страна, вдвое превышающая величиною европейский материк».

Таким образом, казаки, занимая одну за другой землю, в конце концов, подвели под власть России не только Сибирь, но и весь северо-восток Азии. Все дальнейшие приобретения на юге и юго-западе ее также ими сделаны, или закреплены казаками. Их новые станицы и хутора в считанные годы обрастали пашнями и покосами, огородами, пасеками и садами. На видных местах поднимались к небу храмы, народные дома, лавки и магазины. Табуны коней, стада коров, отары овец и коз паслись на широких пастбищах. Прокладывались к городам и станицам дороги, и в урочное время тянулись по ним тяжелые возы с зерном и мукой, мясом, рыбой и медом.

Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы дело совершили:
Сибирь Царю покорена,
И мы не праздно в мире жили, –

поется в песне, распространенной в Сибирском казачьем войске.

Боевые подвиги казаков, их замечательные черты – глубокая Вера, патриотизм, удасть, смелость, готовность жертвовать собой ради общего дела – упоминаются во многих источниках.

С XVI века российские воины, двигаясь от Каменного пояса (Урала) к Великому океану, приобретали в Сибири особые качества сибирского характера, не раз подтверждавшиеся в последующие столетия в мирное и военное время и ставшие хорошо известными всему миру.

Видный ученый, историк, выпускник Сибирского кадетского корпуса, исследователь Сибирского казачьего войска генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев в 1908 г. писал:

«Первопроходцам Сибири и их потомкам пришлось жить в стране пустынной, с суровым климатом, покрытой густой непроходимой тайгой, труднодоступными горами, изборожденной широкими и опасными реками... Естественно, что все это ...выработало в них предприимчивость, наблюдательность, практичность; незнакомство с крепостным правом укрепило в них самостоятельность и стремление к равенству; соседство и знакомство с инородцами передало им многие приемы борьбы с природой и привили им спокойное и терпимое отношение к чужой вере и чужому племени, но вместе с тем способность подмечать смешные стороны в людях и вообще насмешливый склад ума... Та же самая суровая природа заставила сибиряка стремиться к знанию, уважать его и сведущих людей».

Далее он отметил: «...Первым завоевателям громадной страны приходилось бороться не столько с людьми, сколько с необъятными пространствами и суровой природой Сибири, с ее страшными морозами, буранами, сугробами снега, громадными реками и речками, беспредельными степями, непроходимыми лесами, урманами и всякою бездорожицею... Приходилось одним и тем же людям действовать в погоне за быстроходным, разбросанным на громадном пространстве неприятелем – «и пеше, и конно, и лыжно, и стружно»».

В грозовой обстановке, в постоянной борьбе с окружающей суровой и дикой природой люди закалялись в перенесении трудов, лишений и страданий, у них выковывались железные характеры. Неустрашимость, решительность, находчивость, смелая предприимчивость становились отличительными свойствами передовых бойцов русской цивилизации на азиатском востоке. В середине XIX в. отбывавший сибирскую ссылку А.И. Герцен, публицист, философ, писатель справедливо подчеркнул: «Вообще сибирское племя здоровое, рослое, умное и чрезвычайно положительное». Далее он пишет: «Привычка к оружию, необходимая для сибиряка, повсеместна; привычка к опасности, к расторопности сделали сибирского крестьянина более воинственным, находчивым, готовым на отпор, чем великорусского» (*Герцен А.И. Былое и думы. – М., 1975, с. 238*).

Многие прекрасные черты сибирского характера находим мы у казаков-первопроходцев, от которых произошли все казачьи войска за Уралом.

Казаки, приходя на новые земли, несли с собою не только более совершенные способы ведения хозяйства, ремесел и торговли, но и передовую культуру России, основанную на непреходящих христианских православных ценностях.

В отличие от некоторых других слоев русского общества, среди казаков безбожников не было. Православие определяло и освящало весь земной путь казака от крещения до соборования, определяло его мировоззрение, весь ежегодный круг обрядов.

Церковь для казаков – самое главное достояние станицы, строили церковь всем обществом. Недаром казаки, приходя на новые земли, начинали со строительства церкви или часовни. Была построена часовня и на месте первой зимовки Ермака.

Казаки, первооткрыватели дальних земель – от Урала до Курильских островов, Камчатки и Чукотки, – устанавливали кресты, служившие своего рода пограничными знаками: стоит крест, значит эта земля есть владение России!

...Стоят кресты за сотни верст друг от друга, но святая сила этих крестов превосходит мощь всех соседних вместе взятых государств. Те кресты – молитва о земле Русской, о народе православном. Под крестами – казаки-землепроходцы, люди поистине былинного масштаба...

Русские не истребили ни одного этноса или малого народа. В отличие от крестовых походов тамплиеров, тевтонов, конкистадоров Русская Православная Церковь приходила вместе с казаками на новые земли с проповедью слова Божия, но не с мечом, карающим иноверцев. Веками казаки осваивали, обживали и охраняли территорию нашей страны, налаживая торговые, деловые, государственные связи с местными жителями, роднясь с ними по душе и крови.

О глубокой Вере, высокой духовности говорят многие сибирские казачьи песни: «Сибирский казак», «На покорение ханства Кокандского», «Братья, близок час сраженья» и другие. В последней казаки пели:

Братья, близокъ часъ сраженья,
Часъ великій, роковой;
Безъ тревоги и волненья
Мы пойдемъ на смертный бой!
Долгъ свой честный исполняя,
Будемъ помнить каждый часъ,
Что на родинѣ святая
Церковь молится за насъ.
Мы на страхъ врагамъ надмѣнным
Шашки смѣло обнажимъ:
Память вѣчная сраженнымъ,
Слава громкая живымъ!
Братья, грудь свою предъ битвой
Осенимъ святымъ крестомъ,
Подкрѣпимъ себя молитвой,
Къ Богу духъ свой вознесемъ.
Тотъ, кто силы Голиафа
Рукой отрока сразилъ,
Да пошлетъ и намъ средъ боя
Бодрость духа, крѣпость силъ.
Съ сердцемъ, вѣрой укрѣпленнымъ,
Мы на битву поспѣшимъ:
Память вѣчная сраженнымъ,
Слава громкая живымъ!

(Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916. Вып. 1, с. 82-83)

Такой была молитва сибирского казака перед сражением: «Спаситель мой! Ты положил за нас душу Свою, чтобы спасти нас. Ты заповедал и нам полагать души своя за друзей наших, за близких

---

* В Центральном пограничном музее Федеральной службы безопасности РФ среди многих тысяч музейных экспонатов хранится и такая уникальная реликвия, как фрагмент ствола дерева с вырезанным на нем крестом (так обозначалась граница в период Ивана Грозного).

нам. Радостно иду я исполнять святую волю Твою и положить жизнь свою за Царя и Отечество. Вооружи меня крепостью и мужеством на одоление врагов наших и даруй мне умереть с твердою верою и надеждою вечной блаженной жизни в Твоем царстве. Мати Божия! Сохрани меня под кровом Твоим» (*Тарыкин А.П.* Памятная книжка Сибирского казака. – Омск, 1914, с. 13).

Сибирское казачье войско располагалось в Степном генерал-губернаторстве, в областях Акмолинской, Семипалатинской и в Бийском округе Томской губернии (Свод Законов Российской Империи. – СПб, 1913, с. 1382. Раздел пятый, ст. 326).

Территории войска тянулись узкой полосой почти на 2400 верст, шириной от 10 до 30 верст, от границы Оренбургской губернии до Иртыша, затем по Иртышу и Бухтарме до китайских пределов, кроме того, казачьи земли были разбросаны в киргизской степи. Расстояние между поселками Сибирским и Урьльским составляло 1801,5 версты: Пресногорьковская линия – 548 верст, Иртышская – 929,5, Бухтарминская – 324. От Кокчетавы до станицы Акан-Бурлукской (самая западная станица Кокчетавского уезда) было 136 верст, от станицы Атбасарской – 178,5, до станицы Акмолинской – 419,5. От Омска, центра войска, до поселка Кендерлыкского пролегало около 1360 верст. На территории Сибирского казачьего войска насчитывалось 53 станицы, 118 поселков, 437 хуторов.

Вся территория войска составляла 4995233 десятины, или 48058 квадратных верст, что во второй половине XIX века превышало размеры территорий Королевства Греческого, Дании, Нидерландов, Бельгии, Княжества Сербии и Республики Швейцарии вместе взятых.

Ни одному из казачьих войск, кроме Сибирского, не приходилось отвечать за столь обширное пространство. На 1920 километров – от Тобола до Монгольского Алтая – раскинулись его станицы. А это все равно что от Варшавы до Парижа или от Петербурга до Перекопа! Ни одному из казачьих войск, кроме Сибирского, не была обязана Российская империя охраной одной пятнадцатой своей территории – речь идет о половине нынешнего Казахстана. При этом в 1916 году, напомним, сибирские казаки – около 172 тысяч душ обоих полов – составляли лишь тысячную часть населения империи.

Закон Российской Империи гласил: «Мужское население Сибирского Казачьего Войска, как издавна призванное всецело к священной обязанности защищать Престол и Отечество, подлежит без различия состояния воинской повинности».

В течение трех столетий войско охраняло азиатские границы России от набегов кочевников, участвовало в продвижении империи в Среднюю Азию.

Нашему современнику трудно представить себе поистине эпического характера многодневные переходы русских войск по бескрайней безводной и бесплодной степи, когда совершенно открытый характер степных просторов чрезвычайно затруднял ориентирование, когда войска постоянно отражали внезапные нападения как на месте, так и в движении, имея дело с неприятелем вдвое, втрое, в десять раз многочисленней.

Регулярная кавалерия оказалась непригодной для службы в степи, неспособной перенести тяжести и лишения степных походов, нередко сопряженных с весьма большими переходами (в 75 и более верст в сутки), с плохим обеспечением продовольствием и водою. Поэтому дорогостоящая регулярная кавалерия была заменена «имеющимися под рукою казаками, содержание которых на службе стоит едва ли дороже пехотинца; кроме того, сами казаки привычны к степи, и лошади их... приноровлены к местным условиям, совершенно удовлетворяют требованиям степной службы», – отмечал «Военный сборник» в 1873 г. (№ 12, с. 221–223).

«Единственная кавалерия, которая с успехом может действовать в степной войне – это, несомненно, казаки», – подтвердил «Военный сборник» в 1880 г. (№ 7, с. 75).

Служба сибирцев в Киргизской степи показала, на что способен русский казак.

Говоря о расширении русских пределов в Азии, нельзя не вспомнить зауряд-сотника Кудрявцева, который с 14 казаками 11 июля 1827 года целый день отбивался ружейным огнем от 500 кочевников и отошел только по приказу.

Преследуя осенью 1827 года непокорные кочевья, сибирцы войскового старшины Лукина прошли от Семиарского форпоста, что на Иртыше между Павлодаром и Семипалатинском, до среднеазиатской реки Чу, отмахав за 65 дней в оба конца 1709 верст и дважды преодолев гиблую пустыню Бетпак-Дала...

В ночь на 3 ноября 1839 года хорунжий Н.И. Потанин и 13 сибирцев подверглись нападению за рекой Чу отряда в 300 кочевников. Но у Потанина не было приказа на отход, а был приказ добраться до Ташкента – и казаки заставили-таки нападающих отступить...

Хорунжий А. Рытов (32) с сотней в 1837 г. трое суток, окруженный кочевниками, героически отражал нападение и сумел вырваться из окружения. Израненная, голодная, занесенная снегом сотня едва не погибла, но была спасена отрядом, прибывшим на помощь. В этом деле сам Рытов был убит, 31 казак погиб, 20 было ранено.

Казаки участвовали в Хивинском походе 1873 г. (взвод казаков входил в состав ракетной батареи), и 13 из них были награждены знаком отличия военного ордена.

«Хивинский поход 1873 г. может служить лучшим примером проявления тех высоких качеств выносливости, бодрости при самых тяжелых обстоятельствах и безграничного самоотвержения, которыми всегда отличался русский солдат» (Военный сборник, 1873, № 42, с. 222).

1-й Сибирский казачий полк в 1875 г. вошел в состав отряда, назначенного для занятия Кокандского ханства, и участвовал во многих делах. За мужество и храбрость, оказанные казаками, 4-й сотне были пожалованы Георгиевские серебряные трубы с надписью «За дело при селении Хаки-Хават в 1875 году», а 1-й и 2-й сотням этого же полка – знаки отличия на головные уборы с надписью «За штурм города Андижана 1-го октября 1875 года».

П.Н. Краснов (20), генерал-лейтенант, вспоминал: «Когда в среднеазиатской пустыне соберутся сибирские казаки и запоют свою песню-гимн:

Мы давно сжились с степями
И давно привыкли к ним,
Перед дикими ордами
Мы не в первый раз стоим...

точно горный ветер иртышских каменных ущелий ревет и свищет, несясь из далеких, дальних сибирских дебрей и веет неукротимой, страшною, какой-то первобытной силою духа» (Омская старина, 1994–1995, № 3, с. 73).

Присоединение Средней Азии к России имело в итоге положительные последствия как для России, так и для народов, проживавших там. Россия отныне не имела на своих границах сильных и беспокойных соседей и достигла во многих местах естественных границ с Китаем и другими странами. Обезопасились торговые пути, соединявшие Россию со Средней Азией. Сибирские казаки стали основателями и первыми жителями таких городов, как Кокчетав, Акмолинск, Атбасар, Каркаралинск, Кокпектинск, Сергиополь, Копал, Лепсинск, Верный. В Среднюю Азию из внутренней России и Западной Сибири двинулся поток переселенцев с плугом и сохой для внесения семян русской земледельческой культуры. Между ними и местными народами росли взаимопонимание и добрососедство. Русские путешественники и исследователи пришли в страны, о которых мир до этих пор ничего не знал. Множество трудов по истории, географии, статистике, геологии, ботанике, лингвистике, археологии Средней Азии обогатили мировую науку. Установление русской власти оказало великую услугу в развитии общечеловеческих идей, погасило костер феодальных междоусобиц. Знаменитые невольничьи рынки в Хиве и Бухаре, где люди продавались как рабочий скот, более не существовали.

Победы русского оружия в Средней Азии укрепили могущество России не только в Азии, но и в Европе, повысили ее международный авторитет.

Российское государство высоко оценивало многотрудную боевую службу Сибирского казачьего войска.

6 декабря 1882 г. Сибирь торжественно отпраздновала трехсотлетний юбилей своего существования в составе России. В память этого события и с целью увековечить имя казака Ермака Тимофеевича 1-му полку Сибирского казачьего войска высочайше было повелено именоваться «Сибирским казачьим № 1-м Ермака Тимофеевича полком».

6 декабря 1903 г. по высочайшему повелению было объявлено о признании за Сибирским войском трехсотлетнего старшинства и о пожаловании ему Георгиевского знамени с Александров-

ской юбилейной лентой с надписью: «Доблестному Сибирскому казачьему войску за отличную боевыми подвигами ознаменованную службу» с означением на знамени годов – 1582–1903.

В высочайшей грамоте войску Николай II по этому случаю писал: «...Да свидетельствует сия священная хоругвь о трехвековой доблестной службе Сибирских казаков и о неизменности к ним благоволения нашем, которое они стяжали себе горячей преданностью Престолу и Отечеству».

31 мая 1904 г. Сибирскому войску была пожалована в исключительную, неотъемлемую, вечную собственность десятиверстная полоса в полтора миллиона десятин. С пожалованием этой полосы войско получало возможность обеспечить земельные нужды многих последующих своих поколений, не менее как по 25-30 десятин на каждую мужскую душу. Чтобы оценить значение такого земельного простора, достаточно вспомнить, что в большинстве других казачьих войск в это время имелись душевые наделы, не составлявшие и половины этой нормы, не говоря о крестьянах внутренних губерний России, имевших на душу всего от 3 до 5 десятин.

Войско дало России и Сибири немало известных деятелей: Верховного главнокомандующего Русской армии в 1917 г., лидера белого движения Л.Г. Корнилова (**18**), ученых Г.Н. Потанина (**29**), Т.Е. Катанаева (**15**), А.Н. Седельникова (**35**), писателя Г.Е. Новоселова (**26**) и многих других.

В XX в. Сибирское казачье войско в мирное время выставляло 3 конных шестисотенных полка и гвардейскую полусотню в составе Сводного лейб-гвардии Казачьего полка (свыше 3 тыс. человек), в военное время – 9 конных полков шестисотенного состава и 3 запасных сотни – всего 57 конных сотен.

Никогда не будут забыты подвиги казачьих сибирских полков, покрывших свои знамена неувядаемой славой в Русско-японскую (1904–1905 гг.) и Первую мировую (1914–1918 гг.) войны.

К началу Русско-японской войны роль казачьих войск в составе вооруженных сил России была весьма значительной: в гвардейской кавалерии – около 25 процентов, в армейской – 45, в гвардейской конной артиллерии – 17, в полевой – 33. Что же касается Азиатской части страны, на всю Сибирь, от Уральского хребта до Владивостока, и на весь Туркестанский край с Закаспийской областью существовала лишь одна регулярная кавалерийская часть – Приморский драгунский полк, всю же кавалерию и конную артиллерию, за указанным единичным исключением, составляли казаки.

Сибирское казачье войско в 1904 г. направило в Манчжурию своих 6 полков и 3 запасных сотни, всего 39 конных сотен, больше, чем все другие казачьи войска: Донское казачье войско – 4 полка, Кубанское – 2, Терское – 2, Уральское – 2, Оренбургское – 4, Забайкальское – 5, Амурское – 1.

Боевая слава воинов-сибиряков на полях сражений Русско-японской войны 1904–1905 гг. вновь была приумножена казаками – 993 знака отличия Военного ордена были удостоены сибирские казаки, в том числе 1-й степени – 8 человек, 2-й – 27, 3-й – 116, 4-й – 848 человек. В боях погибли 67 казаков, ранено было 279, пропало без вести – 54, умерло от ран – 13, от болезней – 29.

Многих наград были удостоены их командиры: орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени был вручен начальнику Сибирской казачьей дивизии генералу А.В. Самсонову (**33**), а золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость» – командиру 5-го Сибирского казачьего полка полковнику Путинцеву, 7-го – полковнику Трубецкому, 8-го – полковнику Стенбоку и войсковому старшине Евтину.

Все 6 Сибирских казачьих полков участвовали в сражениях, четверем из них – 4-му, 5-му, 7-му и 8-му – были пожалованы Георгиевские знамена с надписью на них: «За отличие в войну с Японией 1904–1905 годов».

Мировая война, длившаяся с конца июля 1914 г. по октябрь 1918 г., унесла миллионы человеческих жизней, привела к подрыву экономики многих воюющих стран, к сильнейшим политическим потрясениям, изменившим облик мира. Последствия Первой мировой войной человечество ощущает до сих пор.

Дорогую цену заплатила и Россия. Пять миллионов только людских потерь: преждевременная смерть от всяческих бедствий, неродившиеся дети. Три четверти рабочих отдавали свой труд войне. Половина крестьянского населения ушла на фронт. 521 – столько дивизий Антанты воевало на фронтах Первой мировой, из них 288 были русские (55,3% – *подсч. авт.*).

Казачьи войска в Первую мировую войну составляли две трети всей конницы России. С объявлением войны было мобилизовано 104 казачьих полка и 161 отдельная сотня. Казачьи части направлялись на наиболее опасные участки фронтов для выполнения сложнейших боевых задач. Это объясняется тем, что казачьи полки были наиболее подготовленными в военном отношении, а сами казаки – наиболее патриотично настроенными.

Что же касается Сибирского казачьего войска, то оно было отобилизовано с началом войны, и вскоре 8 полков были направлены на фронты Первой мировой (1-й Ермака Тимофеевича и 2-й полки – на Кавказский фронт, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й – на германский и австро-венгерский, 3-й – традиционно охранял китайскую границу, русские консульства в Китае и Монголии) – всего 11,5 тыс. чел.

Вновь и вновь сибирские казаки подтверждают в боях свою славу, мужество и героизм

1-й и 2-й полки Отдельной сибирской казачьей бригады воевали на Кавказском фронте и за Сарыкамышскую операцию были представлены к Георгиевским знаменам.

21 декабря 1914 г. 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк в бою под Ардаганом наголову разгромил 8-й турецкий пехотный Константинопольский полк, изрубил 500 турок, около 200 взял в плен, захватил батарею и неприятельское знамя полка. Сибиряки в этом бою потеряли 14 человек. Командир казачьего полка полковник Эрнест Раддац и есаул 4-й сотни этого же полка, захватившей турецкое знамя, Вячеслав Волков, стали первыми из сибиряков-офицеров, удостоенных высшей военной награды России – ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Император Николай II принял шефство над полком и включил в его списки своего сына и наследника цесаревича Алексея. С того момента полк стал называться 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева, ныне Его Императорского Величества полк, а чины его получили право носить на погонах царский вензель.*

Золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость» за бой 2 января 1915 г. у Еникея получили полковник Эрнест Раддац, командир 2-го Сибирского казачьего полка полковник Иван Борисевич, 2-го Сибирского казачьего полка полковник Владимир Шмонин (его дивизион уничтожил до 300 турок и захватил 2 пулемета), 1-го Сибирского казачьего полка есаул Вячеслав Волков (во главе 4-й сотни в этом же бою преследовал под сильным фланговым и фронтальным ружейным и пулеметным огнем бывших перед ним турок и захватил два пулемета).

В феврале 1915 г. под г. Праснышем две сотни 8-го Сибирского казачьего полка наголову разбили два германских эскадрона 3-го Конно-гренадерского Короля Шведского полка.

Многие воины – сибирские казаки – уже к середине 1915 г. стали полными Георгиевскими кавалерами. Среди них – казаки 8-го Сибирского казачьего полка старшие урядники Василий Васильев и Леонтий Яковлев, 2-х степеней – старший урядник Андрей Елунин, младший урядник Иван Черепанов и другие. За отличия в боях против турок Георгиевскими крестами были награждены 110 казаков 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка, в том числе младший урядник Платон Еманаков, казак Семен Волков, старший урядник Александр Рассохин, вахмистры Николай Дейкин, Антон Науменко и другие, во 2-м Сибирском казачьем полку было 49 кавалеров, в 5-м – 44, в 8-м – 33.

---

* За время войны офицеры полка получили по 3–4 боевые награды. Полковник Раддац и есаул Волков получили французские медали за военные заслуги. Знаменщик полка Зенченко получил бельгийскую, а урядник 5-й сотни Хвидченко французские медали. В бою под Ардаганом проявил героизм казак 4-й сотни Семен Николаевич Колков. Увидя, как пал тяжело раненный казак Александр Иванович Трошин, Колков бросился в группу турок, зарубил знаменщика и вестового и на трофейном белом коне доставил вражеское знамя командиру полка. Отважный казак был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. В боях отличились: казак Петр Яковлевич Бурков, казак Сергей Ефимович Попов, казак Федор Иванович Корниенко, вахмистр Степан Андреевич Грибанов, казак Зариф Ямакулов, казак Василий Глебович Бурлаков, младший урядник Кондратий Гаврилович Башкирцев, приказный Шагалип Габайдулин, старший урядник Андрей Иванович Чуйко и мн. др.

Мужественно сражалась 3-я Сибирская казачья отдельная сотня: за героическое прикрытие отхода наших войск 18 июня 1917 г. казаки получили 25 Георгиевских крестов и 20 Георгиевских медалей.

В приказах Сибирскому казачьему войску публиковались списки награжденных орденами и медалями, произведенных в следующие чины. Приказом 26 марта 1915 г. № 90 Георгиевские кресты, пожалованные павшим, вручались родственникам в торжественной обстановке, в присутствии всего населения станицы.

Многие казаки сложили свои буйные головы, защищая Родину. Среди них – подхорунжий Николай Дейкин, умерший от ран, полученных в бою 25 июля 1915 г., вахмистр Антон Науменко, убитый в этом же бою. За боевые отличия, оказанные в делах против турок в 1914–1915 гг., приказом Главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии Н.Н. Юденича от 14 октября 1915 г. за № 823 они посмертно были произведены в прапорщики.

В далекой Сибири, на родине павших казаков, свято чтят память их. «Мир праху Вашему, храбрые герои, кровью и жизнью своею запечатлевшие верность долгу службы и присяге. Пусть память о Ваших боевых подвигах бессмертно живет среди сибирского казачества и служит ярким примером безграничной преданности Царю и Родине», – говорится в приказе Сибирскому казачьему войску 30 октября 1915 г. за № 418.

Враг лютой ненавистью ненавидел казаков. Пленные казаки уже не могли вернуться из плена живыми.

Верность присяге и воинскому долгу проявили казаки 6-го Сибирского казачьего полка станицы Чарышской Никита Спиглазов и станицы Черлаковской Николай Бадрин, захваченные ранеными на поле боя и зверски замученные в местечке Лебедево. В приказе Сибирскому казачьему войску 15 января 1916 г. об их подвиге говорится: «...Доблестные сыны своей Родины и войска, помня заветы предков, долг службы и крепко храня святую присягу, предпочли принять мученический конец, чем изменить данную клятву и предать своих товарищей». Войсковой наказной атаман генерал Н.А. Сухомлинов (41) отправил по святой иконе семьям названных казаков, которые и были внесены в их дома и вручены их семействам в торжественной обстановке на память о подвигах и мученической кончине казаков.

В приказании войскам Омского военного округа 23 марта 1916 г. № 88 командующий войсками приказал объявить всем военнослужащим и казачьему населению о том, что бы ни в адресах, ни в письмах, отправляемых военнослужащим, находящимся во вражеском плену, не упоминалось о принадлежности адресата к казачьему войску, так как это «влечет за собою для получателей таких писем крайне тягостные последствия – вплоть до насильственного лишения жизни»...

Обессмертившие казачество подвиги во славу России были бы невозможны без таких качеств, как отчаянная отвага и храбрость, высокое воинское мастерство, удивительная выносливость, неприхотливость в быту, мужество, стойкость, предприимчивость, смекалка, верность воинскому долгу и «товариществу», набожность.

Судьба казачества трагична: Гражданская война и расказачивание уничтожили и разбросали по всему белому свету казаков – и хлеборобов, и стражей рубежей Отечества. Не миновала эта горькая чаша и сынов Сибири: в годы Гражданской войны Сибирское войско подверглось, как и другие войска, жестокому разгрому.

Известный казачий историк А.А. Гордеев подчеркнул: «...сибирское казачество в противобольшевистском движении сыграло большую положительную роль. По сравнению с прочей народной массой сибирские казаки дали пример большей устойчивости и непримиримости распространявшимся идеям большевизма» (Гордеев А.А. История казаков. – М., 1991–1993. Т. IV, с. 206).

...Уже через три дня после совершения Великой Октябрьской революции, 28 октября 1917 г. общее присутствие Войскового правительства Сибирского казачьего войска на своем заседании, «обсудив обстоятельства переживаемого времени и в связи с восстанием в Петрограде», отметило:

«1. Поднятый предателями и преступными безумцами мятеж против Временного правительства грозит тяжкими последствиями стране, ввергаемой этим восстанием в братоубийственную гражданскую войну.

2. ...этот преступный мятеж... безмерно отягчит и без того тяжелое положение страны, толкая ее на край гибели от анархии и полного экономического и государственного развала.

3. ...создаваемые мятежом безвластие и полная разруха в тылу с надвигающимся голодом грозят поставить армию на фронте в тяжелое положение, которое может кончиться полным ее разгромом.

4. ...неизбежным последствием такого разгрома армии будет навязанный стране позорный мир, который ввергнет страну в экономическое рабство и задержит ее культурное и политическое развитие на много поколений...

Постановило:

2. ...Сибирское казачество... готово в этот страшный час в братском союзе со всеми казачьими войсками принести все жертвы, чтобы спасти страну и укрепить завоеванные народом свободы.

3. Выразить глубокое негодование против поднявших Петроградское восстание предателей и изменников и решительно осудить Омский объединенный комитет революционной демократии за его выступление поддержать мятежников* (ГАНУ, ф. П-5, оп. 4, д. 929, лл. 3-4; Иртыш, 1917 г., 31 октября, 4 ноября).

Малый войсковой круг Сибирского казачьего войска 19 ноября 1917 г. вынес следующую резолюцию:

«1. Сибирское казачье войско не признаёт и никогда не признает власти захватчиков и предателей родины...» (ГАНУ, ф. П-5, оп. 4, д. 292, лл. 256-257; Иртыш, 1917 г., 21 ноября).

Эту же позицию подтвердила и Войсковая управа 25 января 1918 г. (ГАНУ, ф. П-5. Оп. 2. Д. 1490. С. 1-2).

4-й Чрезвычайный войсковой круг Сибирского казачьего войска, состоявшийся 21 июня (4 июля) – 5 (18 июля) 1918 г. в г. Омске, постановил:

«Об отношении к Временному Сибирскому правительству.

1. ... исторические условия и положение Сибири неразрывно связывают ее в одно государственное целое с остальной Россией.

2. ... стремление к самостоятельному, отдельному от остальной России, государственному существованию может быть губельно как для самой Сибири, так и для остальной России.

5. ... ни Европейская Россия, ни Сибирь не могут почитать свое дальнейшее государственное существование обеспеченным, пока не будет уничтожен Брестский договор со всеми его последствиями...

Круг постановил:

1. Признать имеющее ныне в г. Омске свою резиденцию Временное Сибирское правительство единственной правомочной государственной властью для всей Сибири и всемерно поддерживать это Правительство...

О земле

1. Сибирское казачье войско, как самобытная единица, заявляет, что вся земля Сибирского казачьего войска, леса, рыболовные воды и прочие угодия со всеми недрами, как историческое и фактическое достояние казаков, составляет неотъемлемую и неприкосновенную собственность Сибирского казачьего войска, как самобытного народа-хлебороба.

2. Сибирское казачье войско, как самоуправляющаяся единица, пользуется, владеет и распоряжается своими землями, всеми водами, рыбными ловлями, лесами и недрами самостоятельно и независимо...».

В годы Гражданской войны Сибирское казачье войско как административно-территориальная единица и как военно-политическая сила являлась опорой белого режима, поднявшись на борьбу с красными почти полностью. В 1918-1919 гг. войско выставило около 25 тысяч сибирских казаков 26 возрастов (19-44-летних казаков): 79 конных сотен, 5 инженерных (кон-

* Подчеркнуто в тексте. – Ю. Ф.

но-саперных) сотен, 12 конно-артиллерийских батарей, 15 конно-пулеметных команд, 12 пла-стунских сотен. Никаких красноказачьих отрядов в Сибирском войске, в отличие от ряда других войск, не возникло (всего лишь несколько десятков – максимум сто с небольшим человек – это почти все, что дало сибирское казачество в красные формирования за период с мая 1918-го по октябрь 1919 г.).

В 1918–1919 гг. сибирские казаки участвовали в боях на Северо-Урало-Сибирском, Верхне-уральском, Алтайском, Семиреченском, Нижнеудинском, Прибайкальском и Ленско-Витимском фрон-тах. Они сыграли выдающуюся роль в освобождении от большевиков Сибири, Урала и Северного Семиречья, а также в поддержании порядка на территории, подконтрольной Временному Сибирско-му правительству, а затем ставших одной из главных опор власти Верховного правления – адмира-ла А.В. Колчака.

За что стойко сражались казаки на стороне Белого движения? Воевали они за нацио-нальную Россию, за Веру Православную, за законность и порядок. Воевали они против коммуни-стического Интернационала, против воинствующего безбожия, против анархии, против революци-онного произвола.

В Гражданской войне вооруженная борьба обеими сторонами велась крайне жестоко.

Белые власти широко привлекали казачьи части к службе охраны порядка в тылу и к борьбе с восставшими и партизанами. Примером тому служит подавление Мариинского восстания (Атба-сарский уезд, с. Мариинка) – одна из самых жестоких карательных операций с участием сибир-ских казаков. При взятии Мариинки погибло от 1500 до 2000 человек, при 2-х раненых со стороны белых. За эту операцию к Георгиевским крестам было представлено 20 казаков, а еще 20 – к медалям.

Казаки хорошо понимали, что их ждет с приходом красных. В конце июня 1918 г. газета «Иртыш» писала: «... Для нас, казаков, выбора нет. Или мы победим вместе с Сибирским правитель-ством, – и тогда мирная, свободная трудовая жизнь. Или мы будем разбиты, и тогда – горе побеж-денным! Наши станицы будут залиты кровью и превращены в груды дымящихся развалин. Мы это знаем, и все, как один, встанем на священную борьбу за привольную Сибирь, за родное казачество и за родимые станицы...».

Нигде больше в Сибирском войске борьба между казачеством и крестьянством не приобрела в 1919 г. такого размаха и не велась с такой жестокостью, как на Бийской линии. Белоказаки сами не щадили врагов и не ждали пощады от них.

В сентябре 1919 г. белые перешли в наступление, оттеснив Красную Армию за Тобол, но уже в октябре красные двинулись вперед.

Сибирские казаки, активные участники белого движения, оказываются зажатыми со всех сторон наступающими красными войсками и восставшими в тылу белых многочисленными масса-ми крестьян – бойцов партизанских армий, насчитывающих тысячи человек: Западно-Сибирская партизанская армия до 50 тыс. чел., Советская партизанская армия Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов Томской губернии – 18 тыс. чел., партизанская армия Кравченко (19) – Щетинкина (49) – до 18 тыс. чел. и т.д.

Крестьянами-повстанцами в казачьих станицах Бийской линии Чарышской, Сосновской, Маральевской, Слюденской было уничтожено все мужское население от семнадцати до пяти-десяти лет (в одной лишь Чарышской – 110 казаков) (ГААК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 11. С. 4). Кроме них погибло еще свыше 200 казаков разных станиц Бийской линии. Рассматривая казачье имущество как свою добычу, крестьяне разграбили станицы (убытки только в одной Чарыш-ской, например, составили около одного миллиона рублей) (Сибирский казак, 1919, 11, 12 сен-тября). Гражданская война – жестокое время. Но этот акт террора выделяется на общем фоне событий тех лет.

14 ноября 1919 столица белой Сибири – Омск – пала. Положение Сибирского казачьего войска становится еще более тяжелым. Казачьи станицы, окруженные тысячами восставших крестьян, сопротивление не оказывают, вывешивают красные флаги, возами сдают винтовки и пашки. Но далеко не все казаки сдались или разошлись по домам. Атаманы станиц получают ультиматум:

«Атаману станицы _____»

Приказываю объявить селению о том, чтобы немедленно сложили оружие, иначе всех казаков с их гнездами превращу в пепел. Сочувствующие нам пусть заявляют своевременно и переходят на нашу сторону.

5 декабря 1919 г.

№ 140.

Начальник 6-й Горно-степной дивизии
/Архипов/»

Из станиц были взяты заложники. В Антоньевской, где часть казаков бежала в горы с оружием в руках и какое-то время продолжала неравную борьбу, было взято 100 заложников (За власть Советов. – Новосибирск, 1947, с. 85). Часть казаков с Войсковым правительством во главе пошла в «отступ», а затем ушла в Китай (в 1930-е годы существовали в Харбине Войсковое представительство Сибирского казачьего войска и казачья станица Сибирская (образована в 1923 г.)^{*}.

Повстанческое движение нанесло казачьим хозяйствам невосполнимый ущерб – они были основательно разорены партизанскими отрядами и бойцами регулярной Красной Армии^{**}.

Сибирские казаки продолжали воевать против коммунистов в Забайкалье и Приморье в составе регулярных Сибирских казачьих частей Дальневосточной белой армии вплоть до октября 1922 г.

Дорого обошлась Гражданская война войску Сибирскому.

Никто не считал, да и вряд ли может подсчитать, сколько в те далекие уже, жестокие годы погибло сибирских казаков... Сколько их легло в боях, сколько добито на полях сражений, сколько умерло от ран, тифа, голода и жажды, от сибирских морозов и туркестанского зноя, сколько расстреляно по приговорам ЧК и ревтрибуналов, а то и без приговоров? Сколько сгнило в ГУЛАГе?

В Гражданскую войну был изгнан из страны, а большей частью физически уничтожен весь слой основных носителей сословно-войскового самосознания и традиций сибирских казаков, а оставшаяся часть их окончательно была растоптана в последующие годы.

Сибирское казачье войско как автономная единица с приходом Красной Армии фактически было уничтожено. Сибревком приказом № 1 от 2 января 1920 г. по Сибирскому казачьему войску объявил о распространении на казаков общего с остальным населением управления, о передаче войсковых и офицерских участков в государственный земельный фонд.

22 февраля 1920 г. на заседании Сибирского областного бюро РКП(б) принимается постановление, по которому казаки ликвидировались как сословие, а станицы, поселки и хутора переименовывались в села и деревни (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1115. С. 6).

Делая главную ставку на насилие, новая власть стремилась, выражаясь словами Л.Д. Троцкого (42), «заставить трудового казака почувствовать себя не казаком, а рабочим и крестьянином» и «рассказачить казачество». Насилию подвергалась Сибирь и прежними властями – за три года здесь шесть раз менялась власть: царизм, Временное правительство, советская власть, Временное

* В 1945 г. с приходом в Китай Красной Армии землячество «Сибирская казачья станица» было разгромлено.

Казаки, находившиеся за пределами СССР, оставались в зоне пристального внимания спецслужб Страны Советов. Давайте заглянем в «Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Манчжурии» (Хабаровск, 1950 г. Архивный отдел УМВД по Хабаровскому краю. Сов. секретно). В списке 7175 имен, и здесь все – от казачьего генерала преклонных лет до членов молодежных и детских казачьих организаций: Акулов Анатолий, 12 лет, член организации юных казачат «Казачья смена» при Союзе казаков; Брызов А.Г., 65 лет, полковник Сибирской казачьей станицы; Георгиевские кавалеры: прапорщик Белеволенский Н.М., вахмистр Васильев И.С., ст. урядник Верхотуров Г.И., казак Горбачев А.И., казак Потапов Г.В., сотник Рудаков В.А., есаул Рыбаков Ф.Е., казак Ширяев А.М.; казачка Березовская, 16 лет; Медневская А.А., 18 лет, член Молодой станицы имени атамана Семенова, окончила иностранный колледж, знает английский и французский языки; Тонких Геннадий, 8 лет, казачок, член организации юных казачат «Казачья смена» при Союзе казаков на Дальнем Востоке; генерал-майор Белов А.И.; подхорунжий Файдулин Абдул Файзолоневич, 1888 года рождения, казак Эгнер Ричард Августович и мн. др.

** «...казачьи районы особенно сильно пострадали от гражданской войны», – отметил пленум ЦК РКП(б) 23–30 апреля 1925 г. (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. Т. 3, с. 351).

Сибирское правительство, колчаковщина, советская власть – «военный коммунизм» с его продовольственной разверсткой (принят декретом СНК 11 января 1919 г.), проводимой с бессмысленной жестокостью.

К марту 1920 г. сибирские деревни и станицы столкнулись со всеми главными видами продразверстки и пролетарскими требованиями на труд. И были неприятно разочарованы: «не такую ждали» – так объясняются причины взрыва недовольства и яростного восстания 1920–1921 гг. (Красная Армия Сибири. – Новониколаевск, 1923, № 3–4, с. 34).

Когда ретивые продагенты зимой 1920–1921 гг. начали изымать уже не излишки (план по ним был перевыполнен), а святая святых – семенные фонды, да еще свозить отнимаемое зерно на неподготовленные площадки, в грязь и снег, заведомо обрекая его на порчу, когда они, чтобы собрать побольше шерсти, стали принуждать крестьян стричь полушубки, стричь в 50-градусные морозы овец – терпение народа лопнуло*. Такие случаи приводили сибирского труженика – крестьянина и казака, рачительного хозяина, уважавшего себя, свой нелегкий труд, – в гнев и ярость. Первыми взбунтовались, взявшись за оружие, крестьяне Челноковской и Чуртанской волостей Ишимского уезда, немедленно поддержанные казаками, и тут же, по давней сибирской традиции, от села к селу поскакали гонцы, чтобы поднять народ против обидчиков. Поэтому-то восстание, как огонь по сухой траве, распространилось на громадной территории («Труд», 1991, 7 февраля).

Главный военный совет повстанцев Кокчетавского уезда в своем воззвании (1921 г.) писал: «... Всем известная чека, ни с чем не сообразная продразверстка на предметы нашего труда, бесконечная подводная повинность, постоянные страхи за лишнее сказанное слово, за лишний кусок хлеба, тряпку, лишнюю вещь – все это жизнь нашу, и без того невеселую, обратило в ад, превратило нас в рабов случайных выскочек – мальчишек, с сомнительным прошлым и настоящим.

Неумелое хозяйничанье нашим добром переполнило чашу терпения, и мы, зная, что нас ожидает, бросая дом, семью, объявили восстание и прогнали коммунистов.

Изгоняя коммунистов и лжекоммунистов – предателей, мы боремся за истинно народную власть, за неприкосновенность личности и частной собственности, за свободу слова, печати, союзов, убеждений, не направленных во вред народного благосостояния, наций, мы боремся за свободный труд, за землю для тех, кто на ней трудится». (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1612. С. 4).

Восстание стало закономерной защитной реакцией крестьян и казаков на чрезмерное насилие со стороны государства, крайним средством борьбы за возвращение к естественным для них условиям существования.

По данным разведывательных органов Красной армии, динамика повстанческого движения в 1920 г. на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского военных округов была такова: к 15 июля – соответственно 19000 и 2183 человек, к 1 августа – 21090 и 2183, к 15 августа – 14120 и 3415, к 1 октября – 8250 и 3750, к 15 октября – 4280 и 2840, к ноябрю – 4510 и 4320 (В.И. Шишкин. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. – Новосибирск, 1997, с. 61).

Самым крупным из антисоветских восстаний сибирского казачества и крестьянства 1920–1921 гг. было восстание, начавшееся в феврале 1921 г. в долине реки Ишим (между Тобольском, Тарой и Ишимом), но за три недели охватившее Барабинскую (до Тюкалинска), Приуральскую (до Камышлова и Шадринска) и Киргизскую (до Акмолинска) степи и Тобольский север, а в марте и апреле докатившееся до Обдорска и Монгольской границы с населением 3,4 миллиона человек (Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994, с. 127). По количеству участников Западно-Сибирское восстание превосходило все антибольшевистские выступления 1921 года, в том числе наиболее крупные из них – Кронштадский мятеж (27 тыс. военных моряков, солдат гарнизона и рабочих) и «антоновщину» (21 тыс. человек повстанцев-крестьян). В составе шести-восьми самых крупных повстанческих группировок Западно-Сибирского восстания в феврале-марте 1921 г. насчитывалось 40 тысяч только организованных (по другим сведениям, восставшие сформировали

---

* Лишь многие годы спустя были опубликованы документы о том, как продотряды пороли крестьян, как требовали сдавать семенное зерно, как, требуя выполнения разверстки шерсти, уполномоченный Заплетин издевался: «Стригите кожи, а также у баб и жен своих...» (Родина. 2006 г., № 7. С. 40).

несколько дивизий – до 100 тысяч человек), но очень плохо вооруженных повстанцев. Основным оружием повстанцев являлись пики, дробовые ружья, зачастую вилы и палки. Винтовок и пулеметов было крайне мало. «Противник вооружен слабо, главным образом, косами, вилами, пешнями, ломами и охотничьими ружьями», – говорится в приказе войскам 61-й стрелковой бригады внутренней службы Сибири 6 февраля 1921 г. (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1609. С. 1). 2-й Медведковский полк повстанцев, например, насчитывавший 600 человек, имел всего лишь 11 винтовок (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1613. С. 18).

Восставшие взяли города Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, Сургут, Березов, Обдорск, Каркаралинск, поставили на грань падения Курган, Ялуторовск, Ишим. Захватив крупные железнодорожные станции на линии Омск–Тюмень и Омск–Челябинск, повстанцы прервали на 23 недели транспортное сообщение Сибири с Европейской Россией.

В восстании участвовало все или почти все сибирское казачество (от 10 до 15 тысяч казаков), а во многих станицах участие казаков носило тотальный, а в ряде случаев и поголовный характер, вплоть до включения в атакующие цепи женщин и подростков.

Чтобы подавить восстание, советская власть обрушилась на повстанцев всей мощью Красной Армии. Для руководства ликвидацией восстания 12 февраля 1921 г. была создана полномочная тройка – председатель Сибревкома И.Н. Смирнов (**38**), помощник главкома вооруженными силами Республики В.И. Шорин (**47**) (поначалу целую неделю считавший восстание обычным местным явлением, а повстанцев – «сволочью», для ликвидации которой довольно и «двух теплушек с красноармейцами»), председатель Сибирской ЧК И. П. Павлуновский (**27**). На подавление «бандитско-кулацкого мятежа», как клеймила повстанцев красная пропаганда, были брошены части 21-й Стрелковой дивизии, отдельной Кавбригады, 4-х Алтайских и нескольких Сибирских красных полков, столько же Приуральских, 4 бронепоезда, несколько пулеметных батальонов, широко использовались войска частей особого назначения (ЧОН).

Восставшие развернули массовый террор (убито около 5 тыс. партийных и советских работников). Только Тюменская губернская парторганизация потеряла около 3-х тысяч человек, а части Красной Армии – около 2-х тысяч бойцов.

Борьба была жестокой. Так, в сводке за 16 февраля 1921 г. штаба народной (повстанческой) армии говорится: «...при взятии станции Петухово взято нами в плен 2600 человек коммунистов совместно с красноармейцами, причем с коммунистами расправа была на месте, а красноармейцы арестованы...» (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1613. С. 4).

Но зло порождает зло – свирепость повстанцев вызывала ответную жестокость тех, кто подавлял мятеж. Войсками проводились карательные операции. При захвате мятежных сил использовалась такая тактика: сначала интенсивный артобстрел (минимальное боепитание – 150 снарядов на ствол), затем атака (Труд, 1991, 7 февраля). От артиллерийского огня и в боях погибло много женщин и детей. И войска, и повстанцы брали заложников и расстреливали.

За время боевых действий по разгрому и подавлению антисоветских выступлений в 1921–1922 гг. людские потери войск, подчиненных помощнику главкома по Сибири, составили: безвозвратные потери – 3485 чел., санитарные – 11295, всего – 14780 чел. Считается, что в сражениях погибло 30 тыс. повстанцев. Но кто скажет, сколько погибло мирного населения? Оставшиеся в живых были амнистированы, да только эхо мятежа докатилось до 1937 года. Из 17 тыс. репрессированных жителей Омской области (в то время Тюменщина входила в ее состав) каждому третьему поставили в вину участие в восстании 1921 г., которое, как известно, только после двухмесячной упорной борьбы удалось сломить и ликвидировать лишь в центре и на юге; север был освобожден лишь к июлю, а пережитки восстания – лишь к осени 1921 г.

Множество казаков полегли в боях (при взятии, например, станицы Лобановской их потери достигали 900 человек), часть бежала с остатками 1-й Сибкавдивизии в Китай, но и там казаки были добиты частями регулярной Красной Армии. Кровавое подавление этого восстания, неслыханные репрессии, обрушившиеся на участников восстания, сочувствовавших и помогавшим восставшим, членов их семей, подтверждают: это была одна из наиболее крупных и жестоких военно-карательных операций коммунистического режима за весь советский период российской истории. Бессудные расправы обрели массовый характер. Гремели залпы, сверкали окровавленные клинки.

Невиданная беда, нависшая над казачеством, была занесена не внешним супостатом, а теми, кто пришел под знаменем советской власти. Ее с доверием встретило население, оно рассчитывало на великодушие и снисходительность, а оказалось под угрозой уничтожения.

Сибирское войско подверглось новому жесточайшему разгрому. Восстания, вспыхнувшие в войске в 1920–1922 гг. и в последующие годы, уже после отхода на восток белых армий, окончательно обескровили войско. Станицы разорены, мужское население уничтожено или ушло за границу, а кто остался в станицах и уцелел, те растеклись по другим местам нашего обширного Отечества...

Так большевики предъявили деревне и станице поистине «железные» аргументы, с помощью которых они победили собственный народ, добились его порабощения. Но эта победа, как показала история, оказалась пирровой, и плоды ее Россия пожинает до сих пор...

Да, тысячи и тысячи личных трагедий, из которых сложилась общая народная боль, породила продовольственная диктатура, взрывавшаяся то крестьянскими и казачьими восстаниями, то Кронштадтом. Все они – саднящие, незаживающие раны в генетической памяти нашего народа. Прошлое не только учит, оно предостерегает нас...

Западно-Сибирское восстание, это стихийное народное возмущение против системы военного коммунизма, – самая героическая и в то же время самая трагическая страница в истории Сибирского казачьего войска.

Иную оценку мы видим в официальной печати. «Большая Советская Энциклопедия» в 1930 г. пишет: «Партии и рабочему классу пришлось укреплять Советскую власть в казачьих областях в исключительно трудных условиях. В станицах оставались еще большие группы кулачества – этой основной опоры контрреволюции, пытавшейся в новых формах продолжать борьбу за восстановление капитализма.

В Ишимском, Петропавловском и Кокчетавском районах сибирского казачества удалось организовать в конце 1920 г. контрреволюционное восстание, которое было ликвидировано Советской властью при участии казачьей бедноты. Кулацкий сектор станиц, пытавшийся в период нэпа захватить в свои руки советскую кооперацию, сорвать землеустройство, особенно сильно сопротивлялся здесь всем мероприятиям диктатуры пролетариата...» (БСЭ. – М., 1926–1947. Т. 30, с. 643–644).

«Это было последнее крупное восстание в Сибири, охватившее значительные массы казачества и крестьянства. К 1923 г. Сибирь была очищена от банд и смогла вплотную приступить к хозяйственному строительству» (Сибирская Советская Энциклопедия. – М., 1929–33. Т. 1, с. 533–534).

Руководство Советской России, преследуя казачество за его активное участие в Белом повстанческом движении, щедро передает исконные земли Сибирского казачьего войска во вновь созданные административные образования. «Декретом об Автономной Киргизской Социалистической Советской Республике» ВЦИК и СНК, подписанным Председателем СНК В. Ульяновым-Лениным и Секретарем ВЦИК К. А. Енукидзе (в развитие декрета Совнаркома от 10 июля 1919 г. № 354), к АКССР отошли уезды Семипалатинской области: Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Зайсанский и Каркаралинский, уезды Акмолинской области: Атбасарский, Акмолинский, Кокчетавский, Петропавловский и часть Омского уезда. В АКССР вошла также часть территорий соседних казачьих войск – Уральского и Оренбургского – Тургайской, Уральской областей, Мангышлакский уезд Закаспийской области, часть Астраханской губернии (Советская Сибирь. – 1920. – 10 сентября; Губернии и уезды Р.С.Ф.С.Р. по данным на 1 декабря 1920 г. – Издание Народного Комиссариата Внутренних Дел. Б.г., с. 20).

Так одним росчерком пера «великие интернационалисты», не задумываясь о последствиях, в результате этого и последующих экспериментов отрезали от России сразу 15 уездов, более 1000 населенных пунктов, почти все земли бывшего Сибирского казачьего войска (исконную российскую территорию, где трудились на земле только российские крестьяне и казаки, куда киргизы или казахи наведывались, лишь кочуя со скотом) и передали Казахстану (за исключением части горьколинейных и прииртышских станиц вокруг Омска да части Бийской линии на Алтае). А на сегодня эти земли Сибирского войска и вовсе оказались за пределами России. Также несправедливо было поступлено с обитателями уральских берегов, с русскими городами Гурьев, Павлодар,

Уральск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Верный. Миллионы русских, украинцев оказались вроде бы людьми второго сорта в новых, неизвестно на каких основаниях образованных республиках. И не только в Сибири и в Средней Азии, но и в других регионах...

Последствия политики расказачивания со стороны государства привели к тому, что сегодня большое количество людей не помнят и не знают своих корней; возник некий исторический провал в сознании людей. Забытыми оказались имена героев – сибирских казаков, прославивших Россию, – полных Георгиевских кавалеров подхорунжего Андрея Кучковского, старших урядников Андрея Чуйко и Петра Кательникова, сотника 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка Василия Попова, окончившего офицерскую школу авиации и удостоенного в 1915 г. двух боевых орденов, полковника Александра Белова, получившего золотое Георгиевское оружие «За храбрость» и многих, многих других...

ВЦИК утверждает решение Омского окружного административного отдела о закрытии Никольского казачьего собора, и в середине января 1930 г. с собора были сняты колокола. Закрываются и разрушаются станичные храмы. Станицы, поселки, хутора, поделенные между уездами и волостями, лишенные Веры, постепенно теряют свой облик...

Исчезают с карты г. Омска названия улиц, носивших имена прославленных казачьих атаманов Сибирского казачьего войска: улица Глазенаповская (**8**) стала называться улицей Спартака, Гасфордовская (**7**) – Карла Либкнехта, Казнакова (**14**) – улицей Ленина. В 1942 г. было закрыто Казачье кладбище, на котором были похоронены военный губернатор и командующий войсками Акмолинской области Н.А. Окольничий (1827–1871), военный губернатор Акмолинской области генерал-лейтенант В.С. Цытович (1833–1888), генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев (1848–1921) и другие видные военные деятели Сибири, многие простые казаки. А на месте могилы Ивана Ивановича Шпрингера, основателя второй Омской крепости, командира войск Сибирского корпуса, учредившего оперный дом, «где чинились представления разных трагедий и комедий» для «полирования» молодых офицеров – первый омский театр, построили общественный туалет, сейчас там находится магазин «Цветы» (площадь Ленина)...

...Трагически сложилась судьба того былого славного прошлого российского и сибирского казачества, с его своеобразным укладом жизни, характером человека-воина, труженика, патриота, героя, честного, достойного, благородного защитника Родины и Православия. Оно достойно несло века свой крест, выполняя и выполнив до конца возложенную на него историей миссию, человеческий долг перед Богом и Отечеством.

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

*... Где загорится золотой крест
православного храма, там, значит,
крепко свито гнездо русской
христианской культуры.*

(Азиатская Россия. – Т. 1. СПб., 1914. С. 238)

Культура в России и в Сибири своим существованием и расцветом обязана прежде всего двум институтам – Русской Православной Церкви и Российской Армии, всегда игравшим в общественной и частной жизни сибиряков огромную роль.

Известно, что во время похода в 1581–1582 гг. Ермак имел подвижную часовню с иконами и священнослужителями для отправлений богослужений. Примеру его следовали казаки и стрельцы при дальнейшем продвижении в Сибирь.

Не прошло и пятидесяти лет, как в Сибири вера христианская уже прославлялась во многих православных храмах от восточных склонов Урала до берегов Енисея.

Во вновь устраиваемые церкви Государями Федором Иоанновичем и Борисом Годуновым присылались иконы, ризы, богослужебные книги, утварь, ладан, воск, вино церковное, колокола.

Забота правительства о церковном деле в Сибири была необходима для укрепления здесь русской государственности: исторический опыт Москвы говорил о том, что объединение и коренных русских областей под главенством Москвы совершилось под влиянием христианской веры и при содействии высшей церковной власти. Следовательно, историческое развитие русского государства давало в руки правительства того времени уже испытанное средство для укрепления за собою новых приобретений с иноверческим населением.

Первым актом правительственных забот о церкви сибирской было установление в ней особого епархиального управления в 1620 году. Местопребыванием первого сибирского архиепископа Киприана Старорусенина, с присвоением ему титула архиепископа Сибирского и Тобольского, был назначен г. Тобольск, где и проживал главный царский воевода. В 1621 г. открывается Сибирская кафедра: 30 мая в Тобольск прибыл архиепископ Киприан. Вскоре по прибытии он призвал к себе оставшихся еще в живых товарищей Ермака, собрал от них сведения о походе в Сибирь и сведения эти велел записать; он же записал в Тобольский синодик имена павших в битвах сподвижников Ермака и приказал их поминать в церквях. Кроме того, он же положил начало обращению в христианство сибирских инородцев и основал несколько новых монастырей: при архиепископе Киприане было уже 30 церквей, 12 монастырей и несколько молитвенных домов.

Первыми носителями православной культуры в Сибири стали монастыри, возникающими одновременно с продвижением России на Восток. Вместе с созданием административного центра Сибири – Тобольска, рядом с ним был заложен и первый сибирский монастырь – Тобольский Знаменский (1587 г.), в 1601 г. – тоже в Тобольске – во имя Зосимы и Савватия.

Наиболее почитаемыми православными христианскими святынями в Сибири были Абалакская икона Богоматери, копия ее именуемая «Семипалатинско-абалакская» (в Семипалатинске), иконы святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, преподобного Симеона Верхотурского.

Абалакская икона Богоматери особо почиталась в Сибирском казачьем войске, считавшем ее своей покровительницей.

Изображение на иконе состоит из следующих ликов: в середине Богоматерь с Предвечным Младенцем, написанные по точному подобию иконы Знамения Пресвятой Богородицы, с правой стороны – св. Николай Чудотворец, с левой – преп. Мария Египетская. Происхождение этой

иконы тесно связано с построением в погосте Абалакском (погост Абалакский находится в 25 верстах от г. Тобольска, на правом берегу р. Иртыша) Знаменского храма. Летописное сказание повествует об этом построении как о событии необычайном. Вдохновительницей святого дела явилась одна благочестивая вдовица из новгородской области по имени Мария. Она требовала, вследствие бывших ей откровений, именем Божией Матери, устройства на Абалаке храма в честь иконы Знаменья, с приделами во имя св. Николая и преп. Марии Египетской. По благословению третьего архиепископа Сибири Нектария в 1636 г. усердием прихожан – именитых граждан и простых жителей – стал строиться храм с означенными приделами. Все строители выказали при этом необычайное усердие: своими руками рубили лес, сплавливали и выгружали его на высокий берег Иртыша, на свой счет наняли рабочих для постройки церкви. Во вновь устроенный храм поставлена икона «Знаменье», написанная самым искусным иконописцем того времени в Сибири, протодиаконем Тобольского собора, Матфеем. Икона покрыта ризою из чистого золота, со многими алмазами и жемчугами. Храм деревянный заменен каменным; приход закрыт, и в 1783 г., по Высочайшему указу, сюда переведен монастырь из села Невьянского Пермской губернии с наименованием его «Абалакский Знаменский».

Благодаря многим чудесам, совершившимся по молитве верующих у святой иконы, она прославлялась всей обширной Сибирью. На поклонение ей стекались богомольцы даже с берегов Дона и Черного моря. Абалакская икона для православных Сибири такая же святыня, какими почитаются в Европейской России иконы Богородицы Владимирской и Смоленской. Копии с этой иконы распространены во многих храмах сибирских. Особенным почитанием пользовались списки с иконы в городах Кургане, Петропавловске, Томске, Иркутске, Омске*.

20 января 1701 г. царским указом в Тобольск командирован Андрей Иванович Городецкий с повелением открыть при архиерейском доме первую в Сибири школу для подготовки церковнослужителей (открыта в 1702 г.). Митрополит Сибирский Филофей Лещинский (1650–1727), насаждая православие, объехал всю Сибирь, открыл ряд школ, в том числе первую в Сибири – Тобольскую архиерейскую; организовал первый в Сибири театр.

В 1710 г. Петр I повелел сибирскому архиерею Филофею обращать в христианскую веру иноверные племена, что *не зависит от царской власти, но от проповеди слова Божия*, а новокрещан повелел обучать русской грамоте.

Первая духовная семинария в Сибири была открыта в Тобольске, будучи преобразованной из школы при Тобольском архиерейском доме (1743–1748 гг.). Второй духовной семинарией в Сибири была Иркутская, преобразованная в 1780 г. из школы при Иннокентьевском монастыре. В 1857 г. к этим двум духовным семинариям присоединилась третья – в Томске. В эти же годы в Якутск переносится духовная семинария, существовавшая в Русской Америке (после продажи Аляски

---

* Чудесные явления происходили и в годы революционных перемен. За месяц до отречения, в начале февраля 1917 г., будущий священномученик архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский) послал список с Абалакской иконы генералу Л.Г. Корнилову, спасавшему от «революционного правосудия» царскую семью в апреле 1917 г. Когда летом 1917 г. Николай II переехал в Тобольск, для государя был сделан список с иконы, сопровождавший его до последних часов жизни... Спасая от красных чудотворный образ, архиепископ Сильвестр передал его в приют «Очаг», созданный для детей-сирот и беженцев С.Э. Дитерихс. Ее супруг – генерал-лейтенант М.К. Дитерихс – в это время был главнокомандующим Восточным фронтом белых армий.

Так чудотворный образ стал неразрывно связан с судьбой последнего российского императора и с Белым движением. Через два месяца, в ноябре, красные войска вошли в Омск. Архиепископ Сильвестр принял мученическую кончину. А икона вместе с отступающей белой армией продолжила путь через всю Сибирь на Дальний Восток. В 1923 г. семья генерала Дитерихса и «Очаг» переехали в Шанхай. После 1945 г. большинство «русских белых» вынуждено было уехать из Китая. Генерал Дитерихс скончался в 1937 г., а его супруга – в 1944-м. Единственная дочь Дитерихсов – Агния Михайловна, стала владелицей чудотворной иконы. Вместе с ней икона переехала в Австралию и позднее была помещена в православный храм в пригороде Сиднея – Кабраммате.

В 1979 г. ушла из жизни Агния Михайловна Дитерихс. И в завещании ее матери Софии Эмильевны говорится, что икона «должна вернуться в Россию после ее освобождения от коммунистов и быть помещена в Храм памяти последнего Царя Николая II и Его Семьи (предпочтительно в Тобольске)».

Возвращение в Россию чудотворного образа Абалакской Божией Матери может стать важнейшим событием в жизни Русской Православной Церкви, должно стать символом объединения сибирского казачества (Цветков В.Ж. Последняя воля (Икона Абалакской Божией Матери может вернуться в страну) // Родина, 2006, № 3, с. 52–53).

Соединенным Штатам Америки). В конце XIX – начале XX вв., с открытием новых епархий, учреждаются духовные семинарии в Красноярске и Благовещенске.

В XVIII веке в Сибири возникают гарнизонные школы (1732 г.), а в начале XIX в. (1803 г.) создаются приходские училища.

В 1813 г. в Омске открывается казачье училище на войсковые средства. Положение об училище, одобренное генерал-лейтенантом Г.И. Глазенапом, указывало на цель его учреждения – «наставить юношество в познании должностей человека, в добродетели, смиренномудрии и страхе Божиим». Заботами войскового атамана С.Б. Броневского (5) при училище основывается библиотека, в которой преобладали книги религиозно-нравственного содержания. На религиозное воспитание мальчиков обращалось особое внимание. С устройством училища внесена была в него пожертвованная войском икона Св. Николая Чудотворца, который считался покровителем заведения.

В 1815 г. атаман С.Б. Броневский предписал завести школы по всем казачьим поселениям, рудутам и форпостам (впервые в истории казачества! – Ю.Ф.), требуя, чтобы все дети мужского пола от семилетнего возраста ходили в них обязательно (С.Б. Броневский в это же время, кстати, заметил: «Сибирские обитатели имеют достаточные способности к музыке, особенно духовного ведомства и казаки»).

Результатом этой меры было то, что в 1825 г. всех школ было 117, а училось в них 2638 мальчиков. Но после 1825 г. обязательное обучение было отменено из-за недостатка средств. (Военный сборник, 1878, № 11, с. 121).

В 1830 г., 11 сентября на Алтай прибыл архимандрит Макарий, начинает свою деятельность Алтайская духовная миссия.

В 60–70-х годах XIX века казачье население Сибири, относясь к делу образования весьма сочувственно, дает достаточные пожертвования на устройство школ, наем учителей и учебные пособия и добивается в отношении народного образования значительных успехов (Военный сборник, 1878, № 11, с. 121). Усилиями войскового начальства и казачьего населения в Сибирском казачьем войске в 1861 г. вновь вводится обязательное (для мальчиков) обучение, о котором в то время «только еще могли мечтать даже наиболее благоустроенные земские губернии Европейской России». «Казаки смыслены, умны от природы и сильны опытом и наглядностью», – отмечал «Военный сборник» в 1859 г. (№ 7, с. 96).

К 1865 г. на территории Сибири от Урала до Енисея насчитывалось 21 приходское училище с 1164 учащимися. В 60-х годах XIX века стали возникать в Сибири и сельские школы. Учреждаются в это время и начальные школы – одноклассные и двухклассные. В 1868 г. училищ окружных, станичных и поселковых было 77, в 1876 г. – 136, в них обучалось 1280 и 2702 учащихся соответственно.

По числу мужских школ Сибирское войско в 1876 г. занимало одно из первых мест между всеми казачьими войсками, уступая только Оренбургскому. Станичные и поселковые общества на улучшение мужских и дальнейшее распространение женских школ выделяли 28 процентов общей суммы станичных годовых доходов. (Военный сборник, 1879, № 12, с. 147, 325–327).

В 80-е годы XIX века в России появляются и церковно-приходские школы, и количество их быстро растет. За первые 25 лет их существования (1884–1908 гг.) число их выросло до 42 тыс., что составило почти одну треть всех школ в стране (Гос. Дума. Третий созыв. Сессия первая. Часть III. Стен. отчет. – СПб., 1908, с. 714). В Сибири их рост выглядел таким образом: в 1881 г. их было 229, в 1896 г. – 2251 (Сибирская Советская Энциклопедия, М., 1929–1931. Т. 2, с. 647).

Растет в Сибири и число монастырей. К 1914 г. в Сибири их было 17. Растет и количество храмов: только за время царствования Николая II по 1913 г. в России было построено около 600 храмов – 249 каменных и 347 деревянных церквей. Немало из них было построено и в Сибири.

В связи с переселением в Сибирь крестьян из Европейской России в конце XIX и особенно в начале XX века (1907–1913 гг.)* получило широкое распространение дело церковного строительства в районах заселения. Помог этому делу особый фонд имени императора Александра III.

---

* По переписи 1897 г. православных в Сибири было 4941724 чел., или 85,5 процента всего населения, а к началу 1911 г. число их поднялось до 8222807 чел., или 87,8 процента всего населения.

Этот фонд возник в 1894 г. в связи с постройкой Сибирской железной дороги, когда и был предпринят сбор пожертвований на постройку церквей и школ сибирских переселенцев. На 1 января 1904 г. фонд в течение десятилетия возрос до 1873453 руб. На эти деньги в Сибири было построено свыше 200 храмов и школ. В 1910 г. на церковно-школьное строительство в Сибири было израсходовано около 400000 руб., в 1911 г. – 525000 руб., в 1912 г. – 1125000 руб., в 1913 г. – 1110000 руб.

На сколько значительны были результаты церковно-школьного строительства за Уралом, говорят следующие данные. За 1909–1910 гг. в Сибири было открыто 172 новых прихода, обеспечена постройка 95 церквей, 28 молитвенных и 81 причтовых дома. В 1911 г. открылось 152 новых прихода и обеспечена постройка 82 церквей и молитвенных домов, 39 причтовых домов и 46 церковно-приходских школ. В 1912 г. была обеспечена постройка 146 церквей и молитвенных домов, 170 причтовых домов, 45 церковно-приходских школ, открыто 130 новых приходов, выслано в Сибирь 100 походных церквей и содержалось 27 разъездных причтов (Азиатская Россия. Т. 1. – СПб., 1914 г., с. 238–240).

Поскольку Великая Сибирская железная дорога пересекла войсковые земли Сибирского казачьего войска, ряд церквей и церковно-приходских школ возникли и здесь, и на 1 января 1916 г. в станицах и поселках войска насчитывалось 52 церкви.

В начале XX века каждый год в Сибири открывалось в среднем по 95 церковно-приходских школ. По данным переписи 1911 г. число начальных школ в Сибири достигло 5197.

В России второй половины XIX в. – начала XX в. существовало несколько типов церковно-приходских школ: двухклассные, одноклассные, школы грамоты и воскресные школы. В них, согласно программам, утвержденным Святейшим Синодом в 1886 г., преподавались Закон Божий*, церковное пение, церковнославянское чтение, русский язык, счисление и чистописание.

В программах начальных приходских школ из 27 недельных часов 15 отводились на молитвы, Ветхий и Новый Завет, историю церкви, церковнославянский язык и пение. В одноклассных с трехгодичным курсом обучения уроки духовного пения полагались четыре раза в неделю и два получасовых занятия.

Почти во всех приходских школах имелись хоры, которые под руководством своих педагогов, как правило, участвовали в богослужениях.

В церковно-приходских школах проводились и народно-просветительские чтения для взрослых. Начинались они традиционным пением молитвы «Царю Небесному», оканчивались молебном и Акафистом Пресвятой Богородице.

Церковно-приходские школы, возникающие в Сибири повсюду – в переселенческих районах, на приисках, промыслах и заводах, при воинских частях – становятся не только самым массовым институтом начального общего, но и музыкального образования.

Церковному пению придавалось исключительное значение, и местные архипастыри внимательно следили за обучением этому предмету, методике его преподавания, принимали необходимые меры к подготовке педагогических кадров, требования к которым были весьма высоки и непререкаемы, и которые являлись залогом успешного обучения музыке и пению. В Сибири к XX веку имелись три учительских и шесть духовных семинарий, 10 гимназий. Их главное назначение заключалось в подготовке учительских кадров. В семинариях хоровым занятиям отводилось по пять часов в неделю, урокам пения – пять, в духовных училищах – четырнадцать.

Почти во всех духовных и светских учебных заведениях работали их выпускники. Напомним, что из 72 студентов первого набора Томского университета 42 человека окончили духовные семинарии (Музыкальная культура Сибири. – Новосибирск, 1997. Т. 2, с. 434, 439–440).

Как видим, петь учили. Учили прежде всего в церкви, учили петь дома, учили петь старики, учили петь в церковно-приходских школах, где пение и игра на музыкальных инструментах были обязательным предметом.

---

* Закон Божий, как правило, преподавали местные священники. Так в 1-м военном отделе Сибирского казачьего войска в станице Акмолинской священник Андрей Лопарев преподавал Закон Божий в женской школе, в станице Атбассарской священник Рафаил Арсеньев – в женской школе, в станице Зерендинской священник Самсон Беллюсов – в мужской и женской гимназиях и т.д.

Духовное музыкальное образование было самым распространенным в Сибири, и учителя, и учащиеся духовных учебных заведений находились в рядах ведущих сил, двигавших поступательное музыкальное развитие сибиряков, в том числе и казаков.

Церковь давала музыкальное образование духовенству, а участие в церковном пении способствовало музыкальному развитию мирян.

Закон Божий, церковнославянское чтение, письмо, арифметика, а также церковное пение (для детей христиан) были обязательными предметами и в начальных школах Сибирского казачьего войска (программа 1885–1886 гг.).

Предметами преподавания по программам 1878 г., 1888–1889 гг. были назначены Закон Божий, церковнославянская грамота, русский язык, чистописание, арифметика и пение. В школах дети должны были заниматься: мальчики – гимнастикой, девочки – рукоделием, учащиеся приучались петь Народный гимн – «Боже, Царя храни» и некоторые детские, народные и военные песни.

Пению в школе вообще, а в начальной в особенности, программой придавалось весьма важное значение. Церковное пение возвышало религиозно-нравственные качества учащихся, а если к тому же они пели и в церкви, то и теснее сближались с нею, что и было одною из главных целей в воспитании детей.

Пение же народных и военных песен патриотического и бытового характера, кроме развития эстетического чувства, пробуждало любовь к Родине.

В Сибирском казачьем войске начальное образование находилось в ведении войсковой администрации. Почти во всех казачьих станицах и поселках войском содержались станичные и поселковые школы. Способствуя дальнейшему развитию народного образования, войсковое начальство намечало открытие школ в тех немногих поселках, где их до того времени не имелось, а также снабжение существовавших школ учебными пособиями и устройство при них школьных библиотек; сверх того, принимались меры по улучшению материального положения учителей и учительниц, им увеличивались оклады содержания.

Кроме станичных и поселковых школ, дети казаков получали начальное образование в народных училищах ведомства министерства народного просвещения и в церковно-приходских школах. Большую поддержку школам осуществляли причты православных церквей, каждый из которых наделялся пахотной землей по норме 99 десятин (108,16 га), а при образовании новых станиц предусматривалось отведение 300 десятин (327 га) удобной земли на каждую имеющуюся в станице церковь (приказ по в.в. 1903 г. № 73).

Во всех казачьих школьных училищах курс преподавания был приноровлен к курсу начальных училищ министерства народного просвещения.

Кроме того, дети обучались пению молитв, патриотических и казачьих песен; во многих храмах войска имелись певческие хоры из учащихся местных школ.

Число обучавшихся в конце XIX – начале XX веков и далее росло из года в год, как из года в год росло и число школ. В 1891 г. было учащихся 4557 в 157 учебных заведениях (приходские училища, школы, приюты), в 1904 г. – 7405, в 1906 г. – 9375.

По сложившейся практике тех лет, войсковые наказные атаманы Сибирского казачьего войска, одновременно являвшиеся генерал-губернаторами Западной Сибири (с 1882 по 1917 гг. – Степного края) и командующими войсками Омского (Сибирского) военного округа (Свод Законов Российской империи. – СПб., 1913, с. 1382. Раздел пятый, ст. 328), совершали ежегодные инспекционные поездки в войска округа, отделы и станицы Сибирского казачьего войска. В числе вопросов, внимательно изучавшихся во время поездок, были такие: «1. Мобилизационная готовность. 2. Устройство церквей, молитвенных домов, кладбищ. 3. Школы. Инспектора. ... 15. Быт казаков, препровождение времени, песни, музыкальные инструменты, танцы» (ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 51. С. 2–3).

Хорошо понимая роль и значение храмов и церковно-приходских школ в воспитании русского воинства, войсковые атаманы особое внимание обращали на их состояние, оказывали всестороннюю поддержку укреплению и развитию православной культуры.

Командующий войсками Омского военного округа генерал, войсковой наказный атаман Н.А. Сухомлинов (41) в приказе войскам от 7 августа 1915 г. № 231 подчеркивает: «При поездке

<...> посетил ряд станиц и поселков. Во всех этих станичных поселениях: Урлюпинское, Павлодарское, Семиярское, Семипалатинское и поселок Черноярский станицы Павлодарской – имеются храмы Божьи; содержатся они в чистоте и порядке...

Храм Божий, как место душевного отдыха христианина от житейских забот и мирской суеты, должен быть настолько благолепно обставлен, чтобы самая обстановка его и торжественность христианского богослужения располагали молящихся к благоговейно-молитвенному сосредоточению для восприятия слов Евангельской Истины. Для этого необходимо приложить все старания и заботы, чтобы храм возможно лучше украсить внутри и содержать его в полном порядке снаружи, обсадив садиком; иметь из прихожан хороший хор певчих, ибо ничто так не умиляет человеческой души и сердца, как стройное молитвенное песнопение; воспитывать детей в духе уважения к своей Вере...».

В середине XIX века все большую роль в экономическом, военном и культурном отношении в Западной Сибири приобретает г. Омск. Он являлся центром Западно-Сибирского, а с 1882 г. – Степного генерал-губернаторства. Здесь, в Омске, до 1865 г. находился штаб Отдельного Сибирского корпуса, а с образованием Западно-Сибирского военного округа (с 1882 г. – Омского, с 1899 по 1906 г. – Сибирского, а затем снова по 1917 г. – Омского). Пределы Сибирского военного округа распространялись на Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую и Якутскую области. В распоряжении округа имелись значительные вооруженные силы, размещавшиеся на громадной территории и защищавшие ее. В Омске находился 2-й отдел Сибирского казачьего войска и казачий отдел штаба военного округа.

Омск, будучи крупнейшим экономическим и военным центром Сибири, одновременно являлся центром культурной жизни. Город был заселен в большинстве своем военными, казаками, большим количеством чиновников – представителями военной и гражданской администрации, а также ссыльными, в значительном числе политическими. По традиции того времени представители этих социальных групп получали хорошее образование, в том числе и музыкальное. Омск, военно-административный центр Западной Сибири, становится и центром культурной, и общественной жизни.

Развитию культуры в Сибири способствовали и различные формы меценатства – прямое материальное поощрение, привнесение деловой и творческой инициативы, забота о личном благополучии талантливых деятелей культуры и т.п. Огромный вклад в развитие культуры Сибири внесли командующие войсками Сибирского военного округа, как уже было отмечено, одновременно являвшиеся генерал-губернаторами края и войсковыми наказными атаманами Сибирского казачьего войска. Особую заботу о развитии сибирской науки и культуры проявили А. П. Хрущов (**45**) (основал в 1868 г. в Омске первое научное краеведческое общество), Н. Г. Казнаков (**14**), основавший Западно-Сибирский отдел императорского русского музыкального общества (в его организации деятельное участие принял А. М. Редров – капельмейстер оркестра Сибирского казачьего войска) (Музыкальная культура Сибири. Т. 2. – Новосибирск, 1997. С. 73), Томский государственный университет (1880 г.) – первое высшее учебное заведение в Сибири, и другие.

Для подготовки офицеров в Омске в 1813 г. создается войсковое училище (Омский кадетский корпус), основателем которого стал первый командир Отдельного Сибирского корпуса, войсковой атаман Сибирского казачьего войска, генерал-губернатор Западной Сибири Григорий Иванович Глазенап. Омский кадетский корпус сыграл исключительно важную роль и оставил неизгладимый след в развитии военной музыки и культуры Сибири. При обучении кадет руководствовались типовыми программами военно-учебных заведений. В числе изучаемых предметов был Закон Божий (для лиц православного вероисповедания) и учение Магомета (для мусульман); русский, татарский (исключительно для воспитанников из казачьего сословия), французский и немецкий языки; математика и геодезия; основы артиллерии с практическими занятиями; полевая фортификация; начальная тактика; военное судопроизводство и правила деловой переписки; чистописание, рисование и черчение. Помимо этого, кадеты занимались гимнастикой, плаванием, танцами, пением, фехтованием и верховой ездой. Кадеты имели возможность читать «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы», знакомиться с русской и зарубежной классической литературой. Корпус был, по сути, единственным учебным заведением подобного рода на территории края. За ним уже вскоре заслуженно утвердилась слава лучшего учебного заведения Сибири. Уже в 1830-х образовательный уровень офицеров-сибирцев был выше, чем у их сослужив-

цев по Киргизской степи. Тогда же Сибирское войско стало выделяться образованностью и урядников, и рядовых казаков.

Главными отличительными чертами российских кадет всегда были патриотизм, верность воинскому долгу, честь, порядочность, бескорыстие, скромность, любовь к порядку, широкая образованность, глубокие профессиональные знания. Длительное совместное пребывание в стенах кадетского корпуса, общий уклад жизни в значительной степени способствовали воспитанию кадет в духе товарищества и взаимной выручки. Кадетские корпуса создавали военную касту, проникнутую лучшими историческими традициями, формировали тот слой общества, который способствовал приумножению славы России.

Омский корпус дал России целую плеяду выдающихся общественных, военных деятелей, ученых, публицистов, сделал немало для музыкального образования сибиряков.

Постановка пения, как занятия образовательного и обязательного для всех кадет в течение всех семи лет, а также введение обучения музыке относится к 60-м годам XIX века. (Военный сборник, 1899, № 2, с. 371–372). В младших классах вместе с элементарными практическими упражнениями кадетам сообщались и начальные теоретические сведения. Это общее пение служило серьезным дополнением к общеобразовательному кругу знаний. Кадеты, способные к музыке, по собственному желанию могли обучаться игре на музыкальных оркестровых инструментах. Корпус имел свои оркестры – духовой и струнный, что давало возможность при участии хора певчих устраивать домашние музыкальные вечера. Публичные же концерты, а тем более с платою за вход, по воспитательным соображениям не допускались (Военный сборник, 1899, № 12, с. 383).

В 1828–1831 гг. в Тобольске отбывал ссылку известный русский композитор А. А. Алябьев (2). Годы, проведенные в Сибири, для него не прошли даром. Он много занимался музыкой: организовал оркестр казачьей военной музыки (впоследствии войсковой казачий оркестр, который вместе с корпусным штабом в 1839 г. был переведен в Омск), преподавал фортепианную музыку и в особенности много сочинял – романсы, оркестровые камерные произведения. П. А. Словцов (7), видный историк Сибири, с благоговением относившийся к музыке, называл композитора А.А. Алябьева «тобольским Россини».

Подготовка же музыкантов для оркестра и для полков Сибирского линейного казачьего войска осуществлялась музыкальной школой Святковского, расположенной в Тобольске. Военным ведомством была отпущена денежная сумма на приобретение музыкальных труб для полков и учебно-артиллерийской бригады Сибирского линейного казачьего войска (1851 г.). (Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 43. – СПб., 1873. Отд. 1-е, с. 821). Штат музыкантского хора Сибирского казачьего войска определялся приказом по в.в. 1885 г. № 169.

Во второй половине XIX века музыкальная жизнь Омска заметно активизировалась благодаря Л.С. Буланже*, К. Волицкому**, А. Редрову, И.Ф. Гровесу***, А.С. Головесову**** и другим, оказавшим большое воздействие на развитие военной музыки Сибири.

---

* Буланже Лев (Леон) Степанович (Станиславович) (1836 – после 1904) – выдающийся общественный деятель музыкальной культуры Омска второй половины XIX в., талантливый виолончелист-любитель, ярко проявивший себя в области музыкального просветительства. В 1865 г. определен преподавателем французского языка в Сибирский кадетский корпус и прибыл в Омск. По его инициативе и при личном участии, как разностороннего музыканта, устраиваются домашние музыкальные вечера, публичные концерты любителей искусства и приезжих гастролеров. Сплотил вокруг себя все музыкальные силы города и создал первую в регионе музыкально-общественную организацию – Омское общество любителей музыки, в которое принимались все желающие, поддерживающие идеи музыкального просветительства. В рамках ООЛМ развернул широкую культурную деятельность: организовал инструментальные ансамбли, смешанный и однородные по составу хоры, привлек к участию в работе общества симфонический оркестр Сибирского казачьего войска. Деятельность общества включила в себя и проведение музыкальных собраний (14–16 в год), на которых звучала симфоническая, хоровая, камерная музыка. Общество устраивало благотворительные концерты в пользу учебных заведений города, музыкантов войскового казачьего оркестра.

При преобразовании ООЛМ в Омское отделение Императорского Русского музыкального общества (6 марта 1876) избран его председателем. Продуктивно работал и в новой должности: приглашал интересных исполнителей, составлял содержательные в художественно-эстетическом отношении программы концертов, сам переписывал оркестровые и хоровые партии. По его предложению при отделении образована нотная библиотека, открыты в 1888 г. первые в городе общегражданские музыкальные классы, явившиеся прообразом детских музыкальных школ XX столетия. Избирался кандидатом в гласные Городской думы. В 1904 г. награжден знаком отличия за 40 лет беспорочной службы.

Создание общества любителей музыки (1870 г.) и Омского отделения Императорского Русского музыкального общества (1876 г.) сделали жизнь кадет Омского кадетского корпуса более оживленной, а их интересы более разнообразными. В стенах корпуса появляются любители игры на фортепиано, скрипке, флейте, имевшие предварительную домашнюю подготовку. Из питомцев корпуса создаются любительские духовые оркестры, а в начале XIX века и струнные оркестры русских народных инструментов. Ими устраиваются публичные концерты, квартетные вечера, создаются хоры и оркестры.

«Военный сборник» имел все основания утверждать: «Благодетельные результаты обучения пению и музыке сказываются и по выходу кадет на службу. Музыка дополняет досуг офицера; в полках устраиваются музыкальные кружки, иногда целые оркестры любителей».

«Сибирский кадетский корпус, будучи оплотом русской гражданственности и колыбелью верных и преданных Царю и Отечеству ратных людей и общественных деятелей, с именами которых связано завоевание и гражданское устройство обширного Степного края и расширение наших границ в районах Туркестана и Приамурья, служил рассадником просвещения далекой окраины нашего Отечества во все дни своего существования» (Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. – М., 1915).

В течение 1888 г. командующий войсками Омского военного округа генерал, войсковой наказный атаман Г. А. Колпаковский (17) осмотрел ряд воинских частей округа, в том числе и летний лагерь Томского резервного батальона. «Лагерные бараки Томского резервного батальона и все хозяйственные к ним постройки, как то: кухни, пекарни, столовые и т.д. – устроены прекрасно; окружены богато растительностью. При лагере разведен великолепный сад, в котором поме-

---

** Волицкий Константин (1805–1863) – пианист, дирижер, композитор и педагог. Закончил Парижскую консерваторию. Бывший офицер польской армии, участник освободительного движения 1830-х годов. Сослан в Сибирь в 1834 г. Жил в Тобольске (1834–1839) и Омске (1839–1840). Руководил и дирижировал симфоническим оркестром «казацкой музыки» Сибирского линейного казачьего войска (СЛКВ), художественным руководителем которого до этого был выдающийся русский композитор А.А. Алябьев (1828–1832), «доведший омский оркестр до высокой степени совершенства». Оказался достойным преемником Алябьева, способствовал дальнейшему профессиональному росту и исполнительскому мастерству оркестра, усовершенствованию его инструментария. Организатор местной музыкально-концертной жизни. Давал уроки игры на фортепиано детям состоятельных горожан и военных.

В Тобольске был близок с автором «Конька-Горбунка» П.П. Ершовым. В мае 1839 г. вместе со штабом Особого Сибирского корпуса, как капельмейстер войскового казачьего оркестра, перемещен в Омск. Здесь одновременно стал работать с духовым оркестром конной казацкой артиллерии, создавал и дирижировал сводными военными оркестрами. В 1840 г. амнистирован и вернулся в Польшу. Музыканты казачьего оркестра, горячо любившие своего дирижера, устроили ему теплые проводы. Память о нем сохранялась в омском обществе многие годы.

*** Гровес Иван Фомич (Вильгельм Франц) (ок. 1852 – ок. 1924) – скрипач, педагог, концертный исполнитель и дирижер. Учился в Санкт-Петербургской консерватории, образование завершил в Брюссельской консерватории. В 1880–1882 – капельмейстер оркестра Нижне-Тагильских заводов. Приняв приглашение занять должность капельмейстера войскового оркестра СКВ, переехал в Омск. Активно работая над исполнительским мастерством казачьих музыкантов, повышает художественный уровень оркестра, расширяет его репертуар. Проявил себя как опытный в профессиональном отношении дирижер. Оркестр под его руководством стал обращать на себя внимание «замечательной стройностью и уверенною смелостью исполнения». К лету 1890 г. этот коллектив имел в репертуаре 500 номеров и был приглашен в Казань, где с большим успехом выступает на Научно-промышленной выставке. Выступление его стало своеобразным признанием высокого уровня его художественного мастерства. И в последующие годы он никогда не терял своего реноме (Музыкальная культура Сибири. – Новосибирск, 1997. Т. 2, с. 124).

В 1891 г. во время следования наследника цесаревича, будущего императора Николая II, от г. Томска до г. Омска, его сопровождали высланные навстречу девять урядников и войсковой музыкантский хор, игравший для наследника и его свиты. Хор подтвердил свою славу лучшего оркестра за Уралом.

И.Ф. Гровес работал с оркестром до 1893 г.

Был первым педагогом скрипичной игры в музыкальных классах Омского отделения ИРМО, открытых 17 декабря 1888 г. Сотрудничал в них вплоть до 1919 г., отдав педагогической деятельности более 30 лет жизни. Активно выступал в концертах как скрипач-солист, знакомя омицей с лучшими образцами русской и зарубежной классики.

**** Головесов Александр Степанович, обучал гимназистов (кадетов) пению, преподававшемуся во всех классах, развивал по двум направлениям – церковному и светскому. Добившись успехов в освоении питомцами основ вокально-хоровой техники, организовал в гимназии два хора, дирижировал ими. По свидетельству современника, великолепный «церковный хор шеголял как своими напевами, так и чудными голосами». Светский хор имел в своем репертуаре гимны многих стран, русские и украинские народные песни, сочинения А.А. Алябьева и многое другое. Оба коллектива были заметным явлением музыкального быта Омска.

щается сам губернский воинский начальник, батальонный командир и все офицеры, в саду же помещается офицерская столовая и офицерское собрание. Лагерь снабжен обильно водою, проведенною посредством водоподъема на высоту 22 сажен; тем же порядком проведена свежая чистая вода во все роты, кухни, в баню и устроенные души, а в саду на значительную высоту бьют фонтаны. Прекрасно устроена лагерная полотняная церковь, в которой производится Богослужение священником, командированным епархиальным начальством. Во время Богослужения все воинские чины батальона поют следующие молитвы: Символ Веры, Молитву Господню и молитвы за Царя, пример, достойный подражания для всех остальных частей округа», – отмечается им в приказе 31 октября 1888 г. № 147 (ГАТО. Ф. 502. Д. 134. С. 135^{об}–136).

Благотворное действие на войска, оказываемое пением молитв, исполняемых хором, то есть целыми частями войск, отмечал «Военный сборник» еще в 1865 г. (№ 10, с. 421).

Важная роль в патриотическом воспитании отводилась церковным и военным парадам, осененным священными стягами, озвученным музыкой и хорами.

Под звуки военных оркестров и пение молитв праздновались «царские» и победные дни, принималась присяга, проходили ритуал прибивки и освящения знамен и штандартов, награждение георгиевских кавалеров, проводы солдат России в последний путь...

Церковь и армия, напрягая все силы, сознательно и напряженно работали над воспитанием патриотических и художественных чувств самой широкой аудитории – и военной, и гражданской, серьезно занимались ее образованием и просвещением.

За долгие века казачество обрело зрелую, самобытную культуру, свидетельствующую о его собственном и весьма значительном вкладе в культуру отечественную и мировую. Именно казачья культура есть то основание, на котором укрепится будущее казачество, и ее возрождение немыслимо без прочного казачьего образования, знания истории и традиций, семейного воспитания, государственной и общественной поддержки, без опоры на Русскую Православную Церковь.

В стихотворении «Внукам» (Ницца, 1933 г.) казачий поэт Сергей Бехтерев писал:

Пусть льется смрадная река,
Грозя культуре потопленьем,
Я говорю через века
С грядущим новым поколеньем.

Оно полюбит древний быт
Своей страдальческой России
И снова Храмы воскресит
Для православной литургии.

Сегодня, после всех драм советской эпохи, когда выросло почти два поколения, не знавших Бога и Его святую церковь, приобщение к духовным ценностям Церкви, упрочение связей с нею, воспитание любви к ближним, к семье, к труду, к родной земле и могилам предков, почитания родителей, стариков, уважение обычаев казачества и сопредельных народов сформирует Христоролюбивого, человеколюбивого воина, не только прекрасно владеющего оружием, но и умеющего хранить свою честь и уважать достоинство других людей. Многовековая служба казачества России подтверждает: чем крепче христианская Вера, тем лучше сражаются войска. Самые элитные части (а к ним всегда относилось и казачество) – обычно самые религиозные, поэтому внедрение Веры в войсках – вопрос несокрушимости и победоносности Вооруженных Сил, вопрос безопасности государства.

КАЗАК БЕЗ ПЕСНИ - НЕ КАЗАК!

Казак без песни – не казак!

(Казачья поговорка)

Длительное время многокрасочный мир народного казачьего творчества оставался для большинства наших современников и для нас самих неизвестным. Но и сейчас, когда многое из нашего исторического прошлого открылось по-новому, стало доступным для изучения, мы получаем лишь приближающееся к истине представление о казачестве. Познание исторического и культурного наследия его осложняется тем, что по ряду волнующих нас проблем слишком много не только белых пятен, но и нетронутой «целины».

Проблемы культуры, бережного отношения к национальному наследию, восстановления и передачи исторической памяти о казачестве требуют к себе самого пристального внимания. Пришло время вернуть в современную культурную жизнь и народную казачью песню, собирание и сохранение которой является делом государственной важности, а не просто предметом любознательности отдельных лиц. Нельзя допустить, чтобы старинная казачья песня оказалась обреченной на умирание и забвение.

Многие столетия верой и правдой служили Отечеству казаки.

Становление казачьей культуры, складывание обычаев, обрядов, появление праздников, рождение песен определялось в первую очередь Православием и военным образом жизни казаков. С шашкой да святыми хоругвями из поколения в поколение по наследству передавалась и неповторимая Душа их – Вера, язык, праздники, обряды, танцы, передавалась и казачья песня. В казачьих песнях, отмечал Н. А. Добролюбов, русский критик, публицист, поэт, «... горит любовь к Родине, блещет слава прошедших подвигов; в них дышит и чистое, нежное чувство женской любви, особенно любви материнской, в них же выражается и та тревожная оглядка на жизнь, которая заставляет казака, свободного от битвы, «искать свою долю». Весь круг жизненных насущных интересов охватывается в песне, сливается с нею, и без нее сама жизнь делается невозможной».

Песни сопровождали казаков с детства до старости: с песней рождались, с песней шли воевать, с песней уходили в могилу. Песнями мерили расстояния, по песням учились военной науке. Песня была боевым спутником казака на действительной службе, в среднеазиатских походах, на Русско-японской и Первой мировой войнах. Песни казаки пели на сборах, в конном и пешем строю, дома, во время праздничных застолий.

Характерной особенностью казачьей песни является отсутствие в ней «тоски, близкой к отчаянию», она всегда была веселой и свободной в мелодиях и ритмах своих, как всегда был свободен и весел ее сочинитель – казак. Есть, конечно, песни и с грустными напевами (тоска по дому, молодой жене, родителям, далекой родине, горечь утраты о погибших товарищах), но это не грусть, а «дума-раздумье»...

Верной была поговорка: «Казак без песни – не казак!».

«Историческая жизнь первых казаков-общественников, их близкое участие в интересах общественной жизни своего времени, сухопутные и морские набегу рука об руку для «добычи зипунов», затем долгие многомесячные походы в «чужедальние сторонушки» от киргизских степей до Парижа и от персидских и турецких земель чуть ли не до берегов Ледовитого океана, наконец, даже теперешняя военная служба, лагерные сборы и частые домашние смотры – все это, способствуя братски-товарищескому сближению «односумов», «однокашников», вызывало и вызывает все-

гда потребность в песне как лучшем средстве, заставляющем забывать трудности боевой жизни, утомительность тяжелых переходов, разгоняющем их скуку и однообразие», – писал в начале XX века известный музыкант-фольклорист А. М. Листопадов **(23)**.

Именно своеобразный быт и служба казаков формировали и сформировали и своеобразную песенную, и певческую культуру русского воинства, которая принесла подлинные шедевры в народно-песенный жанр.

С пением молитв, с боевой песней и русскими народными музыкальными инструментами пришли в Сибирь и богатыри Ермака. «Чтобы поднять настроение казаков, Ермак взял с собою разные музыкальные инструменты: барабаны, литавры и трубы» (*Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.–Л., 1937. Т. 1, с. 127*). Этот факт подтверждает известный историк А. Нечволодов: «В сентябре 1581 года отважные русские герои ... при звуках военных труб и сопелей, отправились вверх по Чусовой» (*Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. – СПб, 1913. Ч. IV, с. 24*). Слово Божие в славной дружине Ермака несло духовенство – три священника и монах.

В последней четверти XIX века российская общественность проявляет огромный интерес к истории, этнографии, фольклору казачества, крепнет понимание того, что народ оставил потомкам богатейшее культурное и художественное наследие и необходимо бережное сохранение его. Выдающийся военный историк генерал В.А. Потто в 1875 г. писал: «... Развивая казака физически, давая широкий простор проявлению в нем бесстрашия и удали, никогда не упускайте из виду его духовную сторону, не забывайте песни, которая для казаков имеет более глубокое и серьезное значение, чем в регулярных войсках, потому что казачьи песни – это былина доброго, старого времени, о котором каждый казак вспоминает с благоговением. В этих былинах, как в зеркале, отражается тревожный, полный опасности быт порубежного казачества со всеми его богатырскими подвигами и дорогими именами: Ермака Тимофеевича, Палея, Дорошенки, Сагайдачного, Наливайки и многих других полковников и атаманов казачьих; позднее появляются песни об Азовском сидении, о страшной, почти вековой Кавказской войне, о знаменитом Иканском бое, бывшем далеко, далеко, на самой окраине обширной Российской Империи, и вслед за ними являются опять на смену имена: Краснощекова, Платова, Бакланова, Слепцова и некоторых других, современным нам представителей богатырского казачьего эпоса, увековеченных заживо народными легендами. Сохранить эти песни – значит сохранить казакам историю их собственной жизни для назидания и пользы позднейшего потомства, а кто-то справедливо сказал, что «великая будущность ожидает народ, который не разрывает связи со своим прошедшим» (*Потто В.А. Современное образование и воспитание войск // Военный сборник, 1875, № 11, с. 61*).

В Сибири же этот интерес проявился на фоне празднования в 1882 г. 300-летия Сибирского казачьего войска.

При Императорском Русском Географическом обществе (ИРГО) была в 1886 г. создана специальная песенная комиссия, признававшая всю важность организации дела собирания и издания песенного материала в казачьих войсках в интересах сохранения художественных памятников народной старины. Во всех казачьих войсках были организованы при статистических комитетах особые отделы для собирания и издания песенного материала.

В начале XX века по почину Военного Министерства было начато составление истории казачьих войск, каждого в отдельности.

Выпускают сборники своих песенных материалов казаки кубанские, донские, терские, астраханские, забайкальские.

Благодаря просвещенному вниманию наказного атамана Оренбургского казачьего войска Н.А. Сухомлинова (в 1915–1917 гг. – командующего войсками Омского военного округа, генерал-губернатора Степного края и войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска), Ф.Н. Баранов собрал в войске и переложил на ноты около 350 песен, которые затем вошли в три выпуска «Песен Оренбургских казаков с напевами», и эти песни, как и собранные и опубликованные песни других казачьих войск, «по содержанию и напевам составили дорогой вклад в русскую народную поэзию».

Сбор песен Сибирского казачьего войска и издание их в печати стало возможным благодаря поддержке Военного министра генерала А. П. Куропаткина **(21)**.

Тексты песен собирались через станичных атаманов, учителей казачьих школ, священников, затем в станицы командировывались офицеры, знающие пение, которые и переключивали песни на ноты.

Среди казаков, собиравших исторические сказания и старинные песни Сибирского казачьего войска, слова благодарности заслуживают полковник Н.Г. Путинцев, занимавшийся историей войска, подъесаул Е.П. Березовский, есаулы Г.И. Иванов, М.Ф. Ляпин, И.В. Бородихин, В. Плотников, А.В. Буров и другие. Немалый вклад в переложение песен на ноты внесли Я.Ф. Бурков, есаул Коростелев. Концентрация собранного песенного материала по указанию Войскового хозяйственного правления производилась есаулом В.Ф. Бедриным.

Войсковой наказной атаман Сибирского казачьего войска Е.О. Шмит (46) 21 апреля 1908 г. докладывал начальнику Главного Управления казачьих войск Е.Г. Гарфу: «...Со времени моего письма к Вашему Превосходительству от 29 октября 1907 года за № 12655 собрание сказаний и песен продвинулось вперед... В настоящее время предписал состоящему при мне исполняющему должность штаб-офицера для особых поручений есаулу Бедрину заняться собиранием и разработкой поступающих материалов по означенному делу».

К 4 октября 1908 г. собранный материал составил 43 песни, к 6 октября 1911 г. – около 140. Окончательная обработка их была поручена есаулу Г.И. Иванову. Все собранные песни решено было издавать постепенно отдельными выпусками.

Есаул В.Ф. Бедрин 27 января 1911 г. в своем рапорте на имя войскового наказного атамана докладывал: «Порученная мне работа 21 апреля 1908 года № 6271... после трех лет упорного труда и забот в настоящее время мною закончена».

Военный Совет Омского военного округа на издание первого (из намеченных трех) выпуска песен Сибирского казачьего войска ассигновал из общего войскового капитала 600 рублей сверх сметы. Сборник к изданию был полностью готов к 15 мая 1915 г. и вышел в свет в 1916 г. в Петрограде тиражом в 500 (по другим сведениям 1000) экземпляров. В него вошли преимущественно песни военные, военно-исторические и военно-бытовые, и располагались они в хронологическом порядке. Все песни были собраны без мотивов, но впоследствии ноты были записаны чиновником Войскового хозяйственного правления Я.Ф. Бурковым и есаулом Г. И. Ивановым в том виде, в каком пелись они в полках первоочередных и в полках, находившихся на льготе. При этом главной заботой было сохранение мотивов песен, вследствие чего в сборнике были допущены некоторые отступления от правил общей музыки.

В конце сборника был помещен портрет императора Николая II и такие стихи:

СОЛДАТСКИЙ ПРИВѢТЬ

Русскаго солдата
Знает цѣлый свѣтъ!
Грянемте жъ, ребята,
Солнышку привѣтъ!
Царь Самодержавный,
Бѣлый Русскій Царь,
Между всеми главный
Первый Государь!
Молви только слово,
Взглядомъ поведи,
Мы на смерть готовы,
Хоть сейчасъ веди!
И какъ встарь, такъ снова:
За Тебя, Родного,
С вѣрностью въ груди
Будемъ впереди!..

Часть тиража была послана в дар в другие казачьи войска, в ГУКВ (Главное Управление казачьих войск), бывшему Военному министру генералу А.Н. Куропаткину, всем почетным казакам

и старикам Сибирского казачьего войска, бывшему председателю Войскового хозяйственного правления генерал-лейтенанту Г.Е. Катанаеву, в Сибирский кадетский корпус, станичные правления, школы и др.

Сложилось так, что сборник «Песни Сибирских казаков» ушел из практики музыкальной жизни, едва родившись... Не сумели мы сохранить бесценные свидетельства о жизни казаков России, оставленные нам прошлыми поколениями. Эти сведения во многом оказались безжалостно уничтоженными в огне революции, Гражданской войны, как классово враждебные и носящие антисоветский характер – в последующие годы. Часть из них сохранилась, оказавшись разбросанной по архивным фондам, сборникам документов, научным исследованиям, литературным произведениям, мемуарам, справочникам и т.д. Цельного труда по истории Сибирского казачьего войска, дающего полное представление о его роли и значении в российской жизни, еще не создано. Неизвестна и судьба собранного, но до сих пор не изданного песенного материала. Частично нотный материал и тексты хранятся в ГАОО (Государственном архиве Омской области), часть его, вероятно, погибла.

Любопытные сведения изложены в книге «Сибирский Казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского казачьего войска. 6.XII.1582 г. – 19.XII.1933 г.» (Харбин, 1934, с. 172): «Войсковой поезд во время эвакуации из Омска застрял на станции Тайга Сибирской железной дороги, и все находившееся в этом поезде войсковое имущество, **войсковой архив** (выделено мною. – Ю.Ф.) и все члены Войсковой Управы попали в руки красных.

Походная канцелярия войскового Правительства со всеми делами погибла во время эвакуации из Владивостока в 1922 г.

Вместе с войсковым архивом, делами Войсковой Управы и войсковой типографией погибла печатавшаяся история Сибирского войска, составленная войсковым историком Г.Е. Катанаевым.

Такое положение крайне затрудняет работу по описанию Великой войны, смуты и белой борьбы»...

Можно, вместе с тем, предположить, что часть войскового архива могла сохраниться и еще ждет своих исследователей... Предстоит еще немало сделать для того, чтобы не исчез с лица земли подлинный казачий фольклор, живой, не искаженный последующими обработками, фольклор, являющийся частью русской и, следовательно, мировой культуры.

Уцелели лишь несколько экземпляров сборника «Песни Сибирских казаков» – в РГБ (Российской государственной библиотеке, г. Москва), в РНБ (Российской национальной библиотеке, г. Санкт-Петербург), в Омской государственной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова...

Эта публикация казачьих сибирских песен оказалась делом совсем не простым. Сборник, как видим, давно стал библиографической редкостью и длительное время был недоступен не только широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Сибири, но даже специалистам, изучающим народные певческие традиции. Поэтому и поиск сборника длился многие годы, и в ходе этого поиска и последующего изучения «Песен...» – этого уникального труда, одного из значительных памятников сибирского казачьего фольклора – у автора этих строк и его окружения – новосибирских казаков – все более крепло стремление приоткрыть через казачьи песни завесу над незаслуженно забытым славным прошлым защитников земли русской, все более становилась ясной необходимость переиздания сборника. Знакомство с этим сборником дает основание говорить о нем, как о своеобразном и ценном источнике по истории и культуре сибирского казачества, понять роль духовной культуры в жизни, быте и службе казаков.

Решено было включить в сборник и марши Сибирских казачьих полков, создание которых тоже имеет свою историю.

К середине XIX века русская военная музыка располагала достаточным репертуаром маршей, но официального правила закрепления за частями определенных произведений не существовало. Складывалась парадоксальная ситуация: многие старейшие полки, в том числе и гвардейские части использовали марши соседних с ними по местам квартирования частей или вообще любые марши, которые только могли достать. Имелись случаи, когда у одного полка оказывалось сразу несколько своих маршей, в то время как у других – не менее известных частей, существовавших по сто и более лет, – никогда не имелось своего произведения.

Такие трудности в репертуарной практике привели к тому, что в 1857 г. приказом Военного министра было установлено: «В каждой части, в строю для встречи начальника и отдания чести играть всегда один и тот же марш». Указывалось также и на то, что в частях одной и той же дивизии не должно быть двух одинаковых маршей.

Тем не менее, даже к началу XX века названные недостатки в военной музыке не были устранены.

Генерал-майор О.Р. фон Фрейман (43) в 1910 г. направил военному министру докладную записку «Об упорядочении нашей военной музыки» (РИИИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 10. С. 1⁶⁶), и в том же году была создана комиссия под председательством заведующего придворным оркестром К.К. Штакельберга (48), задачей которой была выработка мер по ее улучшению.

Среди мер, предлагаемых комиссией, важное место отводилось вопросам упорядочения и маршевой музыки.

Меры, обозначенные О.Р. Фрейманом и комиссией К.К. Штакельберга, затронули и Сибирский военный округ (в то время ОмВО). Полки, входившие в состав 11-й Сибирской стрелковой дивизии, дислоцированные в округе, и первоочередные 1-й, 2-й и 3-й полки Сибирского казачьего войска также имели свои встречные марши. Еще ранее, в начале 60-х годов XIX века, как отмечал Г. Н. Потанин, один из казаков в составе казачьего оркестра, Михайлов, проявил композиторские способности и сочинил марш. Чтобы собрать Михайлову деньги на поездку в Петербург для получения музыкального образования, в Омске был устроен литературно-музыкальный вечер. «В программе вечера стоял марш, сочиненный Михайловым, а в литературной части – речь Н. М. Ядринцева (50) о необходимости открытия университета. Героям вечера были сделаны овации» (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. – Новосибирск, 1983. С. 176).

В начале XX века в мирное время казачьи войска России насчитывали 51 полк, и все они имели медные оркестры. Число же учеников военно-музыкальной школы в Омском военном округе достигало 50 человек (РИИИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. С. 8, 18, 94⁶⁶). Перед войной 1914–1918 гг. в ОмВО имелось 319 музыкантов, в том числе 13 – в казачьем войске (войсковой казачий музыкантский хор в г. Омске) (ГАНО. Ф. Д-136. Оп. 1. Д. 4. С. 105⁶⁶; Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. – СПб., 1914, с. 20).

Комиссия стала готовить для оркестров Русской Армии сборник оркестровых маршей, подготовила буквально все, вплоть до титульного листа предполагаемого сборника. К.К. Штакельберг разослал запросы командирам полков с целью установления авторства отдельных маршей в сборнике О.Р. Фреймана, а ответы, присланные из различных военных частей, позволили ему установить авторов многих произведений.

Материалы, собранные для предполагаемого к изданию сборника маршей Русской Армии, так и не были изданы; он не вышел в свет в силу последовавших вскоре Первой мировой войны, революций, Гражданской войны. Будучи огромным и ценным пластом русской военной музыкальной культуры конца XIX – начала XX вв., он представляет сегодня большой научный интерес и ждет своего издания...

Героико-песенный фольклор всегда оказывал огромное воздействие на воспитание будущих поколений казаков, формируя у молодежи чувство любви к Отечеству, восхищение храбростью предков, верностью их служебному долгу, преданностью командирам, способствовал формированию их как воинов Христовых.

Сейчас с подлинными образцами военной песни и маршей (последние опубликованы впервые. – Ю.Ф.) сибирских казаков смогут ознакомиться не только казаки, но и широкая общественность, не только представители младшего и среднего поколений, но и... старшего! И казачья песня и музыка уже звучат.

В возвращении к новой жизни казачьей музыки и песни огромная заслуга Русской Православной Церкви. По благословению митрополита Новосибирского и Бердского Сергия был организован поиск и изучение песенного казачьего материала. По его же благословению ежегодно, в день одного из наиболее почитаемых в Русской Православной Церкви праздников – Покрова Пресвятой Богородицы – проходит фестиваль «Покровская осень», сразу ставший проповедью принципов

христианского благочестия, пропагандой всего лучшего из богатых национальных традиций русского музыкального искусства, напоминанием о славной истории Отечества, призывом к единству всех, кому не безразлична судьба России.

Первым коллективом г. Новосибирска, воскрешающим для нас забытые казачьи музыку и песню, столетия назад сопровождавших в походах русское сибирское воинство, веселивших наших предков на праздниках и гуляньях, просто помогавших в быту, стал Русский Православный хор «Сибирские певчие», исполнивший на фестивале 7 октября 1999 г. песни казаков Сибири («Появился в Сибири славный крепкий казак», «Соберемся-ка мы, казаченьки», «Что не соколы крылаты», «Благословен ваш путь далекий», «Верно службу мы служили» и др.). Накануне Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в 2001 г. впервые прозвучали и марши Сибирских казачьих полков. Оба эти исполнения вызвали у многочисленных слушателей чувство глубокой благодарности к клиру, прихожанам, участникам хора «Сибирские певчие» Войскового Храма Покрова Пресвятой Богородицы (г. Новосибирск), руководителю хорового коллектива, народному артисту Российской Федерации И.В. Юдину.

Ныне песни сибирских казаков вошли в репертуар камерного хора Новосибирской филармонии, Народного хора ветеранов войны и труда при Новосибирском окружном Доме офицеров Сибирского военного округа (руководитель Т.М. Яговкина), ансамбля традиционной казачьей культуры «Майдан» (руководители Г.Н. и В.С. Анисеевы), дуэта «Познание» (казаки В.М. Слизов и В.В. Войтов), ряда детских казачьих хоровых коллективов, ряда коллективов казаков Алтайского края.

Так через старые мелодии, песни в нашу современность входят мысли, таланты, дела наших предков, и они приближают нас к традициям и сути казачества. И, неужто, слушая казачьи песни, переворачивающие душу, не запечалятся потомки казаков над руинами и пепелищами предков своих, не воспрянут сердцем и Верой? Неужто, слушая волнующие звуки военных маршей предков наших, не преисполнимся мы патриотическими чувствами?

Выход в свет сборника «Пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем» стал возможным благодаря деятельному, бескорыстному и благородному участию многих и многих людей, по-настоящему любящих историю России, ценящих ее удивительную и неповторимую культуру.

В процессе поиска и собирания материала, извлечения его из архивов, библиотек, других источников неоценимую помощь оказали заведующая отделом рукописей Российского института истории искусств (г. Санкт-Петербург) Г.В. Копытова, заведующая отделом редкой книги Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова (г. Барнаул) В.П. Кладова, сотрудники библиотеки Новосибирского окружного Дома офицеров Г.И. Чемоданова, А.А. Старикова, Н.И. Тимошина, сотрудники Новосибирской публичной государственной научно-технической библиотеки, Новосибирской Государственной областной научной библиотеки, Государственного архива Алтайского края (г. Барнаул), Государственного архива Новосибирской области (г. Новосибирск), Государственного архива Омской области (г. Омск), Государственного архива Томской области (г. Томск).

В подготовке сборника к изданию огромное содействие оказали:

епископ Новосибирский и Бердский Сергей (Соколов), архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон, руководитель епархиального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами, настоятель Храмов Покрова и Успения Пресвятой Богородицы протоиерей Владимир Маничев, руководитель подотдела по казачеству, настоятель прихода Св. Ефросинии Полоцкой священник Дмитрий Полушин;

администрация Новосибирской области, г. Новосибирска, ряда районов города и области – В.А. Толоконский, В.Ф. Городецкий, В.Н. Шумилов, В.Д. Лымарь, В.А. Бродский, Ф.Р. Киселев, В.Г. Миллер, А.В. Добровольский, В.И. Панарин, В.Н. Кацай, Н.В. Козлов, В.Г. Васильев, В.А. Скворцов, Г.Д. Шальнев, Ю.А. Овчинников, В.С. Башатов, Н.И. Судакова;

Командующий войсками Сибирского военного округа генерал армии Н.Е. Макаров, заместитель Командующего войсками округа по воспитательной работе генерал-майор А.И. Борисенко, командующий 41 ОА генерал-майор А.С. Галкин, полковники В.Н. Щеплягин, С.Х. Фунтиков, А.В. Батрак, И.А. Чемоданов, В.М. Даниленко, А.К. Прорешный, В.Д. Гайдук, Л.С. Сабодров, подполковники Ю.В. Голов, М.А. Гольдберг, Ю.М. Сивохин, В.Ф. Березин;

Новосибирский областной комитет «Победа» (А.Г. Филичев), областной Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (В.В. Журавлев), городской Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (В.И. Шушпанов), Центр патриотического воспитания населения Новосибирской области (В.Д. Михальцов);

казаки: генерал-майор Е.А. Дубин, атаман 9-го (Новосибирского) отдела Сибирского казачьего войска хорунжий Е.А. Фороносов, есаул Н.А. Шевчук, хорунжий В.И. Базанов, атаманы Новосибирской областной общественной организации «Казачье землячество имени атамана Ермака Тимофеевича» В.В. Донских и В.В. Вареник, атаман Алтайской краевой казачьей общины Ю.А. Белозерцев, атаман Новосибирской областной казачьей общины Н.И. Кононенко, казаки историко-просветительского культурного казачьего центра г. Новосибирска В.М. Слизов, А.А. Шевченко, В.К. Колесников, А.Е. Курдаков, К.П. Зайцев, И.В. Ладыгин, А.Ю. Журавков, В.К. Логинкин, А.С. Бугунов, В.В. Семенкин, А.М. Кашина, А.Я. Чвалюк, казаки С.Г. Абдулин, И.Г. Антоненко, Н.И. Бушуев, В.С. Деревсков, В.Н. Есипко, И.С. Котиков, Н.А. Лисица, Ю.Н. Пименов, А.К. Кутник, В.Г. Шкуро, А.Г. Кайманов, А.А. Михеев, П.Г. Булденко, И.Ю. Поспелов, А.П. Миняйло, Р.В. Шмаков, С.И. Ююкин, М.М. Кобцев и другие.

Автор-составитель выражает искреннюю благодарность за ценные советы и практические замечания доктору исторических наук, профессору М.В. Шиловскому, кандидату исторических наук, доценту В.И. Баяндину, доктору искусствоведения, профессору Б.А. Шиндину, кандидату экономических наук Н.И. Петрушину, члену Союза журналистов Российской Федерации А.В. Русанову, члену Союза писателей Российской Федерации В.П. Романову, взявшим на себя нелегкий труд прочесть этот сборник в рукописи.

Выходу в свет сборника «Пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем» активно способствовала научная общественность:

Петровская Академия наук и искусств (А.В. Сычев, доктор физико-математических наук, профессор, академик, вице-президент ПАНИ; В.В. Габрусенко, кандидат технических наук, доцент, член-корреспондент ПАНИ; А.И. Родионов, кандидат физико-математических наук, член-корреспондент ПАНИ);

Международная Славянская Академия наук, образования, искусств и культуры (В.П. Казначеев, академик РАН, президент Западно-Сибирского отделения; С.В. Казначеев, доктор медицинских наук, профессор, вице-президент Западно-Сибирского отделения; В.Н. Добрынина, ученый секретарь; А.М. Егорычев, доктор философских наук, член-корреспондент МСА).

В подготовке материалов к изданию большое участие приняли А.А. и К.Д. Андрюнины, А.А. Апасов, О.Ю. Иванова, В.В. Поляков, Н.А. и А.Ю. Фабрика, В.П. Хондусенко, Т.И. Доморослая.

Слова глубокой благодарности заслуживают Г.И. Аулова, И.И. и С.И. Барановы, Е.А. Иванова, Л.А. и Р.П. Климовы, Г.П. Рассказов, Е.С. Мотина.

Низкий поклон всем вам, добрые люди, и великая благодарность!

Я ВЕРЮ В РОССИЮ!

*В годы кровавых смут и невзгод
Я верю в Россию! Я верю в народ!
Я верю в грядущее радостных дней
Величья и славы Отчизны моей!*

«Верую»

Сергей Бехтерев, казачий поэт.

Ницца, 1937 г.

...Медленно и трудно идет возрождение вытопанного революцией и Гражданской войной казачества. Трудно возвращаться к истории, обычаям, традициям, идеалам и песням отцов.

Но при усилении всех нас, крепко любящих родную Державу, при поддержке Государства Российского возрождающееся единое и сплоченное казачество будет служить России так же верно и славно, как и их геройские предки служили на протяжении всей тысячелетней истории нашего Отечества. Опираясь на духовное наследие своих «отчич и дедич», славные традиции отцов и дедов, оно сделает многое в дальнейшем развитии бесценной и самобытной казачьей культуры, ведущее место в которой занимают верность Родине, честь и достоинство. Идея служения Отечеству всегда была главной и при зарождении и формировании казачества, она лежала и в основе деятельности казачьих войск в течение многовековой истории их существования. И в настоящее время эта идея не только остается символом казачества, но и развивается в соответствии с требованиями современного и будущего государства Российского.

Казачество, стоящее на позициях российского национального возрождения, народного согласия, сохранения и упрочения единой и неделимой России, укрепления Российской армии и флота, последовательно выступающее против национальных конфликтов, беспорядков и преступности, встречает все большее понимание и поддержку со стороны государства, всего населения России.

Государственная власть, заинтересованная в надежной опоре в деле строительства и укрепления Российского государства в новых геополитических условиях, не может далее оставлять без внимания роль и значение казачества как многонациональной системы, его опыт демократического самоуправления, многовековой исторический опыт в обеспечении эффективной системы пограничной охраны, его особой роли в Вооруженных Силах и, наконец, весьма эффективную систему хозяйствования.

Особую остроту «казачий вопрос» приобретает в последнее время и в связи с тем, что основная часть казачества проживает в межэтнических контактных зонах, где, при нерешенности социально-экономических проблем, имеющиеся конфликтные ситуации уже переросли в открытые вооруженные столкновения*.

Возрождение казачества – это не только внешний антураж с золочеными погонами, шашками, нагайками да фуражками с красными околышами. В соответствии с Законом «О государственной службе российского казачества» 5 декабря 2005 г. казаки служить должны в частях, получив-

---

* В Чечне в первую войну воевал 265-й Уссурийский казачий полк морской пехоты. Семь бойцов 2-го казачьего батальона получили звания Героя России. Полностью казачьим по составу и методу комплектования стал 694-й батальон имени А.П. Ермолова 135-й мотострелковой бригады, сформированный по контракту из терских и кубанских казаков. 40 процентов личного состава имели уже опыт участия в локальных конфликтах. Воевал батальон честно. Из 800 казаков 27 погибли, 262 были ранены, 98 представлены к наградам.

ших казачьи наименования. В армии и на флоте такие наименования присвоены 15 подразделениям (батальоны, полки, бригады и отдельные роты). Казаки добились традиционного принципа формирования казачьих частей, когда станицы, юрты и отделы посылают своих призывников в одни и те же части.

Казаки сотрудничают с пограничниками, природоохраной, таможней, МВД и МЧС России. В составе Пограничной службы ФСБ России насчитывается 49 погранзастав, где по призыву или по контракту служат казаки. Более 500 казачьих добровольческих дружин по охране правопорядка численностью до 18 тыс. человек уже создано в системе МВД.

Порядок несения государственной службы, форма одежды, знаки различия и удостоверения определяются Президентом РФ. Государство строит отношения и с казаками, вошедшими в реестр (10 войсковых, 3 окружных и 7 отдельных обществ, объединяющих 660 тыс. казаков, из которых 230 тыс. уже перешли на госслужбу или заявили о готовности служить государству), и с «общественными» казаками*.

О возрождении казачества свидетельствует то немалое доверие, которое оказывается ему на высшем государственном уровне. Сегодня казаки служат везде, теперь им доверена не только охрана государственной границы России, но и возвращена главная привилегия – охрана главы государства (следует вспомнить, что и до революции охрана его императорского величества состояла исключительно из казаков).

Казаки – данность, и они вернулись навсегда!

Сбывается предсказание атамана Войска Донского генерал-лейтенанта А.П. Богаевского, писавшего еще в 1928 году в изгнании: «Какова бы ни была будущая власть на Руси, казачьи войска будут существовать. Государству нужно такое здоровое, бодрое, привыкшее к порядку население. Казачество подчинится всякой новой власти, которая дает порядок и возможность спокойно трудиться».

Это время настало. И слава Богу!

Генерал Александр Михайлович Ионов (1880–1950), сибирский казак, кавалер ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия «За храбрость», в далекие 20-е годы прошлого века с глубокой надеждой писал: «Быть может, в годину величайших испытаний, выпавших на жребий Народа-страдальца, он отыщет пути к возрождению, ... выкует силы на борьбу с растлевающим разрушением и использует государственную мудрость Сибирского казачества, закрепившего Сибирь за Русским Государством. Эта, самобытная русская мудрость, да послужит монолитным устоем для будущего государственного строительства».

Государственная мудрость Сибирского казачества служит России уже 425 лет, и будет служить ей вечно, как вечно Россия. Как и столетия в прошлом, так в настоящем и будущем смысле их служения были и остаются слова:

Мы смело в бой идем, опасность презирая,
Страшись же, трепещи, коварный дерзкий враг!
Нас битвы не страшат, и шашка боевая –
Наследие отцов, цела еще пока;
Иззубрена в боях, но, молнией сверкая,
Послужит за Царя в руках у казака!

«Вперед, друзья, вперед...» (Песни Сибирских казаков . – Пг., 1916. Вып.1, с. 111).

Юрий Аркадьевич Фабрика,
заслуженный работник культуры Российской Федерации,
войсковой старшина Сибирского казачьего войска

г. Новосибирск,
май 2006

---

* С учетом «общественных» казаков, по разным данным, общее число россиян, причисляющих себя к казачеству, – от 2 до 4,5 миллиона.

Раздел II

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ

Российский гимн

Музыка А.Ф. ЛЬВОВА

Слова В.А. ЖУКОВСКОГО

Бо - же, Ца - ря хра - ни! Силь - ный дер - жав - ный,

цар - ствуй на сла - ву, на сла - ву

1. нам. 2. нам.

Цар - ствуй на страх вра - гам,

Царь пра - во - слав - ный!

Бо - же, Ца - ря хра - ни!

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй во славу, во славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный,
Боже, Царя, Царя храни!

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли, дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Все ниспошли.

Перводержавную
Русь Православную
Боже, Царя, Царя храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное,
Все ж недостойное
Прочь отжени!

О, Провидение,
Благословение
Нам ниспошли, ниспошли нам!
К благу стремление,
Счастье, смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

КОЛЬ СЛАВЕНЪ

Муз. Д.С. БОРТНЯНСКАГО

Слова М.М. ХЕРАСКОВА

Коль сла - вень нашъ Го - сподъ въ Си - о - нѣ, не мо - жеть изъ - я - снить
и - зъ - языкъ. Ве - ликъ Онъ въ не - бе - сахъ на тро - нѣ,
въ бы - лин - кахъ на зе - мли ве - ликъ. Ве - здѣ, Го - сподъ, ве - здѣ
Ты сла - вень, во дни въ но - ши сі - я - ньемъ ра - вень. венъ.

Коль славень нашъ Господь въ Сионъ,
Не можетъ изъяснить языкъ.
Великъ он в небесахъ на тронъ,
В былинках на земли великъ.
Вездъ, Господь вездъ, Ты славень,
Во дни, въ ночи сіянемъ равенъ.
Тебя Твой Агнецъ златорунный
Въ себъ изображаетъ намъ;

Псалтирю мы десятиструнной
Тебъ приносимъ фиміамъ...
Прими отъ насъ благодаренье,
Какъ благовонное куренье.
Ты солнцемъ смертныхъ озаряешь,
Ты любишь, Боже, насъ, какъ чадъ,
Ты насъ трапезой насыщаешь
И зиждешь намъ въ Сионъ градъ.
Ты грѣшных, Боже, посъщаешь
И плотію Своей питаешь.

Пр. №394 / 6. №120 /
Коллектор.

Мелодия

1ая Категория Концертно-Симфонич.

Музыкальная Академия с. Мухоморова

Удвоенная оркестр 19/11/00

2373/6

Музыкальная Академия
с. Мухоморова
Фонд № 394
39/6

Маршъ 1-го Сибирскаго казачьего Ермака Тимофеевича полка*

Tempo di Marcia

Flauto e piccolo

Clarinetto in Es

2 Clarinetti in B

2 Corni in F

2 Trombe in B

I, II

3 Tromboni

III

I

2 Cornetti in B

II

2 Alti in Es

2 Tenori in B

Baritono

Bassi

f

tr

a

f

* Современная обработка маршей 1-го, 2-го и 3-го Сибирских казачьих полков А.А. Апасова.

5 *p*

p

Detailed description of the musical score: The score is for a piano piece, starting at measure 5. It is written in a minor key, indicated by two flats in the key signature. The tempo and dynamics are marked as *p* (piano). The score is organized into two systems, each containing six staves. The first system includes two treble clefs, a bass clef, and two more treble clefs. The second system also includes two treble clefs, a bass clef, and two more treble clefs. The music features intricate rhythmic patterns, including sixteenth and thirty-second notes, and various articulations such as accents and slurs. The dynamics are consistently marked as *p*.

9

The image shows a page of musical notation, page 9, in a 3/4 time signature and B-flat major. The score is organized into two systems, each containing five staves. The top system includes a treble clef staff with a melodic line featuring grace notes and slurs, a grand staff (treble and bass clefs) with harmonic accompaniment, and a bass clef staff with a bass line. The bottom system follows a similar structure. The notation includes various rhythmic values, accidentals, and performance markings such as accents and slurs.

This page of a musical score contains 13 measures of music. The score is organized into two systems of staves. The first system consists of six staves: a single treble clef staff at the top, followed by a grand staff (treble and bass clefs), and then three more treble clef staves. The second system also consists of six staves: a single treble clef staff at the top, followed by a grand staff, and then three more treble clef staves. The music is written in a key signature of two flats (B-flat and E-flat) and a 4/4 time signature. The notation includes various note values such as eighth and sixteenth notes, as well as rests and accidentals. Dynamic markings include 'a' (accent) and 'v' (pizzicato). The piece concludes with a double bar line and repeat dots.

171

f *p*

f *p*

f

p

A musical score for piano, measures 21-24. The score is written in a grand staff with two systems of four staves each. The key signature is B-flat major (two flats). The first system starts with a forte (*f*) dynamic and a piano (*p*) dynamic. The music features a complex texture with multiple voices, including a prominent melodic line in the upper right voice and a rhythmic accompaniment in the lower voices. The second system continues the piece, maintaining the dynamic contrast and complex texture. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings.

f

p

mp

Musical score for measures 25-28. The score is written for a piano and includes a grand staff (treble and bass clefs) and a separate bass line. The key signature is B-flat major (two flats). The tempo is marked *mp*. The music features a melodic line in the upper voice and a bass line with some rhythmic patterns. The bass line includes some sixteenth-note patterns.

Musical score for measures 29-32. The score continues from the previous system and includes a grand staff and a separate bass line. The key signature remains B-flat major. The music continues with similar melodic and harmonic textures.

mp

Tr *p*

The musical score is arranged in two systems, each containing six staves. The first system includes a trill (Tr) in the first staff of the second measure, marked with a piano (*p*) dynamic. The second system ends with a piano (*p*) dynamic marking.

p

p

The first system of the musical score consists of six staves. The top staff is in treble clef with a key signature of two flats (B-flat and E-flat). It begins with a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The second staff is in treble clef and contains a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The third staff is in treble clef and contains a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The fourth staff is in treble clef and contains a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The fifth staff is in bass clef and contains a half note G2, followed by a quarter note F2, and then a series of eighth notes: G2, A2, B-flat2, C3, D3, E3, F3, G3. The sixth staff is in bass clef and contains a half note G2, followed by a quarter note F2, and then a series of eighth notes: G2, A2, B-flat2, C3, D3, E3, F3, G3. The dynamic marking *p* is placed above the first and fifth staves.

The second system of the musical score consists of six staves. The top staff is in treble clef with a key signature of two flats (B-flat and E-flat). It begins with a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The second staff is in treble clef and contains a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The third staff is in treble clef and contains a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The fourth staff is in treble clef and contains a half note G4, followed by a quarter note F4, and then a series of eighth notes: G4, A4, B-flat4, C5, D5, E5, F5, G5. The fifth staff is in bass clef and contains a half note G2, followed by a quarter note F2, and then a series of eighth notes: G2, A2, B-flat2, C3, D3, E3, F3, G3. The sixth staff is in bass clef and contains a half note G2, followed by a quarter note F2, and then a series of eighth notes: G2, A2, B-flat2, C3, D3, E3, F3, G3. The dynamic marking *p* is placed below the first and fifth staves.

p

p

This musical score for page 36 consists of two systems of staves. The first system includes a single treble staff at the top, followed by a grand staff (treble and bass clefs), and another single treble staff at the bottom. The second system follows a similar layout. The key signature is two flats (B-flat and E-flat). The music features a variety of rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and rests. Dynamic markings such as accents (>) and hairpins (>) are used throughout. The notation is clear and professional, typical of a published musical score.

This page of a musical score, numbered 40, contains two systems of music. Each system consists of six staves. The top two staves of each system are in treble clef, and the bottom two are in bass clef. The third staff from the top of each system is marked with a 12/8 time signature. The music is written in a key signature of two flats (B-flat and E-flat). The notation includes various note values, rests, and accidentals, with some notes marked with accents (v) and slurs. The score is organized into measures by vertical bar lines, with repeat signs at the end of each system.

mp

Musical score for measures 43-46. The score is written for a piano and consists of two systems of staves. The first system includes a grand staff (treble and bass clefs) and a middle staff with a 12/8 time signature. The second system includes a grand staff and a middle staff with a 12/8 time signature. The music is in a key with two flats (B-flat major or D-flat minor) and features a melodic line in the upper voices and a bass line in the lower voices. The dynamic marking *mp* is present at the beginning and end of the section.

mp

This page of a musical score, numbered 47, contains a complex arrangement of music across 14 staves. The score is organized into two systems of seven staves each. The key signature is two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 7/8. The notation includes various rhythmic values such as eighth and sixteenth notes, as well as rests and dynamic markings like accents (>). The first system (staves 1-7) features a melodic line in the top staff, followed by several staves of accompaniment, including a bass line with prominent accents. The second system (staves 8-14) continues the melodic and accompanimental parts, with the bottom staff showing a more active bass line with accents. The overall texture is dense and rhythmic.

This musical score for page 51 consists of two systems of staves. The first system includes a vocal line (top staff) and a piano accompaniment (staves 2-6). The piano part features a bass line (bottom staff) and four treble staves. The second system follows a similar layout with a vocal line and piano accompaniment. The key signature is two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 4/4. The score contains various musical notations, including eighth and sixteenth notes, rests, and dynamic markings such as accents and hairpins. The piano part includes complex chordal textures and rhythmic patterns.

Imley 7.9 av.

Pril. 8 (1913)

Konits

Кудрявский Борисов

Сидоренко Елена

Степанов Александр

23 апреля 1905 г.

Top Program

Белые голубки

2nd Чужие люди

Cor. Fugate

X

С. С. Соловьев

Павлов Александр

Коммуна

27 апреля 1913 г.

С. С. Соловьев

№ 273/54

№	351
Опущ. №	39/54
В. к. №	

Встрѣчный марш 2-го Сибирского казачьего полка

Tempo di Marcia

The musical score is arranged in a standard orchestral format with the following parts and staves from top to bottom:

- Flauto e piccolo**: Treble clef, melodic line with dynamics *p*.
- Clarinetto in Es**: Treble clef, melodic line with dynamics *p*.
- 2 Clarinetti in B**: Treble clef, melodic line with dynamics *a2*.
- 2 Corni in F**: Treble clef, harmonic accompaniment.
- 2 Trombe in B**: Treble clef, harmonic accompaniment.
- 3 Tromboni**: Bass clef, harmonic accompaniment.
- II, III**: Bass clef, harmonic accompaniment.
- Tamburo militar Gran cassa**: Percussion staff with rhythmic patterns.
- 2 Cornetti in B**: Treble clef, melodic line.
- II**: Treble clef, melodic line.
- 2 Alti in Es**: Treble clef, harmonic accompaniment.
- 2 Tenori in B**: Treble clef, melodic line.
- II**: Treble clef, melodic line.
- Baritono**: Treble clef, melodic line.
- Bassi**: Bass clef, harmonic accompaniment.

The score includes various musical notations such as dynamics (*p*, *a2*), articulation (*acc*), and performance instructions like *3* (triplets).

Musical score for a piano piece, page 3. The score is in 3/4 time and features a complex texture with multiple staves. It includes a treble clef system with three staves, a grand staff with a bass clef and a tenor clef, and another treble clef system with three staves. The music is in a key with three flats (B-flat major or D-flat minor). The score contains various musical notations such as eighth notes, quarter notes, and triplets. A 'p' dynamic marking is present at the beginning of the first system. The piece concludes with a final cadence.

7

1. 2.

a a a a

11

Musical score for a piano piece, page 11. The score consists of 11 staves. The first system has three staves, the second system has four staves, and the third system has four staves. The music is in a key with three flats (B-flat, E-flat, A-flat) and a 3/4 time signature. It features various rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and several triplet markings (indicated by a '3' above the notes). The notation includes treble and bass clefs, a common time signature, and various musical symbols like slurs and ties.

This page of a musical score, numbered 14, contains ten systems of staves. The first system consists of three staves, and the remaining systems each consist of four staves. The music is written in a key signature of three flats (B-flat, E-flat, and A-flat) and a common time signature. The notation includes various note values, rests, and articulation marks. A prominent feature is a triplet of eighth notes in the second system, which is repeated in the fourth system. The score is presented in a clean, black-and-white format.

This musical score page, numbered 17, contains a complex arrangement of music across ten systems of staves. The first system consists of three staves: two treble clefs and one bass clef. The second system has four staves, including a grand staff (treble and bass clefs) and two additional treble clefs. The third system features a grand staff and two treble clefs. The fourth system includes a grand staff and two treble clefs. The fifth system has four staves, with two grand staves and two treble clefs. The sixth system consists of four staves, including two grand staves and two treble clefs. The seventh system has four staves, with two grand staves and two treble clefs. The eighth system includes a grand staff and two treble clefs. The ninth system has four staves, with two grand staves and two treble clefs. The tenth system consists of four staves, including two grand staves and two treble clefs. The music is written in a key signature of three flats (B-flat, E-flat, A-flat) and a common time signature. It features various rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and rests. Notable features include triplet markings (indicated by a '3' above the notes) in the second and third measures of the second system, and a fermata over a note in the fourth measure of the third system. The notation is clear and professional, typical of a published musical score.

This musical score page contains 12 staves of music. The first staff is a treble clef with a melodic line. The second staff is a treble clef with a similar melodic line. The third staff is a treble clef with a more complex melodic line, featuring a trill marked 'a' and a second trill marked 'a2'. The fourth staff is a treble clef with a melodic line. The fifth staff is a bass clef with a melodic line. The sixth staff is a bass clef with a melodic line. The seventh staff is a bass clef with a melodic line. The eighth staff is a bass clef with a melodic line. The ninth staff is a bass clef with a melodic line. The tenth staff is a bass clef with a melodic line. The eleventh staff is a bass clef with a melodic line. The twelfth staff is a bass clef with a melodic line. The score includes first and second endings, marked '1.' and '2.'. There are also trills marked 'a' and 'a2', and triplets marked '3'. The key signature has two flats, and the time signature is 4/4. The piece concludes with the word 'Fine'.

Fine

Tr

The musical score is written in 3/4 time and consists of 12 staves. The key signature has three flats (B-flat, E-flat, A-flat). The score is divided into two systems of six staves each. The first system includes a vocal line (top staff) and piano accompaniment (staves 2-6). The piano accompaniment features a steady eighth-note bass line in the left hand and a more complex right-hand part with eighth-note chords and triplets. The second system continues the piano accompaniment with similar rhythmic patterns and triplets. The vocal line in the first system begins with a trill (Tr) and a fermata over a whole note. The score concludes with a final cadence in the piano accompaniment.

This musical score page, numbered 26, contains a complex arrangement of music across multiple systems. The first system consists of three staves in treble clef, with a key signature of three flats. The second system is more intricate, featuring a treble staff with a 15/8 time signature, a bass staff, and a piano part with a double bass clef. This system includes several triplet markings (indicated by a '3' over the notes) and a large slur over a measure in the treble staff. The third system continues with four staves, including a piano part with a double bass clef. The fourth system consists of seven staves, with a piano part at the bottom. The notation includes various rhythmic values, rests, and articulation marks throughout the piece.

The musical score is arranged in three systems of staves. The first system consists of three staves: a single treble clef staff at the top, and two grand staff staves (treble and bass clefs) below. The second system consists of four staves: a single treble clef staff at the top, followed by a grand staff (treble and bass clefs), and two more single treble clef staves at the bottom. The third system consists of seven staves: a single treble clef staff at the top, followed by a grand staff (treble and bass clefs), and four more single treble clef staves at the bottom. The score includes first and second endings, indicated by '1.' and '2.' above the staves. There are also triplets marked with a '3' and a wavy line. The music is in a key with three flats and a 3/4 time signature.

**Da Capo
al Fine**

Музыка Венгерской оперы

№ 1. 1873.

The musical score consists of approximately 12 staves. The notation includes various rhythmic values, rests, and dynamic markings such as 'p' (piano) and 'f' (forte). The manuscript shows signs of being a working draft, with some ink bleed-through and corrections. The staves are arranged in a system, with some staves having clefs and time signatures. The overall style is characteristic of 19th-century musical notation.

f

Российская
история
кабаре
Ф. № 35
Опись №
Ев. кр. № 39/53

Б. Ав. К...

Тихий встречный марш 3-го Сибирского казачьего полка

Tempo di Marcia

The musical score is arranged in a standard orchestral format with the following parts and staves from top to bottom:

- Flauto e piccolo**: Treble clef, key signature of one flat, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes.
- Clarinetto in Es**: Treble clef, key signature of one sharp, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes.
- 2 Clarinetti in B**: Treble clef, key signature of two flats, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes, marked with an 'a'.
- 2 Corni in F**: Treble clef, key signature of one flat, common time. Starts with a whole rest, then plays chords.
- 2 Trombe in B**: Treble clef, key signature of two flats, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes, marked with an 'a'.
- 3 Tromboni**: Bass clef, key signature of two flats, common time. Subdivided into three staves:
  - I, II**: Treble clef, key signature of two flats, common time. Starts with a whole rest, then plays chords.
  - III**: Bass clef, key signature of two flats, common time. Starts with a whole rest, then plays a melodic line.
- 2 Cornetti in B**: Treble clef, key signature of two flats, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes, marked with an 'a'.
- 2 Alti in Es**: Treble clef, key signature of one sharp, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes.
- 2 Tenori in B**: Treble clef, key signature of two flats, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes, marked with an 'a'.
- Baritono**: Treble clef, key signature of two flats, common time. Starts with a grace note and a triplet of eighth notes.
- Bassi**: Bass clef, key signature of two flats, common time. Starts with a whole rest, then plays a melodic line.

The musical score on page 4 is divided into two systems, each containing six staves. The first system includes two treble clefs, a grand staff (treble and bass), and two more treble clefs. The second system also includes two treble clefs, a grand staff, and two more treble clefs. The music features complex rhythmic patterns, including triplets and sixteenth-note runs. Performance markings include 'a' and '3'.

8

1.

2.

3

a

3

3

a

3

3

3

3

3

11

Musical score for page 11, measures 1-4. The score consists of 12 staves. The first system has 3 staves, the second system has 3 staves, and the third system has 6 staves. The music is in 3/4 time with a key signature of one flat (B-flat). It features various rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and includes several triplet markings (indicated by a '3' above the notes). The notation includes treble and bass clefs, and various musical symbols such as beams, slurs, and accidentals.

f

The musical score on page 15 consists of ten staves. The first two staves are vocal lines, with the first ending (1.) and second ending (2.) clearly marked. The remaining eight staves are for piano accompaniment. The score includes various musical notations such as triplets (marked with '3'), accents (marked with 'a'), and dynamic markings like 'a2'. The piece concludes with the instruction 'Fine' and a final dynamic marking '*f*'.

Fine *f*

19

Tr

p

f

Musical score for a piano piece, measures 19-22. The score consists of six systems of staves. The first system has two staves. The second system has two staves. The third system has two staves. The fourth system has two staves. The fifth system has two staves. The sixth system has two staves. The music is in a minor key and features a prominent tremolo in the right hand. Dynamics include piano (*p*), forte (**f**), and accents (*a*).

p

This page of a musical score, numbered 23, contains a complex arrangement of music across multiple systems. The score is written in a key signature of two flats (B-flat and E-flat) and a 12/8 time signature. The first system consists of three staves: a single treble clef staff at the top, and two staves below it, each with a treble clef. The second system consists of five staves: a treble clef staff, a treble clef staff with a dense sixteenth-note accompaniment, a 12/8 time signature staff with a bass clef, and a bass clef staff. The third system also consists of five staves: a treble clef staff, a treble clef staff with a sixteenth-note accompaniment, a treble clef staff with a bass clef, and a bass clef staff. The notation includes various note values, rests, and dynamic markings such as 'a' (accendo) and 'f' (forte). The music is organized into measures by vertical bar lines.

Musical score for measures 27-30. The score is written in a key signature of two flats (B-flat and E-flat) and a common time signature (C). It consists of five systems of staves. The first system has two staves. The second system has four staves. The third system has five staves. The fourth system has five staves. The fifth system has five staves. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings. A piano (p) marking is present at the beginning of measure 27. Accent (a) markings are present above notes in measures 28, 29, and 30 across multiple staves.

This musical score is for page 31 and consists of two systems of staves. The first system includes a single treble staff at the top, followed by a grand staff (treble and bass clefs), and a 12/8 time signature. The second system also features a grand staff with treble and bass clefs. The music is written in a key with two flats (B-flat and E-flat). The notation includes eighth and sixteenth notes, rests, and dynamic markings such as 'a' (accendo) and 'f' (forte). The piece concludes with a double bar line and a final note.

f

Musical score system 1, measures 1-4. It consists of six staves. The top staff is a treble clef with a melodic line starting on G4. The second staff is a treble clef with a similar melodic line. The third staff is a treble clef with a rhythmic accompaniment. The fourth staff is a treble clef with a chordal accompaniment. The fifth staff is a bass clef with a rhythmic accompaniment. The sixth staff is a bass clef with a chordal accompaniment. The key signature has two flats (B-flat and E-flat). The dynamic marking *f* is at the beginning.

Musical score system 2, measures 5-8. It consists of six staves. The top staff is a treble clef with a melodic line. The second staff is a treble clef with a similar melodic line. The third staff is a treble clef with a rhythmic accompaniment. The fourth staff is a treble clef with a chordal accompaniment. The fifth staff is a bass clef with a rhythmic accompaniment. The sixth staff is a bass clef with a chordal accompaniment. The key signature has two flats. The dynamic marking *f* is at the beginning of the system. There are accents marked 'a' above notes in the second and fourth staves of this system.

f

Da Capo al Fine

ПЕСНИ

ПѢСНИ
СИБИРСКИХЪ
КАЗАКОВЪ

—
Выпускъ I

ИЗДАНИЕ СИБИРСКАГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Учредитель В. А. Сабитовъ Петроградъ, Стрѣльцовъ 12
1916

*Титульный лист первого выпуска сборника «Песни Сибирских казаков».
Петроград, 1916.*

Предисловіе.

Сборъ пѣсень Сибирскаго казачьяго войска и изданіе ихъ въ печати—сдѣланъ распоряженіемъ бывшаго Военнаго Министра А. П. Куропаткина.

Сборъ пѣсеннаго матеріала производился Есауломъ В. Ф. Бедринымъ, въ указаніяхъ Войскаго Хозяйственнаго Правленія.

Окончательную обработку собраннаго матеріала Войсковое Хозяйственное Правленіе поручило Есаулу Г. И. Иванову.

Всѣ собранныя пѣсни рѣшено издавать постепенно отдѣльными выпусками.

Настоящій сборникъ—первый выпускъ пѣсень Сибирскаго казачьяго войска. Въ этотъ выпускъ вошли, преимущественно, пѣсни военные, военно-историческія и военно-бытовыя. Почти всѣ онѣ искусственныя и получили начало свое, кромѣ очень немногихъ, въ Азиатской Россіи: частью въ предѣлахъ территоріи Сибирскаго казачьяго войска, частью внѣ ея,—въ мѣстахъ службы сыновъ войска.

Пѣсни расположены, насколько удалось установить время появленія ихъ въ свѣтъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

Всѣ пѣсни были собраны безъ мотивовъ. Отсюда—часть пѣсень, составленныхъ настоящимъ выпускъ, не имѣетъ нотъ, для остальныхъ же ноты написаны чиновникомъ Войскаго Хозяйственнаго Правленія Я. Ф. Бурковымъ и нѣкоторыя Есауломъ Г. И. Ивановымъ въ томъ видѣ, какъ эти пѣсни поются въ полкахъ и на льготѣ въ войскѣ.

Гармонизація всѣхъ пѣсень произведена исключительно Я. Ф. Бурковымъ. При этомъ главною заботою было сохраненіе характера мотива пѣсни, вслѣдствіе чего допущены нѣкоторыя отступленія отъ правилъ общей музыки.

Г. И. Ивановъ.

№ 1

Какъ на Волгъ

ЗАПѢВЪ

ХОРЪ

Какъ на Вол - гъ, да на Ка - мы - шен -

къ, ка - за - ки жи - вутъ, лю - ди воль - ны - е.

Какъ на Волгъ, да на Камышенкъ,
 Казаки живутъ, люди вольные.
 У казаковъ былъ атаманушко,
 Ермакомъ звали Тимофеевичемъ.
 Не злата труба вострубила,
 Не она звонко возговорила,
 Возговорилъ рѣчь Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Ой, вы гой еси, братцы, атаманы казацкіе!
 Вы послушайте да мнѣ думушку пораздумайте:
 Не корыстна у насъ шутка зашучена,
 И какъ намъ на то будетъ ответствовать?
 Въ Астрахани намъ жить нельзя,
 А на Волгъ жить – все ворами слыть.
 На Яикъ итти – переходъ великъ,
 На Москву итти – перехватанымъ быть.
 Подъ Казань итти – грозень царь стоитъ,
 Грозень царь Иванъ, сынъ Васильевичъ:
 Онъ послалъ на насъ рать великую,
 Рать великую въ сорокъ тысячей...
 Такъ пойдете-жь мы въ Усольѣ къ Строгановымъ»...

№ 2

Какъ на славныхъ на степяхъ

ЗАПѢВЪ

Какъ на славныхъ на степяхъ

ХОРЪ

бы - ло са - ра - тов - скихъ, что по - ни - же

бы - ло го - ро - да Са - ра - то - ва, а по -

вы - ше бы - ло го - ро - да Ка - мы - ши - на.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
 Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Камышина,
 Собирались тамъ казаки, люди вольные;
 Собиралися они во единый кругъ.
 Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Есаулъ у нихъ Останка, сынъ Лаврентьевичъ.
 Они думали думушку все единую:
 Ужь какъ льто проходить, льто теплое,
 А зима настаетъ холодная:
 Какъ и гдѣ-то намъ зимовать будетъ.
 На Яикъ намъ итти, да переходъ великъ;
 Да на Волгѣ ходить, все ворами слыть;

Подъ Казань-градъ итти, да тамъ царь стоитъ,
Какъ Грозный-то царь, Иванъ Васильевичъ:
У него тамъ силы много множество.
Да тебъ, Ермаку, быть тамъ повъшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ.
Какъ ни золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговорила,
Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
«Гей, думайте, братцы, подумайте!
И меня, Ермака, братцы, послушайте!
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани:
Да зимою мы, братцы, поисправимся.
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ.
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ по синему морю, по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка всецарскаго,
Какъ тово-то вѣдь посланничка персидскаго».

Какъ во славномъ было городъ

Какъ во славномъ было городъ во Астрахани,
 На широкой, на ровной было площади:
 Собирались казаки во единый кругъ:
 Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую:
 Какъ зима-то проходить все холодная,
 Какъ и лѣто настаетъ, лѣто теплое;
 Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ итти.
 Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Ой, вы, гой еси, атаманы-молодцы!
 Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
 Забивайте вы кочета еловые.
 Накладайте бабаички сосновыя:
 Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
 Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкъ.
 Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
 Доберемся мы до царства басурманскаго,
 Завоюемъ мы царство Сибирское,
 Покоримъ мы его, братцы, Царю Бѣлому,
 А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ;
 А за то государь-царь насъ пожалуетъ.
 Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу-царю,
 Я надѣну тогда шубу соболиную,
 Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 Принесу я Царю Бѣлому повинную:
 Ой, ты, гой еси, Надежда, православный Царь!
 Не вели меня казнить, вели рѣчь говорить;
 Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Какъ и я-то гулялъ по синю морю,
 Что по синю морю, по Хвалынскому;
 Какъ и я-то разбивалъ бусы корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли все не орленые.
 А теперича, Надежда, православный Царь,
 Какъ и грозный – ты Царь, Иванъ Васильевичъ,
 Приношу тебѣ мою буйную голову,
 А съ буйной головой и царство Сибирское».
 «Ой, ты, гой еси, Ермакъ, Сынъ Тимофеевичъ!
 Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ;
 Я прощаю тебя за твою службу,
 За твою-то ли службу мнѣ за врную...»

№ 4

Появился въ Сибири славный крѣпкій казакъ

ЗАПѢВЪ

Умѣренно

Про - я - вил - ся въ Си - би - ри слав - ный, крѣп - кій ка - закъ.

Про - я - вил - ся въ Си - би - ри слав - ный, крѣп - кій ка - закъ.

Появился въ Сибири
 Славный крѣпкій казакъ,
 Славный крѣпкій казакъ, —
 По прозванью Ермакъ.
 Ужъ какъ этотъ казакъ-то
 Онъ повсюду всѣхъ билъ,
 Онъ повсюду всѣхъ билъ
 И Сибирь покорилъ.
 Покоривши Сибирь-то,
 Челобитну къ Царю,
 Челобитну къ Царю
 Онъ съ послами послалъ.
 Гой, надежда ли ты же,
 Православный нашъ Царь!
 Не вели ты казнить,
 Вели рѣчь говорить:
 Ужъ какъ я-то Ермакъ ли,
 Я винюсь предъ тобой,
 За вину-то я шлю
 Въ даръ Сибири землю.

Ну, ребята, за работу!

ХОРЪ

Ну, ре - бя - та, за ра - бо - ту! Чел - но - ки спус - кай - те
 въ во - ду, за - би - вай те ко - че - та, за - кла - дай - те ве - сель - ца.

Ну, ребята, за работу!
 Челноки спускайте в воду,
 Забивайте кочета,
 Закладайте весельца.
 Мы нагреемъ, братцы, съ гикомъ
 На Чусовую рѣку,
 Баранчей пройдемъ, Тагиломъ,
 Попадемъ и въ Епанчу.
 Тамъ царя, князька Кучума,
 Мы въ полонъ къ себѣ возьмемъ:
 Не откупится дарами, —
 Его царство заберемъ*.

* Эта пѣсня, а также и слѣдующая за ней были отысканы въ заброшенныхъ нотахъ престарѣлой пианистки и пѣвицы, коренной сибирячки, проживавшей въ г. Омскѣ, и пѣты соединеннымъ хоромъ учащихся мужской гимназiи и учительской семинарiи въ 1882 г. въ день празднованiя 300-лѣтiя покоренiя Сибири.

№ 6

Мы, казаки, гурьбой

Мы, ка - за - ки, гурь - бой по чис-

ту по по - лю и по мо - рю си-

ню все ша - та - ли - ся; И чу-

жо - го по - сла со всѣмъ вой - скомъ е - го мы у-

сту - ка ли сво - ей во - ле ю. Но те -

p

пе - ри - ча, Царь, мы не - сьмъ Те - бѣ въ даръ всю Си -

би - ри зем - лю, всѣ на - ро - ды е -

я. Будь и тамъ Ты ца - ремъ, какъ въ Рос - сій - ской зем -

ль, будь и тамъ Ты Ца - ремь — По - кро - ви - те

лемь, По - кро - ви - те - лемь.

Мы, казаки, гурьбой
 По чисту по полю
 И по морю синю
 Все шаталися;
 И чужого посла
 Со всѣмъ войскомъ его
 Мы устукали
 Свою волею.
 Но теперича, Царь,
 Мы несемъ Тебѣ въ даръ
 Всю Сибири землю,
 Всѣ народы ея:
 Будь и тамъ Ты Царемъ,
 Какъ въ Россійской землѣ
 Будь и тамъ Ты Царемъ —
 Покровителемъ*.

* См. примѣчаніе предыдущей пѣсни.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ*
 (Смерть Ермака
 въ ночь съ 5-го на 6-е августа 1585 года)

ЗАПѢВЪ БАРИТОНА

Смешанный хор

Свободно-спокойно

Ре - вѣ - ла бу - ря, дождь шумѣлъ, во мря - къ мол - ні - и бли - ста - ли;

ХОРЪ *pp* Мм. Мм.

И без - пре - рыв - но громъ гре - мѣлъ, и вѣ - тры въ де - бряхъ бу - ше - ва - ли.

f

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ

ЗАПѢВЪ

Свободно-спокойно

Ре - вѣ - ла бу - ря, дождь шумѣлъ, во мря - къ мол - ні - и бли - ста - ли;

ХОРЪ

И без - пре - рыв - но громъ гре - мѣлъ, и вѣ - тры въ де - бряхъ бу - ше - ва - ли. // ва - ли.

1 2

* По изслѣдованію Г.Е. Катанаева, Ермакъ утонулъ въ р. Иртышъ въ ночь съ 5-го на 6-е августа 1585 года.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи блистали;
И непрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славу страстию дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣды и грома звучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.
«О спите, спите», – мнилъ герой:
«Друзья, подѣ бурей ревушей,
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
Ко славу или на смерть зовущій!»

«Вамъ нуженъ отдыхъ: сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоить;
Въ мечтахъ напомнить славу онъ
И силы ратниковъ удвоить.
Кто жизни не щадишь своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая.

Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни
И за побѣды заслуживъ Благословенія отчизны!..
Намъ смерть не можетъ быть страшна,
Свое мы дѣло совершили;
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно въ міръ жили!»

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ:
Во мракѣ молніи блистали,
И непрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ:
Вздымались сѣдыя волны
И рассыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бѣла о брегѣ казачьи челны.

Съ вождемъ покой въ объятыхъ сна
Дружина храбрая вкушала,
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать, презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ –
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна
И, гибель зря, стремится въ волны:
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ берега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ –
И мощною рукой своей
Валы съдые разсѣкаетъ...

Плыветъ... Ужъ близко челнока,
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь – даръ царя –
Сталъ гибели его виною.

Ревела буря... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ желѣзной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ.
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Ой, на гори тай женцы жнуть

Ой, на гори тай женцы жнуть,
А по пидь горою,
По пидь зеленою,
Козаки йдуть.
Гей! козаки идуть.

Попереду Дорошенко
Веде свое вйско,
Веде Запоризско
Хорошенько.
Гей! хорошенько.

Посредыни панъ хорунжій.
Пидь нымъ коныченько,
Пидь нымъ вороненькій,
Сильно дужій.
Гей! сильно дужій.

А позаду Сагайдачный,
Що проминявъ жинку
На тютюнь да люльку.
Необачный.
Гей! необачный.

Мыни съ жинкой не возыться.
А тютюнь та люлька
Казаку въ дорози
Знадобиться.
Гей! знадобиться*.

---

* Въ 1619 году въ Сибирскіе казаки было зачислено 40 запорожскихъ казаковъ, а въ 1770 году – 137 запорожцевъ изъ партіи Желъзняка и Гонты, сосланныхъ на Прьсногорьковскую линію, гдѣ они до сихъ поръ и вспоминаются этой пѣсней.

Пѣвецъ молодой, судьбой гонимый

ЗАПѢВЪ
Спокойно

Напев сибирских казаков

Пѣ - вецъ мла - дой, судь - бой го - ни - мый, при бре - гѣ быстр - ыхъ водъ си - дѣлъ

ХОРЪ

и, грусть - ю скорб - но - ю то - ми - мый, раз - лу - ку

Припев скорес

съ ро - ди - но - ю пѣлъ. Шу - ми, Ир - тыгъ, стру - и - тесь

Медленшее

во - ды, не - си - те грусть мо - ю съ со - бой, а я, ли - шен - ный

здѣсь сво - бо - ды, ды - шу для ро - ди - ны дра - гой.

Пѣвецъ молодой, судьбой гонимый,
При брегѣ быстрыхъ водъ сидѣль
И, грустью скорбною томимый,
Разлуку съ родиною пѣль.

Припѣвъ: Шуми, Иртышъ, струитесь воды,
Несите грусть мою съ собой,
А я, лишенный здѣсь свободы,
Дышу для родины драгой.

Для родины, для сердца милой,
Я въ нихъ все счастье имѣль.
Въ кругу родныхъ, всегда любимый,
Гдѣ радости однѣ лишь пѣль.

Припѣвъ.

Теперь поетъ одну разлуку
Судьбой расторгнутыхъ сердець
И грусть свою ввѣряетъ звуку...
Ужъ не на родинѣ пѣвецъ.

Припѣвъ.

Умолкъ, и вѣжды окропились,
Какъ поблѣднѣлый листь росой.
И струи водъ соединились,
Какъ съ перломъ, съ чистою слезой.*

Припѣвъ.

* Эта пѣсня принадлежитъ одному изъ ссыльно-пленныхъ шведовъ Веттеру — попавшимъ въ Сибирь послѣ побѣды Петра Великаго надъ Карломъ XII и принимавшимъ участіе въ заложеніи крѣпостей на Иртышской линіи (см. примечание къ предыдущей песне; скорее всего, Веттеру принадлежит не сама песня, а запись этой и некоторых другихъ казачьихъ песен. — Ю.Ф.).

№ 10

Какъ въ кованой клѣткѣ
(Дикарь)

Какъ въ ко - ван - ной клѣт - къ дуб - рав - на - я

пти - ца, все жаж - лу я, груст - ный, сво - бод - на - го

дня. На - пра - сно мнѣ бле - щуть при - вѣт -

ны - я ли - ца и доб - ры - е

лю - ди лас - ка ютъ мс - ня.

Какъ въ кованой клѣткѣ дубравная птица,
Все жажду я, грустный, свободнаго дня.
Напрасно мнѣ блещуть привѣтныя лица
И добрые люди ласкають меня.

Мнѣ больно встрѣчаться съ улыбкою ясной,
Мнѣ больно смотрѣть, какъ играетъ заря.
Ахъ, добрые люди, напрасно, напрасно
Хотите вы сдѣлать ручнымъ дикаря!

Вы сами видали, какъ странно и тщетно,
Скрывая улыбку, притворствовалъ я;
Какъ въ обществѣ чинномъ бывала замѣтна
Глухая, лѣсная природа моя.

Природа была мнѣ въ притворствѣ уликой,
Скрывая свою вѣковую красу.
Я росъ на раздольѣ Корелии дикой,
При озерѣ бурномъ, въ дремучемъ лѣсу.

Со мной вы разстались, деревья родныя:
Я помню минуты прощальной поры,
Какъ слезы катились у васъ смоляныя
Густымъ янтаремя изъ-подъ черной коры.

Какъ вы мнѣ, прощаясь, главами кивали,
Даря свой послѣдній прощальный привѣтъ,
И какъ ваши листья по вѣтру шептали:
«Куда ты уходишь, тамъ счастья нѣтъ».

Но я разорвалъ бы печали завѣсу,
Свободною грудью вздохнулъ бы вполне,
Лишь дайте мнѣ лѣсу, дремучаго лѣсу,
Лишь дайте мнѣ волю, свободную мнѣ.

Чтобъ могъ я по-своему горе размыкать,
Въ объятіяхъ природы опять отдохнуть
И праздно-бродячую радость закликать
Хотя на минуту въ разбитую грудь.*

* Эта пѣсня, какъ и предыдущая, также принадлежитъ одному изъ плѣнныхъ шведовъ, сосланныхъ въ Сибирь при Петрѣ Великомъ и зачисленныхъ въ казаки (см. примечаніе къ предыдущей песнѣ — Ю. Ф.).

Сибирский казакъ*

ЗАПѢВЪ

ХОРЪ

Очень скоро, оживленно

Ра - но ут - ромъ ве - сной на ре - дуть крѣ - пост - ной

разъ под - нял - ся пуш - карь по - сѣ - дѣ - лый:

разъ под - нял - ся пуш - карь по - сѣ - дѣ - лый:

бряк - нуль саб - ли коль - цомъ, дер - нуль си - вымъ у - сомъ,

и раз - дулъ свой фи - тиль до - го - рѣ - лый.

* Изъ жизни Сибирскаго казачьяго войска - время киргизскихъ набѣговъ, первая четверть XIX столѣтя.

и раз - дуль свой фи - тиль до - го - рь - лый.

Сибирскій казакъ

Очень скоро. ОЖИВЛЕННО

ЗАПѢВЪ

ХОРЪ

(Вариантъ)

Ра - но ут - ромъ ве - спой на ре - дуть крѣ - пост - ной

разъ под - нял - ся пуш - карь по - съ - дѣ - лый.

разъ под - нял - ся пуш - карь по - съ - дѣ - лый.

бряк - нуль саб - ли коль - цомъ, дер - нуль си - вымъ у - сомъ

и раз - дуль свой фи - тиль до - го - рь - лый.

I

Рано утромъ весной
 На редуть крѣпостной
 Разъ поднялся пушкаръ поспѣтый:

Брякнулъ сабли кольцомъ,
 Дернулъ сивымъ усомъ
 И раздулъ свой фитиль догорѣлый.

Онъ у пушки стоитъ,
 Самъ на крепость глядитъ
 Сквозь прозрачныя волны тумана.

Вотъ мелькнулъ бѣлый флагъ
 У высокихъ палатъ
 Удальца-молодца атамана.

И съ веселымъ лицомъ,
 Осѣняя крестомъ,
 Онъ надъ мѣдною пушкой склонился...

Пламя брызнуло струей,
 Дымъ разлился волной,
 И по крѣпости гуль прокатился.

«Чу, съ редута палятъ,
 Знать сбираться велятъ?!» —
 Казаки казакамъ закричали.

Сабли вмигъ на ремень,
Кивера на бекрень,
И на площадь бѣгомъ побѣжали.

«Что, ребята, палятъ?
Не въ виду-ль супостать?
Не въ походъ ли итти заставляють?»

Наши сабли остры,
Наши кони легки,
Наши ружья въ мишень попадаютъ.

Нашъ Безрукій – отецъ,
Атаманъ-молодецъ,
Поведеть насъ своей головою:

Съ нимъ и въ зиму – весна,
Съ нимъ и смерть намъ красна!»
Кзаки говорятъ межъ собою.

«Тише, стройся въ ряды!
Онъ побѣхаль сюды».
Кзакамъ такъ хорунжий вѣщаетъ.

Ходить взадъ и впередъ,
Командирство ведетъ
И въ ряды казаковъ уставляетъ.

Какъ сибирскій буранъ,
Прискакаль атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе.

Онъ на бѣломъ конѣ,
Карабинъ на спинѣ,
Въ торокахъ пистолеты двойные;

Каска съ бѣлымъ перомъ,
Грудь горитъ серебромъ,
Закаленного сабля булата.

Онъ коня осадилъ,
Черный усъ закрутилъ
И вскричалъ намъ: «Здорово, ребята!»

Завтра солнца восходъ
Собирайтесь въ походъ
У степныхъ дикарей жечь аулы.

И на эту орду
Я вась самъ поведу,
А за мною пойдуть есаулы».

Вдругъ – «ура, атамань!»
Пронеслось по рядамъ,
И казацкая кровь закипѣла.

Громко сабли гремятъ,
Кивера вверхъ летятъ,
И вся площадь, какъ море, стонала...

Лишь одинъ не кричалъ,
Одинокій стоялъ
Онъ, опершись на саблю стальную.

То казакъ молодой,
И любимый женой,
И любившій жену молодую.

Когда холостъ онъ былъ,
Онъ кутилъ и рубилъ
И въ степяхъ гарцевалъ съ удалцами.

Онъ бы радъ на войну, –
Жаль покинуть жену
Съ голубыми, какъ небо, очами.

Вотъ къ обѣднѣ звонятъ,
Казакъ мигомъ врьдъ
И пошли въ Божью церковь молиться,

Да поклономъ земнымъ
Поклониться святымъ
И къ честному кресту приложиться.

Но казакъ молодой
Не спѣшитъ за толпой,
Помолиться святымъ не радѣеть.

Онъ стоитъ, молчаливъ,
И не мертвъ и не живъ, –
Кровь въ груди то кипитъ, то хладѣеть.

Вотъ, одѣтый въ стихарь,
Заклепаль* пономарь
На высокой звоницѣ къ Достойной.

---

* То есть забилъ въ желѣзный листъ, замѣнявшій колоколъ.

Туть казакъ задрожаль,
Жгучей искрой запаль
Червь укора въ душѣ непокойной.

Онъ въ храмъ Божій спѣшитъ,
Но боится вступить
И стоитъ одинокъ у порога.

Онъ глядитъ на народъ
И креста не кладетъ,
И не молится Господу Богу.

Освѣщенъ Божій храмъ
И святой фиміамъ,
Будто ризой, народъ одѣваетъ.

А казаки поютъ
Да поклоны кладутъ,
Атаманъ съ есаульствомъ читаетъ.

Служба кончилась. Вотъ,
Атаманъ напередъ ужъ идетъ,
А за нимъ молодцы-есаулы.

Приложась къ образамъ,
Казаки по домамъ
Разошлись, говоря про аулы.

А казакъ молодой
Съ непокойной душой
Въ церковь Божию робко вступаетъ;

Къ алтарю онъ идетъ,
Тихо старца зоветъ
И съ слезами къ ногамъ упадаетъ:

«Мой отецъ, поспѣши,
Тяжкій грѣхъ разрѣши.
Погибаю я, грѣшный, душою!»

— «Сколько бы грѣхъ ни великъ»,
Говоритъ духовникъ:
«Не утай ничего предо мною!»

И казакъ отвѣчалъ:
«Атаманъ приказалъ
Намъ итти на киргизовъ войною...

Мой отецъ, я женать,
И хоть нѣту ребятъ,
Да все жалко разстаться съ женою!

Я на Бога ропталъ
И своихъ проклиналъ,
Я не шель съ казаками молиться.

И, пришедши потомъ,
Не крестился крестомъ,
Не хотѣлъ къ образамъ приложиться.

Мой отецъ, поспѣши
Тяжкій грѣхъ разрешить, –
Погибаю я, грѣшный, душою!»

– «Грѣхъ твой, чадо, великъ»,
Говорить духовникъ:
«Омрачился ты тяжелой виною;

Но и бездну грѣховъ
Богъ очистить готовъ,
Прибеги лишь къ нему съ покаяньемъ.

Онъ – безъ мѣры любовь,
Уповай лишь, и вновь
Онъ одѣнетъ святымъ одѣяньемъ.

Какъ Христовъ іерей,
Я по власти своей
Отъ грѣховъ всѣхъ тебя разрешаю.

И подъ знамя креста
Супротивныхъ Христа
Поражать я тебя посылаю.

Мужемъ будь, не жалѣй
Крови грѣшной своей
И за братѣй ты жертвуй собою!

Знай, убитыхъ въ конецъ
Ждетъ нетлѣнный вѣнецъ.
Поезжай, сынъ мой, миръ надъ тобою!»

И казакъ молодой
Съ облегченной душой
Божій храмъ, помолясь, оставляетъ.

Онъ приходитъ къ женѣ,
Говорить о войнѣ
И печальну жену утѣшаетъ:

«Не тоскуй, не крушись,
Лучше Богу молись,
Чтобъ отъ смерти меня Онъ избавилъ.

И... чтобъ насъ, казаковъ,
Сохранилъ отъ оковъ
И великой победой прославилъ.

За степями, говорятъ,
Камни грудой лежатъ
И песокъ при рѣкахъ золотистый!»

– «Бисеровъ не бери,
Жемчуговъ не кради
И у женъ дорогія монисты.

Что мнѣ въ тканяхъ цвѣтныхъ,
Что въ камняхъ дорогихъ,
Когда нѣтъ тебя, соколь мой ясный?

Отъ разлучнаго дня
Не утѣшать меня
Ни серебро, ни жемчугъ перекаатный.

Кто-то мнѣ говоритъ:
Мужъ твой будетъ убитъ,
Вотъ ужъ три я слышу-то ночи.

Видно, мнѣ сиротать,
Вѣкъ вдовой вѣковать,
Не видать твои свѣтлыя очи;

Не крутить черныхъ усь,
Не лобзать алыхъ усть,
Не прижать ко груди бѣлоснѣжной.

Твой сыночекъ подрастетъ,
Тятю кликать начнетъ,
Что мнѣ дѣлать тогда безнадежной?..»

И съ сердечной тоской
Тутъ казакъ молодой
Молодую жену обнимаетъ.

«Не тоскуй», – говорит. –
«Я не буду убитъ:
Ведь не всякій въ войнѣ погибаетъ.

И недѣль черезъ пять
Ворочусь я опять
Да съ добычей къ тебе боевою.

Я тебя обниму,
Крѣпко къ сердцу прижму
И у сердца тебя успокою.

Коль паду на войнѣ,
Ты не плачь обо мнѣ,
Не томи свои ясныя очи;

Ожидай ты меня
Не средь бѣлаго дня,
Но во тьмѣ темной ночи.

У воротъ я сойду,
Тихо въ хату войду
И махну посинѣлой рукою.

Ты не бойся меня,
А садись на коня,
Мы поѣдемъ, другъ милый, съ тобою».

Тутъ казакъ замолчалъ,
Три свѣчи засвѣчалъ
И собираться онъ началъ на битву.

Онъ осѣкъ три кремня,
Изготовилъ огня,
Наточилъ свою саблю, какъ бритву.

На другой день съ зарей
Грянулъ гулъ вѣстовой, –
Кзаки лошадей выводили.

Гуль второй разнесло, –
Кзаки на сѣдло,
А за третьимъ – на площадь спѣшили.

Шумно строятся въ рядъ,
Сабли громко гремятъ,
Развилоса казацкое знамя.

Кони борзые ржутъ,
Пыль копытами бьютъ,
И въ глазахъ ихъ свирѣпое пламя.

Вотъ раздался сигналъ,
Пономарь заклепалъ,
И церковны врата отворились.

«Кивера всѣ долой!»
Закричалъ удалой
Есаулъ. Кивера опустились.

Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И святую хоругвь къ ополченью.

А за ними идетъ
Весь церковный причетъ,
Позади іерей въ облаченьи.

«Призовемъ Бога силь!» –
Іерей возгласилъ,
И «Всемирную Славу» запѣли.

По рядамъ онъ ходилъ,
Ополчение кропилъ
Освященной водою въ купели:

«Родъ избранный возстань,
Ополчайся на брань,
Покоряй супротивныхъ подъ ногу!

Укрѣпитъ Богъ боговъ
Васъ на вашихъ враговъ,
Я вручаю васъ Господу Богу».

И, окончивъ обрядъ,
Возвратился назадъ,
И слезами глаза омрачились.

Тихо старцы пошли,
Образа унесли,
И церковны врата затворились.

Весь, какъ пламя огня,
Атаманъ – на коня
И тяжелыми брякнулъ ножами.

Вдругъ, сверкнулъ, какъ стекло,
Длинный мечъ наголо,
И летить молодцемъ предъ рядами.

Вотъ ряды обскакаль:
«Съ Богомъ, дѣти!» – вскричалъ;
Казачи на сѣдлѣ поднялися.

Засверкали мечи,
И орломъ усачи,
Какъ на пирь, на войну понеслися.

II.

Дни со свѣтомъ идутъ,
Ночи съ мракомъ бѣгутъ,
Утро вечеръ прохладный смѣняетъ.

Въ полдень солнце горитъ,
Въ полночь мѣсяць блеститъ,
Часовой по редуту гуляетъ;

И въ полуденный зной
Золотистой волной
Озеренныя зыблются нивы;

И въ раздольи степей
Стадо дикихъ коней
Вьетъ по вѣтру косматыя гривы.

И въ небесной выси,
Будто рати Руси,
Громоносныя движутся тучи;

И, подпора небесъ,
Не шелохнется лѣсъ,
Не играетъ въ степи вихрь летучій.

Все молчало кругомъ.
Утомленнымъ крыломъ
Царь пернатыхъ на землю слетаетъ;

И съ стѣсненной душой
Пѣшеходъ молодой,
Ослабѣвши, шаги ускоряетъ.

Вотъ, громады сошлись,
Молнии въ тучахъ зажглись
И ударилъ Перунъ быстротечный;

Опаленный кругомъ
Съ раздробленнымъ стволомъ
Рухнулъ кедръ, великанъ въковѣчный;

И, дохнувши огнемъ,
Прошумели дождемъ
И песчаную степь наводнили.

Свѣтлый солнечный лучъ
Проглянулъ изъ-за тучъ,
И двѣ радуги сводъ озарили.

Океанъ разсыпной,
Будто конь молодой,
Сребровласую шею вздымаетъ.

Гриву въ космы плететь,
Чуткимъ ухомъ прядеть,
Длинный хвостъ въ три трубы завиваетъ.

Въ надвоздушный предѣл
Царь орелъ полетѣлъ
Осушиться въ потокъ огнистомъ;

И предвѣстникъ весны,
Съ голубой вышины
Закричалъ перерывчатымъ свистомъ...

На курганъ крутомъ
Подъ истлѣвшимъ крестомъ
Молодая казачка сидѣла.

И, склоняся главой
На тополь молодой,
Она грустно на степь все глядѣла.

Изъ развитой косы
Въ беспорядкѣ власы
На лилейную грудь упали.

А на блѣдныхъ щекахъ,
Какъ роса на цвѣтахъ,
Какъ жемчужины, слезы сверкали.

Тихо все, лишь у ногъ
Говорилъ ручеекъ
И прозрачной волной къ ней ласкался;

И съ журчаньемъ ручья
Тихій голосъ ея,
Будто ласточки щебетъ, сливался.

Пѣсня казачки

Полетай, мой голубочекъ!
Полетай, мой сизокрылый,
Черезъ степи, черезъ горы,
Черезъ темныя дубровы!

Отыщи, мой голубочекъ!
Отыщи, мой сизокрылый,
Мою душу, мое сердце,
Моего милого друга!

Опустись, мой голубочекъ!
Опустись, мой сизокрылый,
Легкимъ перышкомъ ко другу,
На его правую руку!

Проворкуй, мой голубочекъ,
Проворкуй, мой сизокрылый,
Моему милому другу
О моей тоскъ-кручинѣ!

Ты лети, мой голубочекъ,
Отъ восхода до заката,
Отдыхай, мой сизокрылый,
Ты во мракъ темной ночи!

Если на небо порою
Набѣжитъ налетна туча,
Ты сокройся, голубочекъ,
Подъ кустомъ частой ракиты!

Если коршунъ, хищна-птица,
Надъ тобой распустишь когти,
Ты запрячься, сизокрылый,
Подъ навѣсистую кровлю!

Ты скажи мнѣ, голубочекъ,
Что ты видѣлъ, мое сердце!
Ты повѣдай, сизокрылый,
Что здоровъ, мой ненаглядный!

Я за вѣсточку любую
Накормлю тебя пшеничкой,
Я за радость за такую
Напою сытой медовой.

Я прижму къ ретиву сердцу,
Сладко, сладко поцѣлюю,
Обвяжу твою головку
Дорогою алой лентой...

III.

Вдругъ песокъ полетѣлъ;
Ясный день потемнѣлъ,
И гроза поднялась отъ восхода:

Громъ отъ громкихъ рѣчей,
Плескъ отъ свѣтлыхъ мечей, —
То казаки летятъ изъ похода.

Пламень грозный въ очахъ,
Кликъ побѣдный въ устахъ,
За спиной понавѣшаны вьюки.

На конѣ боевомъ
Впереди молодцомъ
Выѣзжаетъ удача — Безрукій.

И широкой копной
Вѣетъ песокъ конь степной,
Рветъ узду и храпитъ, и бодрится;

Есаулы за нимъ
Предъ отрядомъ своимъ;
Грозны ихъ загорѣлыя лица.

«Гей, мои трубачи,
Отпустите мечи,
Заиграйте въ трубы боевыя!

Съ хлѣбомъ-солью скорѣй
Пусть встрѣчаютъ гостей
И отворятъ врата крѣпостныя».

И, не медля, заразъ
Атаманскій приказъ
Трубачи-усачи выполняютъ.

Боевой мечъ въ ножны
И трубы со спины,
И походную пѣсню играютъ.

«Гей, скорѣй на редутъ:
Наши, наши идутъ!» –
Закричалъ часовой. И въ минуту –

«Наши, наши идутъ!»
Крича, люди бѣгутъ
Отовсюду толпами къ редуту.

Грянулъ въ пушку пушкарь,
Зазвонилъ пономарь,
И широки врата заскрипѣли.

Изъ отпертыхъ воротъ
Хлынулъ съ шумомъ народъ,
И казаки орломъ налетѣли.

«Въ церковь, храбрый отрядъ!»
Есаулы кричатъ:
«Исполняйте отцовскій обычай!

И къ иконе святой
Вы усердной рукой
Приносите дары изъ добычи!»

Казаки съ коней врьдъ,
Въ Божью церковь спѣшатъ,
Имъ навстрѣчу причетъ со крестами.

Подъ хоругвью святой
Въ ризахъ старецъ съдой
Ихъ встрѣчаетъ святыми словами:

Пастырь.

«Съ нами Богъ, съ нами Богъ!
Онъ возвысилъ нашъ родъ,
Укрѣпилъ Онъ во брани десницы!»

Клиръ.

– «Съ нами Богъ, съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь, языцы!»

Пастырь.

– «Мышцей сильной своей
Укротилъ Онъ звѣрей,
Онъ низвергнулъ коней колесницы».

Клиръ.

– «Съ нами Богъ, съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь, языцы!»

Пастырь.

– «Онъ услышалъ нашъ гласъ,
Онъ сталь крѣпко за насъ,
Онъ явился во блескъ денницы».

Клиръ.

– «Съ нами Богъ, съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь, языцы!»

Пастырь.

– «Онъ щиты ихъ сломилъ,
Ярый огнь воздымилъ,
Вихрь бурный пожралъ ихъ столицы».

Клиръ.

– «Съ нами Богъ, съ нами Богъ!
Супостать изнемогъ,
Мы крѣпки: покоряйтесь, языцы!..»

Старець кончилъ. За нимъ,
За начальствомъ своимъ
Казаци въ Божью церковь вступили.

И съ молитвой въ устахъ
При святыхъ образахъ
Они часть изъ добычи сложили.

И подь громъ пушкарей
Спѣтъ Владыкъ царей
Благодарственный гимнь за спасенныхъ.

И подъ медленный звонъ
Похоронный поклонъ
Возгласили за прахъ убиенныхъ.

Служба кончена; тутъ
Всѣ на площадь бѣгутъ,
Ихъ родные, друзья ожидаютъ;

Сынъ къ отцу, къ брату братъ
Съ полнымъ сердцемъ летятъ
И съ слезами на грудь упадаютъ...

Что жъ казачка? Она,
Въщей грусти полна,
Ищетъ друга милого очами;

Вся на площади рать,
Но его не видать,
Не видать казака межъ рядами.

Не во храмъ ли онъ?
Божій храмъ затворенъ,
Вотъ ограду ключарь запираетъ.

Что жъ онъ къ ней не спешить?
Сердце рвется спросить,
Но вопросъ на устахъ замираетъ.

Вдругъ урядникъ съдой
Подошелъ къ молодой
И взглянулъ на нее со слезами;

Ей кольцо подаетъ:
«Онъ окончилъ походъ»,
И поспѣшными скрылся шагами.

Тутъ, блѣдный полотно,
Съ тихимъ воплемъ она
Недвижима безгласна упала;

Свѣтъ померкнулъ въ очахъ,
Смерть на блѣдныхъ устахъ,
Тихо полная грудь трепетала...

Вотъ съ угрюмымъ челомъ
Ночь свинцовымъ крыломъ
Облекла и поля, и дубравы;

Ночь съ высокихъ небесъ
Сыплеть искрами звѣздъ
И идетъ въ облакахъ шаръ кровавый.

И на ложь крутомъ
Спитъ болѣзненнымъ сномъ
Молодая казачка. Прохладой

Надъ ея головой
Вѣетъ вѣтеръ ночной
И дымится струя надъ лампадой.

Кровь горить, грудь въ огнѣ,
И въ мучительномъ снѣ
Страшный призракъ, какъ червь, сердце гложетъ.

Темнота, тишина,
И зловѣщаго сна
Ни одинъ звукъ живой не тревожитъ.

Вдругъ она поднялась:
Чья-то тѣнь пронеслась
Мимо оконъ и въ мракъ сокрылась.

Вотъ храпѣнье коня,
Вотъ, кольцомъ не звеня,
Дверь тяжелая вдругъ отворилась.

Онъ вошелъ. Страшный видъ:
Весь онъ кровью облитъ,
Страшно впади померкшія очи:

Кости въ кожу вдались,
И уста запеклись,
Мраченъ взоръ, — онъ мрачнѣй темной ночи.

Онъ близъ ложа стоитъ,
Онъ ей въ очи глядитъ,
Машетъ онъ посинѣлой рукою.

Это мужъ молодой,
Онъ пришелъ въ тѣмъ ночной
Свой исполнить обѣтъ предъ женою;

И она узнаетъ,
Тихо съ ложа встаетъ
И выходитъ за нимъ молчаливо.

У воротъ черный конь
Бьетъ копытомъ огонь
И трясеть серебристою гривой.

Вмигъ казакъ въ стремяна,
Молодая жена
Съ нимъ, дрожа и блѣднѣя, садится.

Закусивъ удила,
Какъ свинець, какъ стрѣла,
Конь ретивый дорогою мчится.

Вотъ гора, – на лету
Онъ сравнялъ высоту
И несется широкой долиной.

Вотъ рѣка, – чрезъ рѣку
На могучемъ скаку
Онъ сплотилъ берега надъ пучиной.

Скачутъ день, скачутъ два,
Ни жива, ни мертва
И не смѣетъ взглянуть на милого;

Куда путь ихъ лежитъ,
Она хочетъ спросить,
Но боится, – казакъ ни полслова.

Наконецъ, въ день шестой,
Какъ коверъ золотой,
Развернулись степи предъ ними.

И кругомъ пустота,
Лишь вдали три креста
Возвышались въ безбрежной пустынь.

«Вотъ нашъ кровъ, вотъ нашъ домъ,
Подъ лазурнымъ шатромъ!»
Вдругъ промолвилъ казакъ: «Посмотри-же,

Какъ хорошъ онъ на взглядъ,
Что за звѣзды горять,
Что за блескъ-то вдали, что поближе?

Нась тутъ сто казаковъ,
Все лихихъ молодцовъ,
Мы привольно живемъ, не старѣемъ:

Ни печаль, ни болѣзнь
Намъ не вѣдомы здѣсь,
И житейскихъ заботъ не имѣемъ.

Мы и утромъ, и днемъ
Спимъ въ землѣ крѣпкимъ сномъ
До явленья вечерней зарницы;

Но за то при звѣздахъ
Мы гарцуемъ въ степяхъ
До восхода румяной денницы».

Тутъ казакъ задрожалъ,
Конь заржалъ, запрядалъ,
И казачка глядитъ въ изумленьи:

Степь средь бѣлаго дня,
Ни его, ни коня,
Только что-то гудитъ въ отдаленьи.

И въ степи, и одна;
Будто пытка, страшна
Одинокая смерть; озирая

На холмъ насыпномъ
Степь горящу кругомъ,
Ищетъ гѣни казачка младая.

Но кругомъ степь пуста:
Ни травы, ни куста,
Ни отѣнка въ сини отдаленной.

Кругомъ небо горитъ,
Воздухъ душень томить,
Что за зной во степи раскаленной!

И на жгучій песокъ,
Какъ увядшій цвѣтокъ,
Задыхаясь, она упадаетъ.

И въ томленьи нѣмомъ,
Сжавши руки крестомъ,
Безнадежно въ степи погибаетъ...

Соберемтесь-ка мы, казаченьки

ЗАПѢВЪ

Умеренно, спокойно

Со - бе - рем - тесь - ка мы, ка - за - чень - ки, во е-

ХОРЪ

ди - ный во кру - жокъ, за - по - см те - ка

мы, ре - бя - туш - ки, «ахъ», но - ву пѣс - ню про се - бя.

The musical score consists of three systems. The first system is a single melodic line with lyrics. The second system is a duet for voice and piano, with the voice part continuing the melody and the piano part providing accompaniment. The third system is also a duet, with the voice part featuring a piano accompaniment that includes a chordal texture. The lyrics are written below the notes.

«Ахъ» повторяется во всѣхъ куплетахъ.

Соберемтесь-ка мы, казаченьки, во единый во кружокъ,
 Запоемте-ка мы, ребятушки, пѣсню нову про себя;
 Мы не сами про себя, да про казачье про житье.
 Хорошо житье казачье, только служба тяжела.
 Ужь мы, ходя, наѣдимся, стоя, выпимся всегда.

Со востоку ли было, со востоку,
 Со восточной стороны,
 Что ни золотая ли трубонька вострубила,
 Не серебряная сипавонька возговорила,
 Тутъ возговорилъ, промолвилъ
 Нашъ отрядный командиръ:
 «Вы послушайте, офицеры со урядничками,

Вы отдайте-ка приказъ строгій по отряду по всему,
Чтобы были наши казаченьки во исправности во всей,
Чтобы ружья были чисты, во замкахъ кремни остры,
Остры шашки отпущены, штыки примкнуты къ ружьямъ.
По утру-то намъ раненько во баталейку итти,
К азіатскому султану хлѣба-соли кушати,
Безъ ножа его тѣло бѣлое приразрушати».

Не двѣ тучки, не двѣ грозныя выкаталися;
Не двѣ силушки, не двѣ арміи съѣзжались:
Съ правой-то сторонушки – сила Бѣлаго Царя,
Съ лѣвой-то сторонушки – азіатская.
Какъ не съ крутыхъ горъ каменьяца покатилися,
Азіатскія головушки съ плечъ валилися...

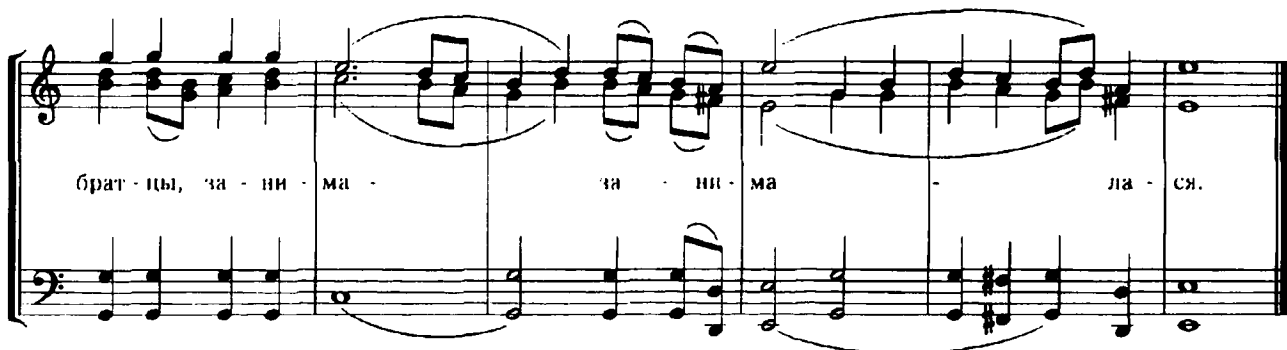
Тобольскій казакъ в обмундировании образца 1774 г.

Не бѣла то заря

ЗАПѢВЪ
Не скоро

ХОРЪ

Слова «Ой да», «братцы» и «ахъ» вставляются в каждомъ куплѣтъ.

Не бѣла то заря,
Зоренька, братцы, занимался,
Не ясно то солнышко,
Братцы, изъ горъ выкаталося.

Мы, Сибирскіе казаки

Мы, Сибирскіе казаки,
Удалые молодцы.

Припѣвъ: Ай люли, ай люли, —
Удалые молодцы.

Мы лихіе на коняхъ,
Славны въ мирѣ и войнахъ.

Припѣвъ: Ай люли, ай люли, —
Славны въ мирѣ и войнахъ.

Пѣсню нову запоемъ,
Не ударимъ въ грязь лицомъ.

Припѣвъ.

Пикой, шашкой и ружьемъ
Всю Сибирь мы бережемъ.

Припѣвъ.

Перейдемъ лишь мы за грань
Азіатскую бить дрянъ.

Припѣвъ.

Мы возьмемъ киргизъ въ полонъ
Одной горстью милліонъ.

Припѣвъ.

Покоримъ мы для ЦАРЯ
Степи, горы и моря.

Припѣвъ.

Съ мая перваго числа
Насылались ордена.

Припѣвъ.

Насылались ордена
Во всѣ разные полки.

Припѣвъ.

Съ мая пятого числа
Намъ и въ лагерь выступать.

Припѣвъ.

Казаци въ лагерь идутъ,
Сами пѣсенку поютъ.

Припѣвъ.

Прочи ѣдутъ – всѣ молчатъ,
Только шпорами звенятъ.

Припѣвъ.

Флюгерки на пикахъ вѣютъ,
Отцы-матери жалѣютъ.

Припѣвъ.

Казаци на водопой,
Всѣ дѣвицы за водой.

Припѣвъ.

Въ поводахъ кони играютъ,
У дѣвицъ ведра ломаютъ.

Припѣвъ.

Кони въ сѣдлахъ, въ удилахъ,
Жить веселье въ казакахъ.

Припѣвъ.

По линіи, по границѣ
Въ образцовой амуницѣ.

Припѣвъ.

Животы туго подтянемъ,
Груди выставимъ впередъ.

Припѣвъ.

Груди выставимъ впередъ, —
Царь по фронту къ намъ идетъ.

Припѣвъ.

Царь по фронту обходилъ,
Похвальбой насъ наградилъ:

Припѣвъ.

«Ну, спасибо вамъ, ребята,
Мое войско — казаки!»

Припѣвъ.

Вы умѣете служить,
Молодцы и взвеселить!»

Припѣвъ.

* Пѣсня начала XIX столѣтія, когда Сибирскому казачьему войску (въ 1812 году) было *ВЫСОЧАЙШЕ* пожаловано имѣть на пикахъ флюгера «въ вѣщѣе отличіе усердія и исправности на *ВЫСОЧАЙШЕЙ* службѣ».

Засвистали казаченьки

ЗАПЪВЪ
Медленно

Да за - сви - ста - ли ка - за - чень - ки въ по - ходъ съ по - лу - но -

ХОРЪ

съ по - лу - но - чи, — за - пла - ка - ла Ма - ру -

сень - ка сво - и яс - ны о - чи.

«Да» удерживается предъ каждымъ куплетомъ.

Засвистали казаченьки
 Въ походъ съ полуночи, —
 Заплакала Марусенька
 Свои ясны очи.
 Не плачь, не плачь, Марусенька:
 Мы возьмемъ тебя съ собою,
 Мы возьмемъ тебя съ собою,
 Назовемъ сестрой, родною.
 Не сестрою, не родною,
 Женой своей молодою.

Во Сибири казаковъ

Во Сибири казаковъ
Состоить десять полковъ;
Изо всѣхъ-то изъ полковъ
На отличку первый полкъ.

Припѣвъ: - Вотъ люли, вотъ люли, на
отличку первый полкъ.

Мы во фронтъ всѣ стояли,
Атамана къ себѣ ждали.
Вотъ, подъѣхалъ Атаманъ
На лихомъ Чубарь-шайтанъ;

Припѣвъ.

Онъ по фронту проскакалъ
И приветливо сказалъ:
«Ну, здорово! Радъ васъ видѣть,
Удалые молодцы!»

Припѣвъ.

— Ужъ какъ вы-то молодцы,
Царю вѣрные сыны,
Неусыпны и лихи
Все Сибирски Казаки!*

Припѣвъ.

---

* Пѣсня первой половины XIX столѣтїя.

Прощай, отецъ

Прощай, отецъ и мать родная;
Простите сына своего;
Прощайте, дни мои златые,
Святого дѣтства моего.
Теперь пришла за мною служба,
Пушусь и я въ незнамый край,
Оставлю здѣсь любовь и дружбу,
Оставлю мой родимый край.
Прощай, страна моя родная;
Прощайте всѣ, мои друзья;
Прощай, невеста дорогая,
Прощай же, милая моя!
Ударивъ плеткою гнѣдого,
Казакъ исчезъ изъ глазъ родныхъ,
И, ободряя удалого,
Онъ мчится въ край враговъ степныхъ.

* Эта пѣсня, а также и двѣ слѣдующія за нею относятся къ началу XIX вѣка.

Изъ похода возвращался

Изъ похода возвращался
Въ край родной казакъ лихой
И къ коню онъ обращался
Съ рвчью, трепетно, такой:

«О, неси жъ скорей, товарищъ,
Къ хатъ милой ты меня,
Ужъ тебя теперь, товарищъ,
Отпущу на волю я.

Понялъ друга конь – побѣдный,
Онъ быстрый, быстрый скакалъ,
И все ближе къ дому вѣрный
Казаченька приближалъ.

Вотъ знакомымъ переулкомъ
Рысью конь уже бѣжалъ;
Вотъ казакъ и передъ домомъ...
Но его онъ не узналъ.

Видитъ, дворъ весь разгороженъ,
Домъ обветшалъ и пустой:
Онъ давнымъ-давно заброшенъ
И заросъ густой травой.

Вотъ, его сосѣдъ встречаетъ;
Подойдя къ нему сказалъ:
«Здравствуй, другъ!» и добавляетъ:
«Богъ нашъ фарпость наказалъ,

Насъ сгубили бусурманы,
Многихъ въ кладбище снесли,
А твоихъ родныхъ могилы
Всѣ травой ужъ поросли...»

Выступимъ, ребята, въ поле

Выступимъ, ребята, въ поле,
Полно намъ въ квартирахъ жить,
Хотя волей иль неволей
Мы должны въ походъ сходить!
Со любезными разстаться
Мы должны, – всѣ говорятъ;
Вѣдь не въ первый разъ придется
Вамъ теперь ихъ покидать.
Служба-то казачья доля,
И ея надъ нами власть.
Если намъ случится драться
Съ непріателемъ когда,
Станемъ дружно защищаться,
Побѣдимъ врага всегда.
Государь насъ одѣваетъ
И велитъ поить-кормить,
И за службу награждаетъ,
Лишь сумѣй то заслужить.

Что не соколы крылаты
(Въ память 1812 года)

ЗАПѢВЪ

Что не со - ко - лы кры - ла ты

чу - ютъ сол - неч - сый вос - ходъ,

ХОРЪ

Бѣ - ла - го - Ца - ря ка -

за - ки со - би - ра

ют - ся въ по - ходъ. Бѣ - ла - го Ца -

Что не соколы крылаты
Чуют солнечный восходъ, —
Благо Царя казаки
Собираются въ походъ.

Взоръ ихъ мужествомъ пылаетъ,
Грудь отвагою полна,
Память славы созываетъ
На поля Бородина.

Гдѣ подъ знаменемъ француза
Ото всѣхъ концовъ земли,
Словно волны океана,
Тьмы народа притекли.

Въ битвѣ съ цѣлою вселенной
Трудно было устоять,
Но гдѣ Царь — Благословенный,
Тамъ и Божья благодать.

Вотъ, съ пригорка батарея
Шлетъ имъ ядра на поклонъ;
Зашаталися злодѣи,
Захмелѣлъ Наполеонъ.

«Смерть врагамъ!» — сказалъ Кутузовъ,
И съ дружиною своей
Началъ подчевать французовъ
По-казачьи, безъ затѣй!

Мы жили, не тужили

Мы жили, не тужили, –
То за Чуемъ за рѣкой;
День и ночь мы все слѣдили
За неверною ордой.

Вотъ, явился командиръ нашъ,
Слово ласково сказалъ:
– Здравствуй, славные ребята,
Государевы слуги!

Что, наскучило, ребята,
Вамъ все время жить въ степи?
Подождите – супостата
Скоро сломятъ казаки.

– Свѣтитъ солнце въ небѣ ясно,
Пригрѣваетъ всѣхъ людей, –
Мы не тужимъ понапрасно
Бережемъ своихъ коней.

Когда лошадь подо мною,
Тогда Богъ всегда со мной.
Стремено меня накормить,
Остра шашка напоить;

Огнестрѣльное ль ружье-то
Сохраняетъ насъ оно;
Долгомѣрное копье-то
Страхъ наводитъ ужъ давно.

Смерть летала надо мной,
И сказала, что – не мой;
Ты воротись домой
Ко любезной ко своей.

Если жъ кто изъ насъ погибнетъ,
На могилу прилетитъ
Жадный воронъ; онъ какъ всюду,
Карръ! печально прокричитъ.*

---

* Пѣсня конца первой половины XIX столѣтїя.

Ужъ какъ шли-прошли казаки
 (На смерть хорунжаго Рытова)*

ЗАПѢВЪ

Ужъ какъ шли про - шли ка - за - ки

ХОРЪ

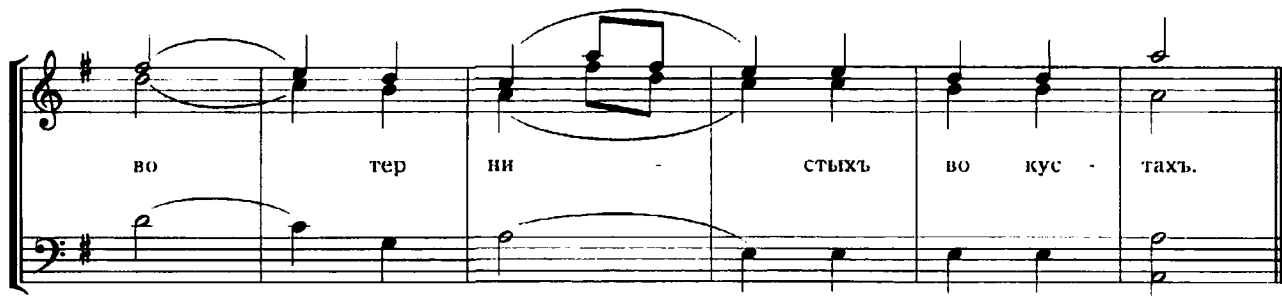
съ Чу - я те - пла - го, какъ со той ли со до-

бы - чи шли со про - мы - сла; ста - по - вьемъ -

то ста - по - ви - лись въ У - лу - тав - скихъ

во го - рахъ, въ У - лу - тав - скихъ во го - рахъ,

* 7 декабря 1897 года.

Ужь какъ шли – прошли казаки съ Чуя теплаго,
 Какъ со той ли со добычи шли со промысла;
 Становьемъ-то становились въ Улутавскихъ во горахъ,
 Въ Улутавскихъ во горахъ, во тернистыхъ во кустахъ.
 Разсѣдлавши добрыхъ коней, спотреножили;
 Спотреноживъ, добрыхъ коней въ поле пустили.
 А потомъ наши казаки промахъ сдѣлали большой:
 Не поставивъ карауловъ, они спать скоро легли.
 Подсмотрѣлъ ихъ, подглядѣлъ тутъ молодой шельма-киргизъ;
 Онъ кидался и бросался во всѣ стороны,
 Ужь какъ бросился злодѣй ихъ къ хану грозному:
 «Ой, ты, гой еси, султанъ нашъ, азiатской земли ханъ,
 Не вели меня казнить ты, слово дай сказать!
 Ужь ты дай мнѣ силу крѣпку, людей множество;
 Много множество людей мнѣ, сорокъ тысячъ человекъ;
 Сорокъ тысячъ человекъ на пятьдесятъ пять казаковъ».
 Высылалъ тогда султанъ тотъ — одну тысячу.
 Тутъ три дня мы все рубились день до вечера,
 Всю осенню темну ночьку вплоть до бѣлаго до свѣта.
 Не достало у казаковъ свинцу, пороху тогда,
 Тутъ сказалъ-то имъ промолвилъ ихъ начальничекъ:
 Ихъ отрядный командиръ да Рытов **(32)** есаулъ:
 «Еще кто, братцы, ребята, посмѣлѣе всѣхъ изъ васъ,
 Ужь вы сядьте, казаченьки, на мово добра коня,
 Вы скачите, просѣките силу вражю,
 Ужь вы дайте знать во крѣпость во Актавскую,
 Что осталось насъ лишь тридцать храбрыхъ дюжихъ молодцовъ
 Для борьбы съ ордой лихою, толпой тысячною».
 Вмигъ воспрянули казаки, поднялися всѣ;
 Они бросились на туры* и пробились сквозь,
 Мало лишь кто не былъ раненъ, своей крови не пролилъ,
 А отрядный командиръ ихъ – онъ въ бою на вѣкъ почилъ.

* Осаждавшіе сидѣли за турами.

Туры – плетеные из прутьев или хвороста цилиндрические корзины без дна, наполнявшіеся землей и применявшіеся для устройства насыпей при возведении полевых укреплений и строительстве различных укрытий от пуль и снарядов. Ставились отвесно. (Примеч. Ю.Ф.)

Соберемтеся, ребята

Соберемтеся, ребята,
 На пригорокъ постоять.
 На пригорокъ постоять,
 Про бывое разсказать.
 Какъ въ Капалъ мы въ отрядъ
 Проводили день за днемъ.
 Когда раннею весною
 Намъ объявленъ былъ походъ.
 Тутъ мы разомъ собралися,
 Намъ скомандовали «маршъ».
 Мы, какъ птицы, понеслися,
 Пыль оставивъ за собой.
 По киргизскимъ шли ауламъ
 Осторожно день и ночь.
 Азіаты насъ ласкали,
 Провожали, какъ друзей.
 Не взирая на ихъ ласки,
 Мы судили межъ собой:
 Это врагъ нашъ – испоконный,
 Это нашъ такой ужъ взглядъ.
 Дней чрезъ десять рѣку Или
 Мы увидѣли. Въ чалмъ
 Хитръ султанъ Аблай, мятежникъ,
 Со муллою встрѣтилъ насъ.
 По киргизской онъ привычкѣ
 Обласкать тоже хотѣлъ:
 Приведа отрядъ къ аулу,
 Задалъ пышный намъ обѣдъ.
 По киргизскому обряду
 Сдѣлалъ онъ для насъ байгу*.
 Увлекаяся коварствомъ,
 Быть взялся онъ вожакомъ;
 На другой день къ укрѣпленію
 Въ тѣневы привелъ мѣста.
 Нашъ начальникъ былъ не робкій,
 Сдѣлалъ выстрѣлъ по стѣнамъ:
 И въ отвѣтъ намъ просвистѣло
 Грозно пушечно ядро.

---

* Гладкія скачки.

Завязалась, потянулась
 Перестрѣлка день и ночь.
 Мы подкопами ходили,
 Чтобъ чрезъ рвы къ стѣнамъ попасть.
 Несмотря на явну гибель,
 Очутились мы у стѣнъ;
 Инструменты приложили, —
 У враговъ стѣны крѣпки.
 Намъ прискорбно было слушать
 Сигналь русскія трубы:
 Протрубили отступление, —
 И невольно были мы
 Расчищать себѣ дорогу,
 Безъ пощады бить киргизъ.
 У нихъ храбрый былъ наѣздникъ
 Чанчарь-батыръ, ихъ султанъ:
 Безъ боязни къ русской цѣпи
 Всѣхъ онъ ближе подскакалъ.
 Чудно дернули ребята:
 Конь бѣжить, султанъ повисъ...
 Такъ сразили супостата,
 Такъ убить лихой киргизъ*.

* Пѣсня о походѣ 2-хъ сотенъ Сибирскаго казачьяго войска къ укрѣпленію Таучубекъ 19 апрѣля 1850 года.

На годичной мы служили
(Преслѣдованіе дикокаменныхъ киргизъ въ 1855 году)

На годичной мы служили
 Въ укрѣпленьи Алматахъ* .
 Дни за днями проводили
 Тихо, смирно въ волостяхъ.
 Той-Чубекъ, подлець разбитый.
 Онъ убрался за хребеть:
 Онъ за Чу рѣкой стояль,
 У Ташкентскихъ у границъ,
 Противъ русскихъ возмущалъ
 Дикокаменныхъ киргизъ.
 Булюкпаевъ родъ богатый,
 Онъ послушалъ его словъ,
 Съ ташкентскими вожатыми
 Ихъ чортъ бросилъ, какъ ослось:
 Вздумалъ къ русскимъ онъ явиться,
 Удальство намъ показать.
 Въ октябръ, въ осенній мѣсяць,
 Часовъ въ десять въ темну ночь, —
 Напрокудили въ отрядъ
 И бѣжали за Чу прочь.
 Нашъ полковникъ Хаментовскій**
 Тотчасъ подалъ намъ совѣтъ —
 Долго мѣшкать нетаковскій, —
 Далъ приказъ: «Утра чуть свѣтъ
 Наказать этихъ злодѣевъ
 Шашкой, пулей и штыкомъ,
 Чтобъ не смѣли вору больше
 Къ русскимъ носа показать».
 Казакамъ ли мѣшкать дѣло,
 Сборъ трубятъ — идти въ походъ,
 Наше сердце закипѣло,
 Ногу въ стремя и маршъ въ ходъ.
 На дождъ мы всѣ промокли,
 Оставался сзади кошъ.
 Черезъ хребеть мы Алатау
 Ночью щелью перешли.

* Городъ Вѣрный (Семирѣченской области).

** Приставъ киргизъ Большой орды.

На свѣту мѣста – кыставы
 Булюкпаевыхъ нашли.
 Господинъ майоръ Шайтановъ
 Насъ повзводно разсчиталъ.
 Отобравъ народъ отрядный,
 Бутакову подѣ власть далъ.
 Мы пустились ихъ слѣдами
 На прибавленной рыси,
 Дружно взводами бѣжали,
 Впереди всѣхъ Есауль.
 Черезъ полчаса явились,
 Какъ орлы, на ихъ ауль.
 «Алла» вскрикнуть не успѣли, –
 Расчесали всю орду.
 Хотя съ горъ пули свистѣли
 Между нами вдоль и вкось.
 Скотъ и женъ его забрали
 А бойцамъ пощады нѣтъ...
 Когда съ горъ на доль спустились, –
 Въ Алматы назадъ пошли,
 Нашъ полковникъ Хаментовскій
 Къ намъ навстрѣчу выѣзжалъ,
 Насъ съ побѣдой поздравлялъ.*

* Пѣсня эта сложена въ 1855 году по поводу похода отряда Сибирскихъ казаковъ для наказанія Дикокаменныхъ киргизъ за угонъ лошадей нашихъ подданныхъ киргизъ.

Казаки, вѣрные сыны*

(На смерть Соловцева)

Казаки, вѣрные сыны,
 Среди костекской мы долины!
 Всѣ трудности для насъ легки,
 Коль конь мой вѣрный предо мной.
 Съдлаю вѣрнаго коня.
 Ретивое трепетуетъ
 И съ тихой думой о себѣ,
 Мы завтра ожидаемъ бой:
 Трехгранна пика на бедрѣ,
 Отъ глаза птица не уйдетъ.
 Мы Каратальцевъ не нашли, —
 Причина та, что всѣ запали,
 Но мы въ Коканъ городъ пришли,
 Гдѣ насъ совсемъ никто не ждалъ.
 Ихъ девять тысячъ было душъ...
 Насъ вывелъ въ поле Соловцевъ,
 Бородину держать велѣлъ
 Стрѣлками праву сторону,
 Самъ вздумалъ храбрость показать
 Предъ своими казаками:
 Одинъ влетѣлъ въ толпу киргизъ. —
 И жизнь свою окончилъ тутъ:
 Его, какъ звѣря, окружили,
 Отсѣкли голову напрочь.
 «Ура!» вскричали казаки:
 «За командирской головой,
 Омоемъ шашки и штыки
 Мы алой кровью басурман».

* Кокъ-Мурунское дѣло 6 сентября 1858 г. — когда Штабсъ-Капитанъ Соловцевъ, не дождавшись главныхъ силъ своихъ, одинъ бросился въ 9000 толпу коканцевъ и былъ моментально, предъ глазами горстки казаковъ, обезглавленъ.

Ахъ, ты поле мое

ЗАПѢВЪ Умеренно ХОРЪ

«Ахъ, ты по-ле да, по-ле че-сто-

е! Ты раз-доль-е мо-е, по-ле ши-ро-ко-е.

Для запѣва повторяется конец куплета. Слова «Да» удерживаются во всѣх куплетахъ.

Ахъ, ты поле мое,
 Поле чистое!
 Ты раздолье мое,
 Ты широкое.
 Ничего ты, поле,
 Не спородило:
 Спородило лишь ты
 Цѣпь Ултавскихъ горъ.
 Какъ на тѣхъ-то горахъ
 Часть ракетовъ кустъ.
 Какъ подъ тѣмъ-то кустомъ
 Младъ казакъ лежитъ:
 Не на отдыхъ онъ, —
 Весь израненный:
 Въ головахъ у него
 Шапка черная;
 Во рукахъ казака —
 Шашка острая,

Во ногахъ казака
Его вѣрный конь.
Умирая, казакъ,
Онъ наказывалъ:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь,
Другъ-товарищъ мой!
Ты бѣги-ка, мой конь,
Въ родну сторону,
Разскажи-ка, мой конь,
Родну батюшкѣ,
Поклонись-ка, мой конь,
Родной матушкѣ:
Какъ служилъ-то я все
Царю-Батюшкѣ,
Какъ рубилъ и кололъ
Враговъ родины,
Какъ пролилъ свою кровь
За землю Руси.
А жень-то скажи, –
Взялъ себѣ я другу.
Меня сватало-то
Копье гранное,
Обвенчала меня
Сабля острая,
Обручился на вѣкъ –
Съ пулей мѣткою».

Эхъ, во лѣсах дремучихъ

ЗАПѢВЪ
Довольно медленно

ХОРЪ

Эхъ, во лѣ - сахъ дре - му - чихъ раз - бой - ни - ки и -

дутъ, и на ру - кахъ мо - гу - чихъ то - ва - ри - ща не - сутъ.

«Эхъ» произносится предъ каждымъ куплетомъ.

Эхъ, во лѣсахъ дремучихъ
 Разбойники идутъ,
 И на рукахъ могучихъ
 Товарища несутъ.
 Носилки не простыя –
 Изъ ружей сложены,
 А поперекъ стальные
 Мечи положены;
 На нихъ лежалъ сраженный
 Товарищъ удалой,
 Въ рядахъ дружины бранной
 Соратникъ ихъ лихой;
 И вся его кольчуга
 Изрублена кругомъ,
 И въ ранахъ весь бѣдняга,
 Струится кровь ручьемъ.
 У ногъ товарищъ вѣрный
 Въ бояхъ съ нимъ – конь идетъ,
 Какъ другъ иль братъ примерный
 Къ нему онъ рѣчь ведетъ:

«Усни ты, мой товарищ,
Усни, мой удалой.
Ты тамъ найдешь, товарищъ,
Отъ всѣхъ тревогъ покой.
Не даромъ въ міръ прожилъ,
Вспомянуть здѣсь тебя:
Ты свой животъ положилъ
Въ Сибири за Царя.
Придетъ пора – оцѣнить
Заслуги предъ Царемъ.
Разбойника звать станутъ
Сибирскимъ казакомъ».

*Казак Сибирского линейного казачьего
войска в строевой форме 1812–1817 годов*

Собиралось усовъ

ЗАПѢВЪ

Умѣренно

Со - би - ра - ло - ся у - совъ до пол - сот - ни мо - лод - цовъ.

ХОРЪ (говорить), ХОРЪ (поеть)

Какъ мы! Эй да у - сы, ахъ, эй у - сы, эй у -

сы, мо - н у - сы, раз - бо - рис - ты - е у - сы.

Собиралось усовъ
До полсотни молодцовъ.
Какъ мы!

Припѣвъ: Эй усы, эй усы,
Эй усы, мои усы,
Разбористые усы.

И на лавкъ-то усы,
И подъ лавкою усы,
Вездъ усы!

Припѣвъ.

На нихъ бѣлыя рубахи,
Все косые ворота.
Любо!

Припѣвъ.

На нихъ черныя папахи,
Все – сърыя шинели,
Служба!

Припѣвъ.

Впереди сидить усище,
Атаманище.
Молодчинище!

Припѣвъ.

Впереди-то онъ сидить,
Ничего не говорить.
Смирно.

Припѣвъ.

Ничего не говорить,
Только усомъ шевелить,
Догадывайся!

Припѣвъ.

*Обер-офицер Сибирского казачьего полка в парадной форме
1845–1855 годов*

Люблю я казаченька

ЗАГІВЪ
Скоро

ХОРЪ

да - рю я ка - за - чень - къ ко - ня во - ро - но - го.

да - рю я ка - за - чень - къ ко - ня во - ро - но - го.

Люблю я казаченька,
Люблю молодого,
Дарю я казаченькъ
Коня вороного.

Коня вороного,
Съделечко ново.
Съделечко ново,
Дружку на подмогу.

Недавно казачекъ
Изъ полка прїѣхаль,
Недавно прїѣхаль,
Опять уѣзжаетъ,

Его любезная
Все плачетъ, рыдаетъ.
    «Ночуй, мой миленькій,
    Хоть одну ты ночку!»

– «Радъ бы я, Настенька,
Не двѣ ночевати,
    Не стануть, милая,
    Товарищи ждати.

Вороные кони
Не будутъ стояти...
    Если заночую,
    Разбуди пораньше,

Рано, ранешенько,
Чтобы не свѣтало,
    Что трубачи-то
    Въ трубы не трубили,

Молоды казаченьки
Коней не сѣдлали.
    Коней не сѣдлали,
    Съ двора не съѣзжали».

– «Не бойся, миленькій,
Рано разбужу я,
    Ранымъ рано, утромъ,
    Рано на зоренькѣ,

Чтобы трубаченьки
Къ зорѣ не играли,
    Млады казаченьки
    Коней не сѣдлали».

Пробудилась Настенька, –
На дворѣ-то свѣтло,
    На дворѣ-то свѣтло,
    Мово дружка нѣту,

Нѣтъ мово милого
Коня вороного.
    «Что-жь ты, любезная,
    Теперь натворила,

На свѣту мѣста – кыставы
 Булюкпаевыхъ нашли.
 Господинъ майоръ Шайтановъ
 Насъ повзводно разсчиталъ.
 Отобравъ народъ отрядный,
 Бутакову подъ власть далъ.
 Мы пустились ихъ слѣдами
 На прибавленной рыси,
 Дружно взводами бѣжали,
 Впереди всѣхъ Есаулъ.
 Черезъ полчаса явились,
 Какъ орлы, на ихъ аулъ.
 «Алла» вскрикнуть не успѣли, –
 Расчесали всю орду.
 Хотя съ горъ пули свистѣли
 Между нами вдоль и вкось.
 Скотъ и женъ его забрали
 А бойцамъ пощады нѣтъ...
 Когда съ горъ на доль спустились, –
 Въ Алматы назадъ пошли,
 Нашъ полковникъ Хаментовскій
 Къ намъ навстрѣчу выѣзжалъ,
 Насъ съ побѣдой поздравлялъ.*

* Пѣсня эта сложена въ 1855 году по поводу похода отряда Сибирскихъ казаковъ для наказанія Дикокаменныхъ киргизъ за угонъ лошадей нашихъ подданныхъ киргизъ.

Казаки, вѣрные сыны* (На смерть Соловцева)

Казаки, вѣрные сыны,
 Среди костекской мы долины!
 Всѣ трудности для насъ легки,
 Коль конь мой вѣрный предо мной.
 Съдлаю вѣрнаго коня.
 Ретивое трепетуетъ
 И съ тихой думой о себѣ,
 Мы завтра ожидаемъ бой:
 Трехгранна пика на бедрѣ,
 Отъ глаза птица не уйдетъ.
 Мы Каратальцевъ не нашли, –
 Причина та, что всѣ запали,
 Но мы въ Коканъ городъ пришли,
 Гдѣ насъ совсемъ никто не ждалъ.
 Ихъ девять тысячъ было душъ...
 Насъ вывелъ въ поле Соловцевъ,
 Бородину держать велѣлъ
 Стрѣлками праву сторону,
 Самъ вздумалъ храбрость показать
 Предъ своими казаками:
 Одинъ влетѣлъ въ толпу киргизъ. –
 И жизнь свою окончилъ тутъ:
 Его, какъ звѣря, окружили,
 Отсѣкли голову напрочь.
 «Ура!» вскричали казаки:
 «За командирской головой,
 Омоемъ шашки и штыки
 Мы алой кровью басурман».

* Кокъ-Мурунское дѣло 6 сентября 1858 г. – когда Штабсъ-Капитанъ Соловцевъ, не дождавшись главныхъ силъ своихъ, одинъ бросился въ 9000 толпу коканцевъ и былъ моментально, предъ глазами горстки казаковъ, обезглавленъ.

Не грусти, моя родная

ХОРЬ

Не грус - ти, мо - я род - на - я, въ чер - ныхъ тра - урныхъ пож - нахъ!

Ско - ро, ис - кра - ми свер - ка - я, за - го - ришься ты въ ру - кахъ.

Не грусти, моя родная,
 Въ черныхъ траурныхъ ножнахъ!
 Скоро, искрами сверкая,
 Загорись ты въ рукахъ.

Тамъ, за темной, синей далью
 Есть старинные враги;
 Не скучай же ты печалью,
 Жди, надѣйся и терпи.

И когда мгновенно грянетъ
 Грохоть пушки боевой,
 Православный Царь возстанетъ
 Гнѣвомъ праведнымъ, грозой.

Послужи ему, родная,
 И по вражьиимъ головамъ
 Ты скачи, крутись, сверкая,
 Въ честь прошедшимъ временамъ.

За Царя, за Русь, за вѣру
Силой, правдой заслужи
И по старому примѣру
Дерзкихъ грозно накажи.

Тогда серебромъ и златомъ
Я украсу рукоять,
А теперь, пока, родная,
Спи, покойся, отдыхай

И о будущемъ мечтая,
Славной брани ожидай!*

КАЗАКЪ-ТРУБАЧЪ.

---

* Одна изъ любимыхъ пѣсень М.Д. Скобелева (36), когда онъ въ чинѣ Штабъ-ротмистра командовалъ 9-й ротой Сибирскаго казачьяго войска, сформированной изъ казаковъ Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ 1-го военного отдѣла въ 60 и 70 годахъ.

Гдѣ мой конь вороной?^{*}

Гдѣ мой конь вороной?
Гдѣ булатный мой мечъ?
Я прощуся съ женой
И помчуся на съчь.

За отчизну побьюсь;
Обо мнѣ не тужи,
Я оттуда вернусь
Со крестомъ на груди.

Не отдамся живой
На добычу врагамъ
И своею рукой,
Кровью выкупъ отдамъ.

Бѣлый царь мнѣ отецъ,
А Россія мнѣ мать.
И въ родствѣ, наконецъ,
Наша храбрая рать.

Такъ прощай-же, жена,
О побѣдѣ молись,
Будь до гроба върна
И не плачь, не томись:

Если жъ въ битвѣ паду
Я отъ вражьей руки, –
Я со славой умру –
Объ одномъ вспомяни.*

---

* Любимая пѣсня командира 1-го полка С. А. Елгаштина, сослуживца М. Д. Скобелева въ концѣ 60 и началѣ 70 годовъ.

Казачій «Тушъ»
(Заздравица)

ЗАПІВЪ
Скоро

То не лѣсь, не тра - ва раз - сти - ла - ет - ся,

ХОРЪ

на - ша буй - на - я го - лов - ка пре - кло - ня - ет - ся.

Сей - часъ наль - емъ, сей - часъ по - пьемъ. За здо-

ро - вье е - го, за хо - зя - и - но - во!

И со ра - до - сти та - кой за - кри - чимъ, брат - цы, у - ра!

Кричать 3 раза «Ура!»

То не лъсь, не трава
Разстиляется,
Наша буйная головка
Преклоняется.
Сейчас нальемъ,
Сейчас попьемъ.
За здоровье его,
За хозяиново!
И со радости такой
Закричимъ, братцы, ура!
Ура, ура, ура!*

*Штаб-офицер и канонир Сибирской конно-артиллерийской
батареи в парадной форме 1816–1829 годов*

---

* Поется во время качанія на рукахъ чествуемаго лица.

Здравствуй, хозяинъ хорошій

Здрав - ствуй, хо - зя - инъ хо - ро - шій! Здрав - ствуй, хо - зя - инъ при -

го - жій! Мы те - бя при - шли по - здра - влять, тво - ихъ го -

стей за - ба - влять.

Здравствуй, хозяинъ хорошій!
 Здравствуй, хозяинъ пригожій!
 Мы тебя пришли поздравлять,
 Твоихъ гостей забавляютъ.
 Что жъ ты стоишь и невесель,
 Что жъ ты головушку повѣсилъ?
 Ну, шевелись поскорѣй,
 Самъ ты за рюмочку берись.
 Рады мы съ тобой веселиться,
 Рады мы до пьяна напиться;
 Намъ съ тобой кажется рай,
 Намъ хоть по рюмочкѣ дай.*

* Одна изъ любимыхъ пѣсень офицеровъ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка, когда они, бывало, сидѣли веселой компаніей.

Расхожая

ЗАПѢВЪ
Скоро

ХОРЪ

Рас - хо - жа - я, разъ - ѣз - жа - я, ко - му спать, но - че - вать,

тоть сте - лись да ло - жись, ко - му ѣ - хать до - мой, — тотъ съ - длай, да сту - пай.

Расхожая, разъѣзжая,
Кому спать, ночевать,
Тоть стелись да ложись,
Кому ѣхать домой, —
Тоть съдлай, да ступай.*

* Традиционный полковой прощальный припев Сибирских офицеров, когда они, сидя в гостях, видят, что пора уходить домой.

Тебя мы ждали

Тебя мы ждали круглый годъ:
Мы ждали съ сильнымъ нетерпѣньемъ:
Такъ сынъ отца къ себѣ не ждетъ,
Съ какимъ встрѣчаемъ восхищеньемъ!

И такъ невѣста не тоскуетъ
Въ разлукѣ съ милымъ женихомъ,
Какъ бѣдный полкъ нашъ изнываетъ,
Грустить въ отсутствіи твоёмъ.

Скажи, безцѣнный командиръ нашъ,
Скажи отрадное намъ слово,
И мы всѣ вспыхнемъ, какъ вулканъ:
Врагамъ гостинцы ужъ готовы.

Прости насъ, мы вѣдь не поэты:
Стиховъ нѣтъ время намъ писать, —
У насъ всѣ чувства такъ согрѣты —
Хотимъ теперь мы воевать.

За вѣру, честь въ бою съ врагами
Мы жизнью жертвуемъ своей.
Готовы сдѣлать женъ вдовами
И встрѣтить тысячу смертей.*

---

* Этой пѣсней казаки и офицеры 1-го Сибирскаго казачьяго полка встрѣчали прежде вновь назначеннаго командира полка.

Мы давно сжились съ степями

(О хивинскомъ походѣ)

ЗАПѢВЪ

Умѣренно, спокойно

Мы дав-но сжились съ сте-пя - ми, мы дав - но при - вык-ли къ нимъ.

ХОРЪ

Передъ ди - ки - ми ор - да - ми мы не въ первый разъ стоимъ.

Пе - редъ ди - ки - ми ор - да - ми мы не въ первый разъ стоимъ.

Мы давно сжились съ степями,
Мы давно привыкли къ нимъ.
Передъ дикими ордами
Мы не въ первый разъ стоимъ.

Повелѣлъ намъ Царь Великій
Подъ Хиву идти въ походъ.
Раздались повсюду клики:
За Царя, за Русь, — впередъ!

Мы чрезъ горы въ непогоду,
Припѣваючи, прошли,
Слава русскому народу,
Дѣти русской мы земли!

Мы прошли всю степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ;
Тамъ онъ ходитъ на просторъ,
Бьетъ съ бархана на барханъ.

Тамъ и птицы не летаютъ,
Лишь песокъ летитъ столбомъ;
Но теперь зато всѣ знаютъ
Какъ шель Кауфман* орломъ.

Тамъ Бекович** въ оны годы
И Перовскій ратовалъ,
Но забыты ихъ походы,
И давно ихъ слѣдъ запалъ.

Слава намъ! Хивинецъ дикій,
Ты предъ нами отступилъ;
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ то довершилъ.

УРЯДНИКЪ.

---

* См. 16 историко-биографического справочника. – Ю.Ф.

** См. 4 там же.

Что вы, братцы, приуныли
(На память о кульджинскомъ походѣ 1871 года)

Не скоро

Что вы, брат - цы, при - у - ны - ли, нын - че празд - нич - ный де - некъ.

Насъ за пѣс - ни все хва - ли - ли, со - бе - рем - те - ся въ кру - жокъ.

ХОРЪ

Гря - немъ пѣ - сню про бы - ло - е, серд - цу бу - деть ве - се - лѣй,

вспом - нимъ вре - мя зо - ло - то - е, какъ сми - ри - ли та - ран - чей.

Что вы, братцы, приуныли,
Нынче праздничный денекъ.
Насъ за пѣсни все хвалили,
Соберемтеся въ кружокъ.

Грянемъ пѣсню про бывшее,
Сердцу будетъ веселѣй,
Вспомнимъ время золотое,
Какъ смирили таранчей.

Это дѣло такъ случилось:
Возлѣ насъ была Кульджа:
Она долго всѣмъ хвалилась,
Что побить ее нельзя.

Услыхалъ про эти вѣсти
Колпаковскій генераль,
Онъ собралъ отрядъ весь вмѣстѣ
И повелъ на переваль.

Когда всѣ войска прибыли
На позицію Таджи,
Намъ молебень отслужили, —
Веселились казаки...

Затѣмъ дѣло разыграли
Подъ мѣстечкомъ Алимты, —
Здѣсь мы лагерь штурмомъ взяли
И разбили всѣ толпы.

СИБИРСКОЕ и СЕМИРЪЧЕНСКОЕ КАЗАЧЬИ ВОЙСКА,

21 октября 1867.

(Парадная и праздничная формы).

Ужь мы грянемъ подь Бухарью

ЗАПѢВЪ

Не скоро

Ужь мы гря - немъ подь Бу - ха - ри - ю въ доб - рый часъ, встре - пе -

ХОРЪ
та - ла что - бы вся о - на отъ насъ. Разъ, два, три, лю - ли лю -

ли лю - ли, встре - пе - та - ла что - бы вся о - на отъ насъ.

Ужь мы грянемъ подь Бухарью въ добрый часъ,
Встрепетала чтобы вся она отъ насъ.

При пѣвѣ: { Разъ-два-три, люли-люли-люли,
Встрепетала чтобы вся она отъ насъ.

Мы, сибирцы, не дадимся какъ-нибудь,
Не подставимъ вамъ подь пули бѣлу грудь.

При пѣвѣ: { Разъ-два-три, люли-люли-люли,
Не подставимъ вамъ подь пули бѣлу грудь.

Мы, казаки, лишь посядемъ на коней,
Переловимъ васъ, Бухарцевъ, какъ гусей.

При пѣвѣ: { Разъ-два-три, люли-люли-люли,
Переловимъ васъ, Бухарцевъ, какъ гусей.

Вы ошиблися въ расчетахъ, чудаки, —
У насъ есть еще сибирскіе стрѣлки.

Припѣвъ.

Намъ зачѣмъ же къ Самарканду подходить,
Намъ хотѣлось лишь Каты-Курганъ разбить.

Припѣвъ.

Ханъ свою землю кидаль
И въ края наши бѣжалъ.
Войско жъ его поднялось,
У Тѣйлау собралось.

Припѣвъ.

Нашъ Полковникъ Елгаштинъ (11)
Онъ пошелъ съ полкомъ одинъ;
Онъ пошелъ съ полкомъ одинъ, —
Отъ Тѣйлау всѣх отбилъ.

Припѣвъ.

Сентября двадцать перва
Въ Наманганъ пришла молва,
Будто снова вся орда
Взбунтовала города.

Припѣвъ.

Фонъ Кауфманъ генераль
Скобелева призываль,
Онъ издалъ ему приказъ, —
Въ Андижанъ итти сейчасъ.

Припѣвъ.

Въ Андижанъ городъ итти,
Небольшой отрядъ вести,
Что пѣхоты батальонъ,
Ракетный дивизионъ.

Припѣвъ.

И сибирцевъ сотни три,
Да орудій до восьми.
Утромъ — солнца чуть восходъ, —
Выступить велѣлъ въ походъ.

Припѣвъ.

Утромъ раннею зарей
Мы на коняхъ вышли въ строй.
Фронтъ Кауфманъ объѣзжалъ, —
«Съ Богомъ, дѣти!» намъ сказалъ.

Припѣвъ.

Охотнички собрались, —
Съ Скобелевымъ (36) понеслись;
Скобелевъ впередъ летѣль,
За нимъ пыли столбъ висѣль.

Припѣвъ.

Къ Андижану принеслись, —
Пули залповъ пронеслись.
Не взирая ни на что,
Мы на штурмъ пошли во все!

Припѣвъ.

Вотъ мы въ крѣпость ворвались,
На Кипчаковъ помчались;
Тутъ Кипчакъ не устоялъ,
Онъ изъ крѣпости бѣжалъ.

Припѣвъ.

Дружно мы вступали въ бой.
На завалахъ съ ордой,
А назадъ когда пошли,
Андижанъ городъ зажгли.

Припѣвъ.

Этой пѣсенкѣ конецъ,
Скобелевъ нашъ молодець,
Предводитель всѣмъ войскамъ
И Сибирскимъ казакамъ!

Припѣвъ.

Изъ Кокандскаго похода

Какъ задумалъ ханъ Кокана
Насъ къ Ходженту всѣхъ прогнать,
Онъ послалъ къ намъ басурмана,
Всѣ пикеты сожигать.

Припѣвъ: { Трахъ – трахъ – тарарахъ } 2 раза
                  { Во сраженьяхъ, на бояхъ. }

Мы того лишь только ждали,
Чтобы дѣло завязать
И давай изъ ружей пули
Имъ въ гостинцы посылать.

Припѣвъ.

Имъ гостинцы посылали,
На глазахъ орды смѣясь.
Орда бѣдна! Мы кричали:
Панцырь вашъ намъ просто мразь!

Припѣвъ.

Понеслися соколами
По кокандскимъ мы мѣстамъ,
И всегда победа съ нами,
Честь и слава казакамъ.

Припѣвъ.

Понеслися соколами,
Перебили, какъ гусей;
Три часа мы пролетали,
Все рубя орду звѣрей.

Припѣвъ.

Фонъ Кауфманъ, герой храбрый,
Онъ главу только поднялъ,
А нашъ Скобелевъ отважный
На ура Коканъ занялъ.

Припѣвъ.

Нашъ отрядъ въ Коканъ вступаетъ,
Ханъ на встрѣчу вышелъ самъ.
Онъ знамена преклоняетъ
И кричитъ: урусъ, аманъ!

Припѣвъ.

Вспомнимъ, братцы, про былое*
(Махромское сражение)

ЗАПѢВЪ
Не скоро

Вспом-нимъ, брат - цы, про бы - ло - е, какъ мы въ о - ны вре - ме - на
крѣп-ко би - лись, бра - ли съ бо - ю у ко - кан - цевъ зна - ме - на.

ХОРЪ

Гре - мить сла - ва тру - бой. Мы дра - ли - ся за Дарь - ей: по хол-мамъ тво-

имъ Чи - назъ, раз - нес - лась сла - ва про насъ. // ва про насъ.

Вспомнимъ, братцы, про былое,
Какъ мы въ оны времена
Крѣпко бились, брали съ бою
У коканцевъ знамена.

Припѣвъ: Грemitъ слава трубой.
Мы дралися за Дарьей:
По холмамъ твоимъ, Чиназъ,
Разнеслась слава про насъ.

* Кокандскій походъ въ 1875 году.

Мы летали соколами
Вдоль Кокандскихъ кишлаковъ,
Гдѣ всегда побѣды съ нами
Были славой казаковъ.

Припѣвъ.

Какъ у крѣпости Махрама
Абдрахманъ, было, собралъ
Много тысячъ басурмана,
Но и тутъ не устоялъ.

Припѣвъ.

Онъ сзывалъ ихъ поголовно,
Старыхъ, малыхъ – всѣхъ съ собой
И поставилъ ихъ такъ славно,
Какъ бы будто на убой.

Припѣвъ.

Скоро пушки загремѣли,
По полямъ разнесся дымъ...
Вдругъ, кипчаки заревѣли:
«Русскимъ жару зададимъ!»

Припѣвъ.

Нашъ полковникъ улыбнулся,
И казакамъ лишь мигнулъ...
Тутъ коканецъ взадъ рванулъ
И Бекъ тоже повернулъ.

Припѣвъ.

Онъ съ досады чуть не плачетъ.
Не успѣлъ вскричать «алла»,
Какъ народъ его ужъ скачетъ
Вдоль Махрама кишлака.

Припѣвъ.

Слышно, — бьютъ тревогу (На покореніе ханства Кокандскаго)*

ЗАПѢВЪ
Умеренно

ХОРЪ

«Да» и «вразъ» вставить при пѣніи

Слышно, — бьютъ тревогу.
Становись въ ряды.
Помоляся Богу,
Въ поле выходи.

Припѣвъ:

Слава русскому Царю,
Слава и казакамъ.
Двухглавому орлу,
Ермаковцамъ хватамъ.

* Покореніе Кокандскаго ханства въ 1875—1876 гг.

Тихо катить волны
Старый другъ Дарья:
Сумракъ ночи темный, –
Не зъвай, друзья!

Припѣвъ.

Мешкать намъ нѣтъ время,
Нужно штурмовать:
Басурмановъ племя
Намъ въ полонъ не брать.

Припѣвъ.

Они кожи драли,
Они жгли живыхъ,
На колья сажали, –
Не жалѣйте ихъ.

Припѣвъ.

Въ плѣнъ живымъ отдаться –
Боже, сохрани:
Будутъ надругаться
Надъ тобой они.

Припѣвъ.

Смѣлымъ Богъ владѣть –
Нечего робѣть:
Если одолбютъ,
Лучше умереть.

Припѣвъ.

Вот полночь наступает

ЗАПѢВЪ
Умѣренно

Вот пол - ночь на - сту - па - етъ, лу - на го - ритъ свѣт - ло, от -

рядъ нашъ вы - сту - па - етъ съ би - ва - ка сво - е - го.

ХОРЪ

Гор - ны - я вер - ши - ны! Я васъ у - ви - жу

вновь. Джу - зак - скі - я до - ли - ны — клад - би - ще у - даль -

новь. Джу - зак - скі - я до - ли - ны — клад - би - ще у - даль - цовъ.

Вот полночь наступает,
Луна горитъ свѣтло,
Отрядъ нашъ выступаетъ
Съ бивака своего.

Припѣвъ: Горныя вершины!
Я васъ увижу вновь,
Джузакскія долины —
Кладбище удалцовъ.

Итти намъ недалеко
Отъ города къ горамъ,
Тѣ горы-то высоко
Оказываютъ намъ.

Припѣвъ.

Но горъ мы не страшимся,
Ихъ скоро перейдемъ;
Коканцевъ не боимся,
Послѣдки ихъ добьемъ.

Припѣвъ.

И вотъ всѣ тѣ поляны,
Гдѣ кровь лилась рѣкой,
Гдѣ крѣпко басурманы
Дрались за край родной.

Припѣвъ.

Мы долго не забудемъ
Кокандскую войну
И дѣтямъ пѣть мы будемъ,
Какъ брали Фергану*.

Припѣвъ.

---

* Это — послѣдняя пѣсня о рядѣ Кокандскихъ боевъ, составлена въ 1876 году.

Въ семьдесятъ седьмомъ году

Умѣренно
ЗАПѢВЪ

Въ семь - де - сять седь - момъ го - лу у Май - о - ро - ва въ са - ду

ХОРЪ

Вотъ ка - ли - на, «да» вотъ ма - ли - на!

Въ семьдесятъ седьмомъ году
У Майорова въ саду

Припѣвъ: Вотъ калина, вотъ малина!

Собирались кунаки,
Все Сибирски казаки.

Припѣвъ.

Ужъ ты радъ – не радъ Майоровъ,
Ублажай-ка ты нашъ норовъ.

Припѣвъ.

Ты не ждалъ такихъ гостей,
А мы просто, – безъ затѣй!

Припѣвъ.

Знаемъ мы, что ты землякъ,
Кизылджара* сибирякъ.

Припѣвъ.

* Городъ Петропавловскъ (Акмолинской области).

Приглашенія не ждали,
А запросто прискакали...

Припѣвъ.

Вдругъ команда намъ: «садись!»
И мы снова помчались.

Припѣвъ.

Кузнецова домъ нашли,
На привалѣ снова сошли.

Припѣвъ.

Офицеры всѣ гуськомъ
Къ Кузнецову пошли въ домъ.

Припѣвъ.

Намъ на водку былъ посулъ, —
Кузнецовъ, шельма, надулъ.

Припѣвъ.

Онъ былъ радъ, шельма, надуть,
Мы пустились снова въ путь.

Припѣвъ.

Поль-Ташкента обскакали,
Вновь къ Майорову попали.

Припѣвъ.

Ужъ ты радъ не радъ, Майоровъ,
Ублажай-ка ты нашъ норовъ.

Припѣвъ.

.....
.....

Припѣвъ.

Укротить бѣдовскій нравъ
Прибѣжалъ Бордовскій графъ.*

Припѣвъ.

Онъ не солоно хлебнулъ,
Назадъ лыжи повернулъ.

Припѣвъ.

А ужъ нашъ бѣдовый братъ
Отличить каналью радъ, —

Припѣвъ.

Грянулъ вслѣдъ особъ сей:
«Шла молодка изъ гостей».

Припѣвъ**

Атака казаковъ

---

* Начальникъ Штаба Туркестанскаго округа.

** Пѣсня эта составлена по следующему случаю: въ 1877 году въ г. Ташкентъ, въ саду Минерюкъ, было устроено грандіозное гулянье для всей мѣстной знати; участвовалъ весь гарнизонъ и пѣсенники отъ всѣхъ частей его; но офицеры и пѣсенники 1-го Сибирскаго казачьяго (ныне Ермака Тимофеева) полка, въ силу какихъ-то непріязненныхъ отношеній одного изъ вліятельныхъ начальниковъ гарнизона къ командиру этого полка Полковнику Елгаштину, не были приглашены на гулянье. Обстоятельство это крѣпко обидѣло Полковника Елгаштина; онъ, подкутивши съ офицерами, повелъ свой полкъ на прогулку по городу, затемъ прибылъ къ мѣсту гулянья, спѣшилъ казаковъ и приказалъ имъ атаковать садъ Минерюкъ, чѣмъ привелъ всю публику въ сильное смущенье.

Выпьем первый бокаль

ЗАПѢВЪ
Скоро

ХОРЪ

Вы - пьемъ пер - вый бо - калъ за здо - ровь - е Ца - ря!

Онъ, ро - ди - мый, у - даль и свѣ - тлѣй, чѣмъ за - ря.

The musical score consists of two systems. The first system is for the solo voice (Запѣвъ) and the chorus (Хоръ). The solo part is in 2/4 time, marked 'Скоро' (Allegretto). The chorus part is in 2/4 time and features a key signature of one sharp (F#). The lyrics are: 'Вы - пьемъ пер - вый бо - калъ за здо - ровь - е Ца - ря!'. The second system continues the chorus with the lyrics: 'Онъ, ро - ди - мый, у - даль и свѣ - тлѣй, чѣмъ за - ря.' The music is written on a grand staff with a treble and bass clef.

Кричать 3 раза «Ура»

Выпьем первый бокаль
За здоровье Царя!
Онъ, родимый, удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря.
Ура! Ура! Ура!

А второй-то бокаль –
За хозяйку его,
Чтобы Богъ ниспослалъ
Ей на счастье всего.
Ура! Ура! Ура!

А ужъ третій бокаль –
За сынка-молодца,
Чтобы росъ, да мужалъ
Цѣлый вѣкъ безъ конца.
Ура! Ура! Ура!

А четвертый бокаль –
Наливай через край,
Будем пить до конца
За родимый нашъ край* .
Ура! Ура! Ура!

Группа офицеровъ, нижніе чины и пьсельники 7-го Сибирскаго казачьяго полка

---

* 15-го декабря 1882 года въ Кульджѣ, гдѣ стоялъ тогда 1-й Сибирскій казачій полкъ, было получено *ВЫСОЧАЙ-ШЕЕ* повелѣніе о наименованіи этого полка полкомъ «Ермака Тимофеева». На другой день послѣ молебна, въ память того, что Ермакъ былъ неразлученъ со своей дружиной, пилъ и ѣлъ съ нею изъ одного котла, – всѣ офицеры и казаки 1-го полка составили дружескую братскую семью и пѣли эту пѣсню при здравицахъ за *ЦАРЯ, ЦАРИЦУ* и *НАСЛЕДНИКА – АВГУСТЕЙШАГО АТАМАНА*. Съ тѣхъ поръ эта пѣсня поется въ войскѣ каждый разъ при здравицахъ за *ГОСУДАРЯ* и *ЕГО АВГУСТЕЙШУЮ СЕМЬЮ*.

Какъ мы жили, не тужили*

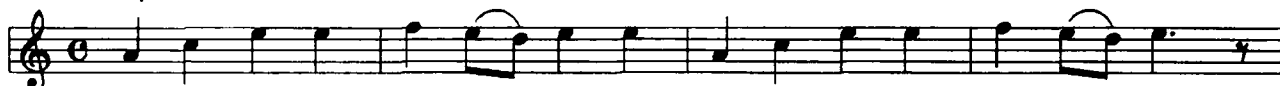
Какъ мы жили, не тужили
 На Чаган, на Обь.
 Ужь мы ждали, поджидали
 Колпаковского къ себѣ.
 Генералъ нашъ Колпаковскій (17) –
 Покровитель всѣмъ войскамъ,
 Онъ до службы былъ бѣдовскій:
 Не спускалъ нигдѣ врагамъ;
 На конѣ сидѣлъ онъ браво,
 Рубилъ шашкой хорошо,
 И всегда любилъ онъ прямо
 Говорить правду въ лицо.
 Вотъ, ко фронту подъѣзжая,
 Онъ привѣтливо сказалъ:
 «Здравствуй, рать моя родная,
 Вотъ пріѣхалъ и я къ Вамъ.
 Ну, скажите, мои дѣти,
 Какъ живете на посту?»
 «Служимъ вѣрно, какъ и дѣды,
 Богу, Батюшкѣ Царю.
 Если случай – врагъ подступитъ, –
 Мы помремъ всѣ за Царя,
 Чрезъ границу не преступитъ,
 Не допустимъ никогда».

* Изъ жизни казаковъ 3-го Сибирскаго казачьяго полка за время стоянки ихъ на границѣ Китая въ 60 в отъ Зайсана на ур. Чаганъ-Обо.

Вѣрно службу мы служили

ЗАПѢВЪ
Скоро

Вѣр - но служ - бу мы слу - жи - ли, — какъ кля - лись пе - редъ крес - томъ;

ХОРЪ

При - сяг - нувъ, — не из - мѣ - ни - ли пе - редъ Бо - гомъ и Ца - ремъ.

Вѣрно службу мы служили, —
Какъ клялись передъ крестомъ;
Присягнувъ, — не измѣнили
Передъ Богомъ и Царемъ.

Припѣвъ:

Вспомнимъ, братцы, край родной
И пойдёмъ теперь домой;
Съ яснымъ сердцемъ и лицомъ
Споёмъ пѣсню молодцомъ.

Пробыли четыре года
На границъ по постамъ,
А теперь съ молитвой Богу
Мы пойдёмъ къ роднымъ мѣстамъ.

Припѣвъ.

Всѣ товарищи простите,
Дай Богъ счастливо служить;
Насъ вы въ путь благословите,
Пора дома намъ пожить*.

Припѣвъ.

* Съ этой пѣсней казаки 1 и 2 полковъ Сибирскаго казачьяго войска выступаютъ изъ полковъ на льготу въ войско.

На краю степи обширной

На краю степи обширной,
У Иртышскихъ береговъ,
Проживаетъ тихо, мирно
Войско храбрыхъ казаковъ.

Знають золото въ Сибири
И Иртышскихъ осетровъ,
Жаль, что только все забыто
Про Сибирскихъ казаковъ.

Жаль, что насъ не сотни тысячъ;
Чѣмъ же хуже мы донцовъ?
Золотникъ хотъ малъ, да дорогъ, —
Поговорка стариковъ.

Жаль, что въ полъ на просторъ,
Средь безчисленныхъ враговъ,
Не видать, какъ капли въ моръ,
Горсть Сибирскихъ казаковъ.

Мы рубили безъ пощады
Разорявшихъ насъ киргизъ
И не знали, рати ради,
Ни ущелій, ни льсовъ.

Наши праотцы и дѣды
До временъ еще Петра
Вели громкія побѣды,
Было страшно ихъ ура.

Есть ли гдѣ такой изъ славныхъ,
Какъ нашъ шефъ полка Ермакъ?
И явился онъ изъ вольныхъ,
Сдѣлалъ всѣмъ къ Сибири шагъ.

Въ девяносто первомъ годѣ

ЗАПѢВЪ ХОРЪ

Въ де - вя - но - сто пер - вомъ го - дѣ раз - не - сла - ся вѣсть въ на -

ро - дѣ. Что сынъ Цар - скій Ни - ко - лай по - сѣ - тить степ - ной нашъ край;

Въ девяносто первомъ годѣ
Разнеслася вѣсть въ народѣ,
Что сынъ ЦАРСКІЙ НИКОЛАЙ
Посѣтитъ степной нашъ край;

Что посмотреть онъ станицы,
Казаконъ лихихъ свѣтлицы.
Скоро войску былъ приказъ,
Что желаетъ видеть насъ

Атаманъ нашъ дорогой,
Цесаревичъ молодой.
Сроду мы того не знали,
Такой радости не ждали.

Народъ массаи толпился,
Къ граду Омску все стремился:
Вотъ, начальники-отцы,
Вотъ, — Сибирски казаки.

Полковой-то командиръ*
Насъ для встрѣчи приводилъ,
Атаманъ нашъ бригадиръ —
Самъ Симоновъ командиръ**

Намъ два слова лишь сказалъ
И у всѣхъ восторгъ поднялъ.
Размѣстили всѣхъ насъ хватовъ
Въ бѣлокаменныхъ палатахъ***.

Войсковыя тѣ палаты
Пребольшія, небогаты;
Садъ огромный предъ окномъ,
А за садомъ Божій домъ.

Въ этомъ домъ мы бывали,
Ермака знамя видали.
Ермаково знамя есть
Наша слава, наша честь.

Но намъ все тутъ нипочемъ.
Главно дѣло было въ томъ,
Чтобъ ЦАРЕВИЧА дожидаться,
Съ НИМЪ бы лично повстрѣчаться.

Вотъ ЖЕЛАННАГО дождались,
Съ АТАМАНОМЪ повстрѣчались:
На смотрахъ мы ЦАРСКИХЪ были,
Благодарность получили.

А потомъ — въ саду клубили,
Царско пиво съ медомъ пили.
Вотъ Царевичъ распростился,
Въ Петербургъ домой пустился****.

Онъ станицами летѣлъ,
Всюду видѣть все хотѣлъ.
Младъ и старъ Его встрѣчали,
Со слезами провожали.

Девяносто первый годъ
Не забудемъ мы по гробъ.

---

* Войсковой Старшина Ерквскій.

** Бывшій атаманъ 1-го военного отдѣла, нынѣ генералъ отъ кавалеріи въ отставку Симоновъ.

*** Въ бывшей войсковой фабрикѣ.

**** Пѣсня сложена по случаю посѣщенія Сибирскаго казачьяго войска въ 1891 году Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

Здравствуй, Симоновъ, полковникъ!

Здравствуй, Симоновъ, полковникъ!
Мы пришли теперь въ запасъ;
Со полкомъ мы распростились
И желаемъ видѣть Васъ.

Припѣвъ: Грemitъ слава Ермака,
Разнеслась подъ облака,
Разнесетъ и нашу вѣсть, —
Сочинитель у насъ есть.

Хотя мирно отслужили,
Такъ вѣдь не было войны,
А въ случаѣ, что — объявятъ, —
Будемъ вновь готовы мы.

Припѣвъ.

Вотъ опять, родной начальникъ,
Съ храбрымъ взглядомъ видимъ Васъ;
Слаще вдругъ на сердце стало,
Ободрилъ ты снова насъ.

Припѣвъ.

Въ сочиненіи мы признали,
Что высокій это трудъ;
Мы внимательно читали, —
Какъ сходились грудь на грудь.

Припѣвъ.

Гдѣ дрались наши братья,
Гдѣ забрали всю Хиву,
Какъ потомъ, съ отвагой славы,
Осаждали Фергану.

Припѣвъ.

Сочинили Вы не плохо, —
Дай Богъ счастливо служить;
Мы сердечно Вамъ желаемъ —
Генерала получить.

Припѣвъ*.

---

* Пѣсня эта составлена казаками 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка за время похода полка на родину въ 1895 г. въ честь Полковника (нынѣ генерала отъ кавалеріи въ отставкѣ М. А. Симонова) по поводу составленія имъ исторіи названнаго полка.

Вспомнимъ, братцы*

Вспомнимъ, братцы, ту годину,
Тъ урочные деньки,
Какъ войну разъ объявили
Намъ Китайцы-Кулаки.**

Мы того не испугались,
Получивъ ЦАРЯ приказъ:
Выйти нехристю навстрѣчу
Полкамъ нѣсколькимъ заразь,

Чтобъ вдали, тамъ на чужбинѣ,
Свою славу укрѣпить
И надмѣннаго сосѣда
За всѣ смуты проучить.

Проучить не рѣчью длинной,
Не нотаціей какой, –
Проучить казацкой шашкой,
Нашей удалью лихой.

Какъ бывало то и прежде,
Свою родину любя,
Мы враговъ повсюду били,
Не щадя самихъ себя.

Били дружно, безъ запинки,
Безъ затѣй и безъ прикрасъ,
По-Суворовски, безъ страха,
Грудью натискомъ заразь.

Такъ и тутъ случилось то же:
Какъ пришли мы на Востокъ,
Взяли Пекинъ, взяли Таку
Въ самый краткій малый срокъ.

Взяли въ малый срокъ все это.
Разнесли повстанцевъ въ прахъ
И тѣмъ ясно доказали,
Что Россія врагамъ страхъ.

* Пѣсня о Китайскомъ походѣ 1900 года.

** 1899–1901 гг. – восстание в Северном Китае во главе с обществом Ихэцзянь. В связи с тем, что в названии общества входило слово «цюань» (кулак), иностранцы называли повстанцев «боксерами», откуда произошло название «боксерское восстание». В подавлении восстания приняли участие ряд держав (Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Япония, США и Россия. В составе российских войск находились и сибирские казаки. – прим. Ю.Ф.)

Благословенъ вашъ путь далекій

ЗАПѢВЪ

Бла - го - сло - венъ вашъ путь да - ле - кій, ге - ро - и на - ши, ка - за - ки!

ХОРЪ

Дав - но ужъ ждетъ васъ врагъ же - сто - кій... Тру - ды вамъ бу - дутъ ве - ли - ки.

Благословенъ вашъ путь далекій,
 Герои наши, казаки!
 Давно ужъ ждетъ васъ врагъ жестокий...
 Труды вамъ будутъ велики.
 Призвалъ васъ Государь Великий
 Врага-разбойника сразить,
 Его ночной поступокъ дикій
 Своею кровью отомстить.
 И вотъ всѣ жены, дѣти ваши
 Съ слезами провожаютъ васъ:
 «Услышь, Творецъ, молитвы наши
 И сбереги родныхъ для насъ!»
 Нѣтъ, не прольется кровь родная:
 Молитва къ Господу дойдетъ,
 И слезка дѣтская, святая,
 У Бога милости найдетъ.
 Кто въ Средней Азіи не знаетъ,
 Какъ силенъ, ловокъ, смѣлъ казакъ?
 Какихъ враговъ онъ не пугаетъ,
 Безъ всякихъ хитростныхъ атакъ!
 Казачья «беззаветна храбрость»
 Вошла въ пословицу у насъ;
 Казачья сила, смѣтка, смѣлость
 Страшна, японцы, и для васъ!
 Господь же будетъ вамъ защитой
 Отъ пуль враговъ васъ сохранить,
 И съ брани, кровію залитой,
 Васъ невредимыхъ возвратитъ*.

* Пѣсня эта составлена одной изъ казачекъ Сибирскаго казачьяго войска, провожавшей въ 1904 году на войну съ Японіей 4, 5, 7 и 8 полки Сибирской казачьей дивизіи.

Пойдемъ, братцы, за границу

Пойдемъ, братцы, за границу
Бить отечества враговъ!
Ты прощай, родна станица,
Городъ славный Кокчетовъ.

Припѣвъ: { Пойдемъ, братцы, во строю
На границу на свою.
Со веселымъ сердцемъ всѣ
Споемъ пѣсню веселѣй.

Собрались мы всѣ исправно,
Теперь не о чемъ тужить,
Запоемъ мы пѣсню славно
И пойдемъ Царю служить.

Припѣвъ.

Мы въ послѣдній разъ посмотримъ
Крестъ на церкви на своей,
Приударимъ добрыхъ коней
И пойдемъ въ походъ смѣлѣй.

Припѣвъ.

Прощай мать, отецъ родные,
Прощай сестры и братья,
Наши жены молодыя,
Всѣ товарищи-друзья.

Припѣвъ.

Ты прощай, наше правленье,
Офицеры-господа,
Вы прощайте, атаманы,
Писаря, учителя!

Припѣвъ.

Прощай, горы и озера,
Всѣ Сибирскіе лѣса,
Прощай ты, младая дѣва,
Раскрасавица моя.

Припѣвъ.

Хоть намъ грустно разставаться
Съ родной нашею семьей, —
Но тяжелѣе распрощаться
Со любезною женой.

Припѣвъ.

Не рыдайте вы, родные:
Мы воротимся назадъ,
Кто урядникъ, кто приказный,
Кто простой придетъ казакъ*.

Припѣвъ.

Сибирскіе казаки

---

* Эта пѣсня поется на мотивъ пѣсни № 48 «Вѣрно службу мы служили».

Впередъ, друзья, впередъ

Впередъ, друзья, впередъ, быстрѣ урагана,
 Туда, гдѣ съеть смерть губительный свинець.
 Ударимъ на врага и съ силою бурана
 Атакую лихой раздавимъ ихъ въ конецъ!
 Сметемъ съ лица земли потомковъ Самурая,
 Дерзнувшихъ оскорбить священный Русскій стягъ.
 Мы смѣло въ бой идемъ, опасность презирая,
 Страшись же, трепещи, коварный дерзкій врагъ!
 Насъ битвы не страшать, и шашка боевая,
 Наслѣдіе отцовъ, цѣла еще пока;
 Иззубрена въ бояхъ, но, молніей сверкая,
 Послужить за Царя въ рукахъ у казака.
 Товарищи-друзья! Кровавую расплату
 Съ врагами совершить давно уже пора:
 Впередъ, друзья, впередъ, навстрѣчу супостату,
 И грозно крикнемъ имъ могучее: «Ура!»

*Его Императорское высочество Великий князь Борис Владимирович с офицерами
 4-го Сибирского казачьего полка*

Заблестѣль востокъ зарею

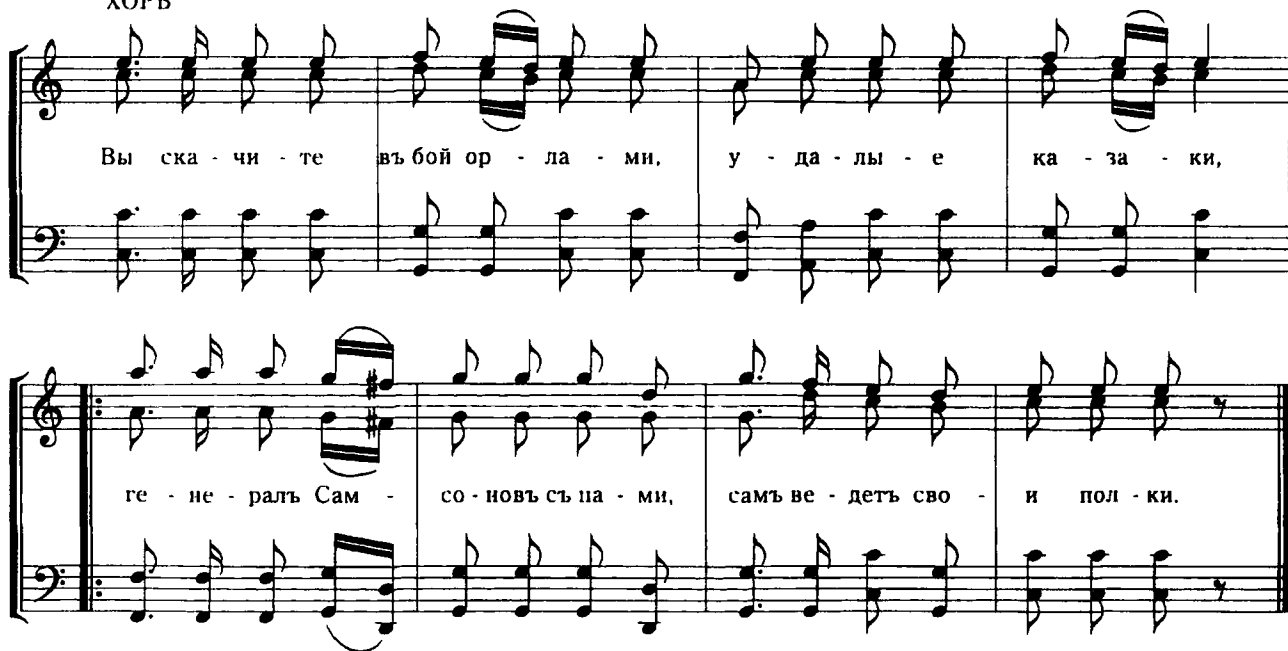
ЗАПѢВ

Довольно скоро

За - бле - стѣль Во - стокъ за - ре - ю, гуль раз - нес - ся по го - рамъ,
и въ Маньджу - рі - ю средь бо - я при - былъ самъ Сам - со - новъ къ намъ.

ХОРЪ

Вы ска - чи - те въ бой ор - ла - ми, у - да - лы - е ка - за - ки,
ге - не - раль Сам - со - новъ съ на - ми, самъ ве - деть сво - и пол - ки.

Заблестѣль востокъ зарею,
Гуль разнесся по горамъ,
И въ Маньджурію средь боя
Прибыль самъ Самсоновъ **(33)** къ намъ.

Припѣвъ:
Вы скачите въ бой орлами,
Удалые казаки,
Генераль Самсоновъ съ нами,
Самъ ведетъ свои полки.

Казакѣ перекрестились,
Кровь забилася въ сердцахъ,
Въ бой съ героемъ устремились
За Царя, врагамъ на страхъ.

Припѣвъ.

«Ваши храбры командиры
Закаленные бойцы,
Не боятся и мортиры,
Въ перестрѣлкахъ удалцы».

Припѣвъ.

Такъ говаривалъ нерѣдко
Намъ Самсоновъ генераль:
«Вы стреляете всѣ мѣтко,
Я за вами наблюдалъ.

Припѣвъ.

Вы, Сибирскіе казаки,
Удалцы и храбрецы,
Вы искусные рубаки,
Въ перестрѣлкахъ молодцы».

Припѣвъ.

Генераль Самсоновъ съ нами,
Дай Богъ здравія ему,
Самъ командовалъ полками,
Рады мы всегда ему.

Припѣвъ.

Славу Скобелева помнятъ
И понынѣ казаки,
И Самсонова запомнятъ
Всѣ Сибирскіе полки*.

Припѣвъ.

---

* Пѣсня Сибирской казачьей дивизіи про бой у Вафангоу 1904 года 1 и 2 іюня въ Русско-Японскую войну.

По маньчжурскимъ полямъ

По маньчжурскимъ полямъ
Шли Сибирцы всѣмъ полкомъ.
Въ день семнадцатаго мая
Повстрѣчались съ врагомъ.

Припѣвъ: { Дружно въ бой летять кровавый
Удалые казаки.
Доказать врагу на дѣль
Русски пики и клинки.

Развилося наше знамя
Въ Вафангоу подъ горой,
Прояснился путь кровавый
Передъ славой удалой.

Припѣвъ.

Ты дождался, мечъ булатный,
Боевой нашей руки,
Дождались тутъ славы ратной
И Сибирски казаки.

Припѣвъ.

С ними славный былъ начальникъ,
Ихъ, Самсоновъ, генераль;
Задержать враговъ японцевъ
Онъ двумъ сотнямъ приказаль.

Припѣвъ.

Казаки перекрестились,
Закипѣла кровь въ сердцахъ,
Въ бой геройски устремились,
За Царя, врагамъ на страхъ*.

Припѣвъ.

---

* Вафангоусское дѣло 17 мая 1904 года.

Быль жаркій полдень

Быль жаркій полдень. Казаки
 Шли въ авангардъ къ Вафангоу,
 Съ бивака снявшись подъ Кайджоу.
 Кругомъ поля и гладь рѣки,
 И фанзы, и столбы дороги,
 И пара рельсъ, и шпаль ряды,
 И горъ скалистые отроги;
 Все зноя тяжкаго слѣды,
 Казалось, на себѣ носило:
 И пыли желтой пелена,
 Какъ неподвижная стѣна,
 Отрядъ измученный покрыла;
 Съ разсвѣтомъ вышелъ онъ въ походъ
 И шелъ такъ долго безъ привала:
 Устали кони, сбавивъ ходъ,
 Людей дремота разбирала.
 Но вотъ въ дали на полотнѣ
 Межъ рельсовъ что-то зачернѣло
 И, быстро двигаясь, гудѣло.
 Насторожились всѣ въ сотнѣ,
 Что первой шла, и командиръ,
 Бинобль взявши, присмотрѣлся.
 Дрезина! Виденъ нашъ мундиръ:
 За ними кто-то разлетѣлся!
 Онъ не ошибся: къ казакамъ
 Дрезина шла, ходъ убавляя;
 На ней, руками все махая,
 Кричали: «Къ намъ скорѣе, къ намъ!»
 Сигналь былъ данъ итти галопомъ.
 Вотъ поравнялись: «Сотни, стой!»
 «Что тамъ случилось?» — «Цѣлымъ скопомъ
 Японцы за восьмой верстой
 Совсѣмъ нежданно навалились,
 И пограничникамъ не въ мочь, —
 Скорѣе надо имъ помочь;
 Они за рощицей укрылись».
 «Трубачъ гдѣ?» Полевой галопъ,
 Начальникъ крикнулъ: «Маршъ за мной!»
 Раздался ногъ тяжелый топъ.

«Японцы!!!» – пронеслось волной
По сотнямъ. «Братцы, дождалися!»
Воскликнулъ бравый есаулъ.
Ему отвѣтилъ общій гуль, –
Почти карьеромъ всѣ неслися.
«Строй взводы!» – снова раздалось,
Когда къ лѣсочку подскакали...
«Строй, фронтъ! Маршъ, маршъ!» Все понеслось,
И казаки въ пыли пропали.
Гусарь японскихъ эскадронъ
Попался первымъ подъ удары
Казачьихъ пикъ, и всѣ гусары
Вмигъ дали тыль. Гуль, крики, стонъ,
Свистящій звукъ разящихъ шашекъ,
Команды, топоть, пѣнье пуль,
Подобно рою мелкихъ пташекъ, –
Все вмѣстѣ слилось, и на нуль
Свелась вмигъ сила эскадрона.
За нимъ разгромленъ былъ второй,
А третій, что были подъ горой,
Не ждавъ внезапнаго урона
Своихъ товарищей, къ цѣпи
Японской быстро отходилъ.
«Ну, къ нимъ теперь не подступи.
Пѣхотою себя прикрыли,
Да хватить намъ на первый разъ!»
Рѣшилъ начальникъ. Сборъ сыграли.
Всѣхъ казаковъ къ лѣсу собрали,
И отходить былъ данъ приказъ.
А по лошинъ, между горъ,
Пестрѣли жертвы жаркой схватки;
Почуявъ волю и просторъ,
Носились кони въ беспорядкѣ;
И лужи крови тамъ и сямъ
Песокъ и камни обагряли;
Лучи заката догорали,
Скользя по рошамъ и полямъ...

Подъ Янтайскими копиями

Подъ Янтайскими копиями
Тамъ незыблемо стояль
Со своими казаками
Храбрый русскій генераль.

Говорить своимъ Самсоновъ:
«Всѣмъ, чѣмъ можешь, желтыхъ бей,
Ни японскихъ эскадроновъ,
Ни пѣхоты не жалѣй.

Помни война присягу,
Честь Россіи береги,
Не сдадимъ назадъ ни шагу,
Будутъ нашихъ знать враги.

Хоть и сильны супостаты,
Многочисленна ихъ рать,
Но вѣдь русскіе казаки
Рады съ честью умирать.

Встрѣтимъ мы враговъ пристойно,
Показавъ лихой отпоръ,
И дадимъ своимъ спокойно
Отойти за гребни горъ».

Какъ сказалъ онъ, такъ и было:
Даль японцамъ онъ щелчка.
И, побавивъ съ желтыхъ пыла,
Охранилъ свои войска.

Бились два дня съ половиной,
Защищая переваль,
Передъ храбростью ихъ лъвиной
Злой японецъ сплеховаль.

Казаки боролись смѣло,
Помня честь родной земли,
И, свершивъ геройски дѣло,
Подъ прикрытѣе отошли.

Честь тебѣ, герой Самсоновъ,
Храбрый русскій генераль,
Что отъ вражьиxъ легионовъ
Отступленье прикрываль!

Честь и слава, удалые –
Исполать вамъ – казаки!
Гордость матери-Россіи
Ваши храбрые полки* .

ПЕРЕДЪ ДЖИГИТОВКОЙ.

---

* Пѣсня о бѣвѣ Сибирской казачьей дивизіи у копей Янтай 19. 20 и 21 августа 1904 года.

У Китайскаго у моря

У Китайскаго у моря
Началась у насъ война,
Много крови, слезъ и горя
Принесла Руси она.

Началась она несчастно
И давно уже идетъ,
Ежедневно, ежечасно
Подается врагъ впередъ.

Тужать русскіе солдаты,
Давить горе удалцовъ:
«Такъ не гнали супостаты
Нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

Не потомки ль мы прямые
Славныхъ прежнихъ гренадеръ,
Что всѣхъ недруговъ Россіи
Били, давши намъ примѣръ.

Намъ толкуютъ о терпѣннѣ
Наши мудрые вожди:
Нанесемъ-де пораженъе
Мы японцамъ: ну-ка, жди!

Мы все время отступали
Передъ бѣшенымъ врагомъ.
А теперъ уже едва ли
Въ наступленъе перейдемъ.»

Такъ судили, отступая,
Наши русскія войска,
Въ простотѣ души не чая,
Что бѣда опять близка.

Косоглазая орава
Окружила нашу рать
Съ фронта, съ тылу, слѣва, справа:
Снова надо отступать.

Хоть и бились пять дней съ лишнимъ
Руси-матушки сыны,
Но несчастья лишь Всевышнимъ
Русскимъ были суждены.

Шли войска на отступленье,
Покидая Ляоянь;
Пятидневное сраженье
Принесло одинъ изъянъ.

Подъ Янтайскими копиями
Лишь незыблемо стоялъ
Со своими казаками
Храбрый русскій генераль.

Говорилъ своимъ Самсоновъ:
«Всѣмъ, чѣмъ можешь, желтыхъ бей,
Ни японскихъ эскадроновъ,
Ни пѣхоты не жалѣй.

Помни война присягу,
Честь Россіи береги,
Не сдадимъ назадъ ни шагу,
Будутъ нашихъ знать враги.

Хоть и сильны супостаты,
Многочисленна ихъ рать,
Но вѣдь русскіе казаки
Рады съ честью умирать.

Встрѣтимъ мы враговъ пристойно,
Показавъ лихой отпоръ,
И дадимъ своимъ спокойно
Отойти за гребни горъ».

Какъ сказалъ онъ, такъ и было:
Далъ японцамъ онъ щелчка,
И, посбавивъ съ желтыхъ пыла,
Охранилъ свои войска.

Бились два дня съ половиной,
Защищая переваль,
Передъ храбростью ихъ лъвиной
Злой японецъ сплеховаль.

Казаки боролись смѣло,
Помня честь родной земли,
И, свершивъ геройски дѣло,
Подъ прикрытье отошли.

Честь тебѣ, герой Самсоновъ,
Храбрый русскій генераль,
Что отъ вражьихъ легіоновъ
Отступленье прикрываль!

Честь и слава, удалые –
Исполать вамъ – казаки!
Гордость матери-Россіи
Ваши храбрые полки*.

---

* Бой 1-й Сибирской казачьей дивизіи генерала Самсонова у станціи Янтай-Копи 19–23 августа 1904 года.

Братья, близокъ часъ сраженья

Братья, близокъ часъ сраженья,
 Часъ великій, роковой;
 Безъ тревоги и волненья
 Мы пойдемъ на смертный бой!
 Долгъ свой честный исполняя,
 Будемъ помнить каждый часъ,
 Что на родинѣ святая
 Церковь молится за насъ.
 Мы на страхъ врагамъ надмѣннымъ
 Шашки смѣло обнажимъ:
 Память вѣчная сраженнымъ,
 Слава громкая живымъ!
 Братья, грудь свою предъ битвой
 Осенимъ святымъ крестомъ,
 Подкрѣпимъ себя молитвой,
 Къ Богу духъ свой вознесемъ.
 Тотъ, кто силы Голиафа
 Рукой отрока сразилъ,
 Да пошлетъ и намъ средь боя
 Бодрость духа, крѣпость силъ.
 Съ сердцемъ, вѣрой укрѣпленнымъ,
 Мы на битву поспѣшимъ:
 Память вѣчная сраженнымъ,
 Слава громкая живымъ!*

---

* О Русско-Японской войнѣ.

Раньше пользовались славой

Раньше пользовались славой
Мы въ побѣдахъ Ермака, —
А теперь еще встрѣчаемъ
Здѣсь японца-чудака.

Припѣвъ: Сибиряки не забудутъ
Девятьсотъ четвертый годъ,
Какъ въ Корѣе совершали
Подъ Японію походъ.

Онъ хвалился до Байкала
Оттѣснить наши войска, —
Эта штука на забаву
Для Сибири казака.

Припѣвъ.

На святое наше дѣло
Насъ Господь благословить,
Не дрогнетъ рука и тѣло,
Чтобъ японца побѣдить...

Припѣвъ.

Знать Господь не допускаетъ
Въ битву нашихъ земляковъ:
По Корѣе все таскаютъ
Нашихъ храбрыхъ казаковъ.

Припѣвъ.

Тамъ земля не ровна скатерть, —
А болота по холмамъ;
Пашню съютъ на заплотъ, —
Не повѣрите вы намъ?

Припѣвъ.

Лѣтъ съ полсотни не забудемъ, —
Жизнь въ Корѣе хороша,
И японцу не уступимъ,
Будемъ биться до конца.

Припѣвъ.

Можетъ быть и позабудемъ
Городъ-крѣпостцу Кенгшенгъ,
Но до смерти не забудемъ
Быстру рѣчку Огучень.

Припѣвъ.

Та рѣчушка разливная,
Въ ней бивакъ Сибиряковъ
(Будто мѣста не нашлося),
Потопила казаковъ.

Припѣвъ.

Намъ пришлось покупаться,
Да Господь еще берегъ,
Но бѣды не миновали, —
Утопили четырехъ.

Припѣвъ.

Ночь темна, ни зги не видно,
Сверху дождикъ поливалъ;
Генераль бригадный Берновъ
Намъ спастись приказалъ.

Припѣвъ.

Всѣ порознь поразбрелися,
Видно доля суждена,
Въ гору мокрые скреблися
И спасали знамена.

Припѣвъ.

Полковой обозъ остался
На той рѣчкѣ — по камнямъ:
Никому такъ не досталось,
Какъ обознымъ казакамъ.

Припѣвъ.

Кто кувыркался черезъ лошадь,
Жизнью жертвуя въ волнахъ,
Кто кричалъ: «Меня спасите!
Я награду, дѣтки, дамъ!»

Припѣвъ.

Намъ пришлось просушаться
Дня четыре на горѣ,
А потомъ итти въ Корею
Намъ приказано скорѣй.

Припѣвъ.

Недалеко отъ дороги
Крестъ виднѣлся на горѣ,
Будто память, что въ Кореѣ
Мы тонули на зарѣ.

Припѣвъ.

За Шахе-рѣкой

За Шахе-рѣкой, средь Маньчжуріи,
Молодой казакъ при печали былъ;
На чужбинѣ злой удалой боецъ
При большой бѣдѣ тосковалъ-грустилъ...
Говорилъ онъ тамъ вѣтру буйному,
Какъ прощальная пѣснь, унылому:
– Ты повѣй-подуй, вѣтеръ, съ сопокъ-горъ
Ко Ишиму-то краю милому!
Ты открой-скажи красной дѣвицѣ,
Что женился я здѣсь, въ странѣ чужой:
Обвѣнчалъ меня въ роковомъ бою
Съ пулей мѣткою врагъ коварный мой!..

Не великая команда

Не великая команда,
Все изъ разныхъ изъ полковъ;
Но живемъ мы славно, дружно...
Такъ ударимъ на враговъ.

Наши пушки небольшія,
Все же перцу зададутъ,
Какъ наводчики лихіе
Живо «цѣликъ» наведутъ.

Знаемъ свойство всѣхъ снарядовъ,
Гдѣ какой употребить:
Гдѣ гранатой, гдѣ шрапнелью,
Гдѣ картечью угостить.

Всюду есть для насъ дороги
И препятствій нѣтъ нигдѣ:
Лишь бы конный гдѣ пробхаль,
Проберемся мы вездѣ.

Узки горныя тропинки
И по нимъ лежитъ нашъ путь.
Съ передковъ возьмемъ на вьюки,
Перевалимъ какъ-нибудь.

Твердо помнимъ мы присягу...
Смѣло двинемъ на картечь,
Богъ и люди насъ помянутъ,
Коль костью придется лечь.

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

1. Адам Альбрехт (1786–1862), известный художник. Родился в Нордлинге. Участвовал в походах против Австрии и служил в войсках вице-короля Италии Евгения в походе против России. По окончании войны написал сцены из наполеоновских войн, в т.ч. и битву под Москвой (1812 г.). Знаток истории оружия и военного костюма, в том числе и казачьего.

2. Алябьев Александр Александрович (1787, Тобольск – 1851, Москва), один из самых заметных композиторов своего времени. Происходил из старинного дворянского рода.

Служил в гусарах и прошел путь от корнета до подполковника. В его послужном списке отмечено: «Будучи употреблен в опасных местах, везде отлично исправлял данные ему поручения».

А. участвовал в крупных сражениях, заслужил славу отважного офицера, а потом попросил, чтобы его откомандировали в партизанский отряд отважного гусара и знаменитого поэта Дениса Давыдова. Партизаны прославились своей храбростью и бесстрашием, на их счету было множество отчаянных вылазок и нападений на французские войска. Однако особой дисциплиной они не отличались. Однажды отряд Давыдова без санкции высшего командования захватил Дрезден. Командира отстранили, а вместе с ним в знак протеста уехал и **А.**

За свои боевые заслуги **А.** удостоился множества наград. В 1814–1823 гг. служил в Иркутском и Ахтырском гусарских полках. 14 ноября 1823 г. в чине подполковника вышел в отставку и поселился в Москве. В 1825 г. арестован по ложному обвинению и в 1828 г. сослан в Сибирь. Ссылку отбывал в Тобольске, где не покидал музыкальных занятий, написал много сочинений в области драматической, военной и церковной музыки, выступал с концертами на музыкальных вечерах в пользу бедного населения как дирижер и пианист. Организовал военный оркестр – симфонический оркестр «казачьей музыки» (в 1839 г. вместе с корпусным штабом оркестр был переведен в Омск). В Сибири **А.** написал такие замечательные романсы, как «Зимняя дорога», «Иртыш», «Два ворона» и другие.

В 1832–1833 гг. жил на Кавказе, в Оренбурге, затем в Московской губернии. Живо интересовался музыкой народов России, записал многие кавказские, башкирские, киргизские, туркменские, татарские, украинские народные песни.

А. можно считать предшественником русских композиторов-классиков. Многие мотивы его произведений звучали в романсах и сто лет спустя. Классическими образцами романсов стали «Соловей» на стихи Дельвига, «Зимняя дорога» и «Я вас любил» на стихи А.С. Пушкина. Но, конечно, наибольшую известность получил «Соловей». Его распевали повсюду. М. Глинка написал фортепианные вариации на тему алябьевского «Соловья», а позже венгерский композитор Ференц Лист создал фортепианную транскрипцию романса. Его исполняли величайшие певцы мира в качестве вставного вокального номера в опере «Севильский цирюльник» Дж. Россини. «Иногда в музыке нравится что-то совсем неуловимое и не поддающееся критическому анализу, – писал П.И. Чайковский. – Я не могу без слез слышать «Соловья» Алябьева!!!».

3. Анненков Борис Владимирович (1889–1927), один из лидеров белого движения в Сибири. Из потомственных дворян Новгородской губернии. Образование получил в Одесском кадетском корпусе (1906 г.) и Московском Александровском военном училище (1908 г.), после окончания которого был направлен в 4-й Сибирский казачий полк, расположенный в Джаркенте. Участник Первой мировой войны. В чине есаула командовал партизанской сотней в тылу врага. Был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и Георгиевским золотым оружием с надписью «За храбрость», а также французским орденом Почетного легиона и английской золотой медалью «За храбрость». После Октябрьской революции прибыл с отрядом Сибирской казачьей дивизии в Омск с большим количеством оружия и снаряжения. Отказавшись подчиниться приказу Совказдепа о разоружении, **А.** был объявлен вне закона. Перейдя на нелегальное положение, скрывался в станице Захламинской под Омском. В феврале 1918 г. со своим отрядом увез из казачьего Никольского собора знамена Сибирского казачьего войска, в т.ч. и знамя Ермака (после свержения советской власти знамя было возвращено). В июне–июле 1918 г. **А.** принимал участие в антисоветских выступлениях в Сибири, в изгнании большевиков из Омска. К осени 1918 г. сформировал партизанскую дивизию (до 10 тыс. чел.). Отряд **А.** отличался особой жестокостью в борьбе со сторонниками советской власти. К началу 1919 г. приказом Верховного правителя России **А.В. Колчака** произведен в генералы и назначен командующим отдельной Семиреченской армией. В начале 1920 г. Семиреченская армия под натиском войск Советской России отступила к китайской границе и пересекла ее. **А.** был арестован и посажен в тюрьму г. Урумчи, из которой его освободили лишь в 1924 г. В 1926 г. в Китае агенты ОГПУ захватили **А.** и доставили его в Россию. 25 июня – 12 июля 1927 г. в г. Семипалатинске состоялся суд над **А.**, который приговорил его к расстрелу. 24 августа 1927 г. приговор был приведен в исполнение.

4. Бекович-Черкасский (Девлет-Кизден-Мурза), кабардинский князь на русской службе. Во св. крещении – князь Александр Бекович-Черкасский, капитан гвардии Преображенского полка. Начальник и руководитель экспедиции в Среднюю Азию (1716 г.) с целью переговоров с хивинским ханом о принятии им русского подданства, поисков золота в русле Амударьи и завязывания торговых отношений с Индией. Экспедиция снаряжалась в Астрахани. В 1716 г. **Б.-Ч.** с отрядом в 3200 чел. (по др. свед. до 7,5 тыс. чел.) отправился морем в Хиву. Отряд высадился в устье Урала у Гурьева и после месячного похода через степь подошел к Хиве. Хан с 20-тысячным войском окружил **Б.-Ч.**, но отряд шел вперед; тогда хан заключил мир с приглашением **Б.-Ч.** в Хиву, куда **Б.-Ч.** имел неосторожность отправиться во главе небольшого отряда (300 чел.). Здесь хан убедил его приказать оставшемуся войску разделиться на пять отрядов, т.к. все войско не могло быть снабжено достаточным количеством провианта. Тогда хивинцы напали на отряды по одиночке и истребили их; такая же участь постигла и отряд самого **Б.-Ч.**, которого хивинцы предали мучительной казни. Очень немногие из участников экспедиции возвратились потом в отечество. Оставленные на берегу Каспийского моря гарнизоны сильно страдали от недостатка воды и от болезней и, узнав о гибели экспедиции **Б.-Ч.**, вернулись в Россию.

5. Броневский Семен Богданович (1786–1858), государственный деятель, генерал-губернатор Восточной Сибири. Происходил из дворян Тульской губернии. Воспитывался в Гродненском кадетском корпусе. Почти с самого начала своей службы **Б.** участвовал в военных действиях на Кавказе и в Персии: в 1804 г. и 1805 г. в составе отряда находился в Кабарде; в 1806 г. был в Персии при покорении и занятии Дагестана и городов Дербента, Кубы и Баку; в 1807 г. служил в обсервационном (обсервация – система мер по наблюдению. – *Ю.Ф.*) отряде на р. Кубани. В Сибирь прибыл подпоручиком в 1808 г., где и прослужил до 1857 г., когда в чине генерал-майора был назначен сенатором в Санкт-Петербург. 7 июля 1810 г. за труды, понесенные им в устройстве Сибирских пограничных линий, награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В 1814 г. произведен в капитаны и назначен командующим Сибирским линейным казачьим войском. Обратил на себя внимание **М. М. Сперанского**, который, прибыв в Сибирь для составления нового положения для края, увидел в нем человека, способного выполнять виды правительства, и назначив его, с производством в полковники, начальником учрежденной Омской области (1821 г.). В 1824 г. назначен начальником штаба

отдельного Сибирского корпуса. Император Николай Павлович, лично узнав **Б.** в чине генерал-майора, назначил его генерал-губернатором Восточной Сибири. Заслуги **Б.** в крае выразились целым рядом мер и учреждений, сделавших памятными его имя в истории Сибири; так, он первый учредил русские поселения в сибирской степи, осуществил желание правительства образовать военные силы в Восточной Сибири и т.д. **Б.** также известен как писатель. В 1823 г. он напечатал в Москве в 2-х частях «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».

Организатор военно-оркестровой службы Сибирского линейного казачьего войска. Принимал личное участие в формировании войскового музыкантского хора СЛКВ (1814), именуемого иногда «Большим казачьим оркестром музыки». При его поддержке создан также профессиональный певческий смешанный хор СЛКВ, располагавшийся на базе войскового казачьего училища. Наблюдая за творческим развитием коллективов, занимался постановкой в них учебной работы, заботился о снабжении нотами и музыкальными инструментами. Лично знал и любил наиболее талантливых музыкантов.

В Тобольске (1828–1834) близко общался с выдающимся русским композитором А.А. Алябьевым, бывшим в ссылке в городе своего раннего детства, и привлек его к работе с войсковым оркестром, поощряя композиторское творчество.

6. Врангель Петр Николаевич (1878–1928, Брюссель), барон, один из руководителей контрреволюции на юге России, генерал-лейтенант (1917 г.). Из дворян Петербургской губернии. После окончания горного института (1906 г.) поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конный полк, в 1902 г. произведен в офицеры, участвовал в Русско-японской войне. В Первой мировой войне – командир кавалерийского корпуса. После Октябрьской революции уехал в Крым и в августе 1918 г. поступил в белогвардейскую Добровольческую армию, командовал дивизий и конным корпусом, с весны 1919 г. – Кавказской армией, в декабре 1919 г. – январе 1920 г. – Добровольческой армией. Вошел в конфликт с А.Н. Деникиным и был выслан за границу. 4 апреля 1920 г. на военном совете избран главнокомандующим Русской армией в Крыму. После поражения в Северной Таврии и Крыму со значительной частью армии ушел за границу. В 1924 г. создал Русский общественный союз (РОВС). Автор мемуаров («Записки» в журнале «Великое дело», т. 5, 6, Берлин, 1928 г.).

7. Гасфорд Густав Христианович (1794–1874). Родился в Белостокской области. Из дворян лютеранского вероисповедания. По окончании курса института инженеров путей сообщения прапорщиком вступил на службу в 1811 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Отлично проявил себя в боях при Бородино, Тарутино, Малом Ярославце, под Вязьмой и Красным. Участвовал в военных кампаниях на Кавказе, в Польше и Австро-Венгрии. С 1830 г. – генерал-майор. В 1840-м, 1844-м, 1845-м и 1846-м гг. участвовал во многих делах по усмирению горских племен Кавказского края. С 1 апреля 1850 г. был командующим войсками, остававшимися в княжествах Молдавии и Валахии.

29 января 1851 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным Сибирским корпусом. В годы его правления в Западной Сибири к Российской империи были присоединены Заилийский край и другие обширные территории, возникли новые поселения и среди них Верный (Алма-Ата). В 1859–1861 гг. было преобразовано Сибирское казачье войско. При непосредственном участии **Г.** на Иртыше получило развитие пароходство, была разрешена продажа казенных земель, положившая начало поземельной собственности в Сибири. В период 9-летней деятельности **Г.** в Западной Сибири было водворено около 80 тысяч переселенцев из Европейской России, построено до 200 церквей, во многих селах учреждены приходские училища, а в восьми городах открыты женские школы, которых ранее не было.

Преображается в эти годы и Омск. Строятся здания для войскового правления, Общего собрания, тюремный замок, генерал-губернаторский дворец. Для воспитания и обучения сирот по инициативе супруги генерал-губернатора Надежды Николаевны в Омске был основан приют «Надежда». По ходатайству **Г.** рядовой Сибирского линейного батальона Ф. М. Достоевский был произведен в унтер-офицеры.

Генерал от инфантерии **Г.** в 1861 г. был назначен членом Государственного совета. Он был почетным членом Академии наук, Вольного Экономического и Географического обществ.

По словам П.П. Семенова-Тян-Шанского, «Гасфорд Г. Х. принадлежал к числу просвещенных офицеров русской армии, имел полное научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность».

Г. был кавалером следующих орденов: Св. Александра Невского с алмазами, Белого Орла, Св. Георгия 3-й и 4-й степеней, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й, 2-й и 4-й степеней с короною и мечами и многих иностранных. Ему были пожалованы украшенная бриллиантами табакерка с портретом императора Николая I (1847 г.) и золотая шпага с алмазами и надписью «За храбрость» (1849 г.).

В память о деятельности **Г.** в Сибири в Тобольской гимназии были учреждены три стипендии (из них одна – семипалатинским купечеством), а в Тобольской и Тюменской женских гимназиях – две. В Омске именем **Г.** была названа одна из улиц (ныне улица им. Карла Либкнехта).

Похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.

8. Глазенап Григорий Иванович (1750–1819), первый командир Отдельного Сибирского корпуса. Генерал-лейтенант, один из замечательных деятелей присоединения Кавказа. Родился в 1750 г., происходил из древней фамилии лифляндских дворян. Получил хорошее образование, кроме основных наук хорошо знал иностранные языки. В 1773 г. вступил в службу рядовым в 3-й гренадерский полк, в 1770 г. произведен в офицеры.

Участвовал под началом Румянцева в 1-й турецкой войне и отличился при Ларге и Кагуле. Участвовал в штурмах Журжева, Измаила и в сражениях под Бухарестом, Силистрией, Карсом и Базарджиком. Неизменно отличался храбростью и мужеством. В 1773 г. он перешел в кавалерию, но медленно продвигался по службе, несмотря на боевые отличия. Во время второй турецкой войны командовал небольшими отрядами легкой конницы в армии Потемкина.

Царствование императора Павла застало его, после 32 лет службы, всего лишь подполковником. 15 июля 1798 г. **Г.** был произведен в полковники, а через три месяца – в генерал-майоры, и ему было поручено сформировать в Харькове драгунский полк своего имени. В 1800 г. был произведен в генерал-лейтенанты и вскоре уволен в отставку. В 1801 г. был вновь определен на службу и 30 марта назначен шефом Нижегородского драгунского полка, а 13 ноября 1803 г. – инспектором кавалерии на Кавказе и начальником Кавказской линии.

Трехлетнее управление **Г.** линиею было богато тревожными событиями, требовавшими от него, по собственному его выражению, «недреманности». В 1804 г. **Г.** пришлось войти с сильным отрядом (8 батальонов, 4 драгунских полка и 24 орудия) в Кабарду. 9 мая на берегу реки Баксан он нанес горцам первое сильное поражение и на следующий же день двинулся в горы и штурмом взял позицию кабардинцев. Горцы изъявили покорность, но один из кабардинских князей, Рослаббек Мисостов, бежал за Кубань и поднял там мелкие горские племена. Военные действия возобновились. Направив против Рослаббека генерала П.Г. Лихачева, **Г.** вернулся в Георгиевск, главный город линии, и, обеспечив его безопасность, в марте 1805 г. распустил слух, что идет в Чечню, а сам внезапно, после 60-верстного перехода, снова вторгся в Кабарду и на берегу того же Баксана, в Кис-Бурунском ущелье, нанес кабардинцам новое сильное поражение. Большие потери, а главное – захват скота и табунов, заставили кабардинцев смириться. **Г.** привел их к присяге на подданство России, ввел родовые суды и, ограничившись наказанием главных виновников бунта, вернулся в Георгиевск для борьбы с другим, еще более страшным врагом – чумою, губившей наши войска.

Едва **Г.**, проявивший и здесь большую энергию и личное мужество, рядом энергичных мер остановил развитие эпидемии, как до сведения его дошло известие о гибели князя Цицианова в Баку. Получив высочайшее повеление вступить в управление Кавказским краем, **Г.** тотчас же собрал на линии отряд и двинулся с ним на Дербент и Баку (в это время персидская армия несколькими корпусами наступала на Грузию с целью одним разом положить конец владычеству России за пределами Кавказа). Цель похода хранилась в глубокой тайне и сообщена была генералом **Г.** лишь двум-трем лицам. Присоединив к себе войска шамхала Тарковского, **Г.** подошел к Дербенту, который и сдался без боя 22 июня 1806 г., оставшись с тех пор в русском владении. Этим

походом закончилась боевая служба Г.: Грузия была спасена, Россия приобрела весь северный и южный Дагестан.

В 1807 г. Г. был назначен инспектором войск Сибирской инспекции и начальником Сибирской линии. Здесь его деятельность направлена исключительно на мирное развитие края и благоустройство Сибирского казачьего войска. После выхода в Европейскую Россию армейских полков, ввиду приближающейся войны с Наполеоном, он принялся за реформирование и усовершенствование оставшихся гарнизонных войск и добился того, что и эти сибирские полки, участвуя в Отечественной войне 1812 г., неоднократно успешно отражали натиск французских войск.

Г. содействовал оживлению азиатской торговли – начались сношения с китайскими пограничными городами Чугучаком и Кульджей. В то же время в состав России вошла Большая киргизская орда, границы России теперь отодвинулись на 500 километров. В 1807 г. он запретил комендантам крепостей вмешиваться в дела казаков, оградив их от многоначалия. В 1810 г. в отделах войска он учредил школы для начального обучения казаков грамоте, а в 1813 г. в Омске открылось войсковое казачье училище (позднее преобразовано в Сибирский кадетский корпус). Благодаря ему казачьи войска превратились в образцовые, совершенно прекратились набеги киргизов, дороги очистились и стали совершенно безопасными.

В 1816 г. из войск, расположенных в Сибири, был сформирован Отдельный Сибирский корпус, первым командиром которого стал генерал-лейтенант Г.

По свидетельствам современников, Г. был среднего роста, с весьма привлекательной наружностью. Он представлял собою резко определенную и характерную фигуру старого служаки и строгого начальника, не допускавшего никакой фамильярности с подчиненными, но в то же время гуманного, незаносчивого, безукоризненно честного и бескорыстного. Знания его по управлению Кавказской линией были чрезвычайно обширны, а между тем весь штаб его состоял из двух адъютантов и двух-трех писарей, не выходявших с раннего утра до ночи из его квартиры. Усердием к службе он был так проникнут, что и в преклонных летах, удрученный болезнями, всегда подавал пример подчиненным. В исполнении правил службы был педантичен и без мундира, шпаги и шляпы никому из подчиненных никогда не показывался. По службе был строг, но в душе – добрый человек в полном смысле этого слова. Его правилом было не делать никому зла.

Заслуги генерал-лейтенанта Г. были отмечены орденами Св. Александра Невского, Св. Анны 1-й степени с бриллиантами, Св. Владимира 2-й степени, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Умер в Омске на 69-м году от рождения, был похоронен на немецком кладбище. В память о своем командире подчиненные генерала на средства, собранные между собой, воздвигли в 1826 г. на его могиле памятник-пирамиду с бронзовыми украшениями и фамильным гербом. На одной из четырех сторон пирамиды была помещена следующая эпитафия:

Он действовал как муж, жил как дитя счастливый;
Неправду он всегда неправдою считал,
Но сердце доброе, рассудок справедливый
На пользу родине счастливо сочетал.
Не славы громких дел искал в полезной жизни,
Старался кротостью привлечь к себе сердца
И имя чистое взял в гроб без укоризны!
Здесь дети погребли прах доброго отца.

В 60-е годы XIX века прах Г. был перенесен на новое кладбище. До настоящего времени могила не сохранилась.

9. Деникин Антон Иванович (1872–1947), один из главных руководителей всероссийской контрреволюции во время Гражданской войны 1918–1920 гг.

Когда семидесятичетырехлетний генерал Д. скончался в США, его похоронили, отдав ему такие же воинские почести, какие полагались генералам американской армии. Почему же правительство другой страны отдало дань почета генералу несуществующей армии?

Д. был едва ли не единственным в русской армии генералом, не имевшим дворянского происхождения. Семья **Д.** жила в постоянной нужде на одну небольшую пенсию отца, отставного майора. Уже в 13 лет Антону пришлось подрабатывать, давая уроки младшим школьникам.

Окончил Киевское пехотное училище (1892 г.) и в 1899 г. Академию Генерального штаба, что предполагало последующую блестящую карьеру. Но талантливый офицер продолжал служить в войсках, медленно продвигаясь по служебной лестнице. Причина заключалась в его недворянском происхождении и слишком мягком характере. Он практически никогда не наказывал солдат.

Только в 37 лет **Д.** стал командовать полком, а генеральское звание присвоено ему уже во время Первой мировой войны. Он получил под начало стрелковую бригаду, а затем и дивизию, которая за храбрость стала именоваться «Железной». Под командованием **Д.** она взяла город Луцк и захватила 10000 пленных. За этот подвиг **Д.** был награжден Георгиевским Крестом и Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами. Генерал-лейтенант (1916 г.). С осени 1916 г. командовал 8-м армейским корпусом на Румынском фронте. В апреле-мае 1917 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего, затем командовал войсками Западного и Юго-Западного фронта. Вместе с Л.Г. Корниловым 19 ноября (2 декабря) 1917 г. бежал из Быховской тюрьмы на Дон. В декабре избран членом «Донского гражданского совета». Один из организаторов Добровольческой армии. С 13 апреля 1918 г. ее командующий, с 8-го октября ее главнокомандующий. 31 августа – 8 октября 1918 г. 1-й заместитель председателя «Особого совещания» (ОС). С 8 января 1919 г. главком «Вооруженных Сил Юга России» (ВСЮР). Летом-осенью 1919 г. предпринял поход на Москву.

Первое время военные действия развивались успешно для белогвардейцев. Под командованием **Д.** была освобождена огромная территория. В ходе военных действий в полной мере раскрылся его военный талант, умение управлять огромными массами людей.

К октябрю 1919 г. войска **Д.** намеревались взять Москву, однако под натиском красных Белой армии пришлось отступить.

30 декабря упразднил ОС и создал «Правительство при главнокомандующем ВСЮР». 4 января 1920 г. указом А. В. Колчака объявлен «Верховным правителем», в марте образовал «Южнорусское правительство». С остатками армии эвакуировался в Крым. 4 апреля 1920 г. объявил своим преемником П. Н. Врангеля и эмигрировал.

В Париже **Д.** сразу же стал писать воспоминания о пережитом, считая своим долгом правдиво рассказать о том, что произошло в России. Так появился многотомный труд «История русской службы».

Оставаясь до конца жизни врагом советской власти, в начале Второй мировой войны (1939 г.) наотрез отказался сотрудничать с гитлеровцами и выступил с обращением к белоэмигрантам не поддерживать фашистскую Германию в случае ее нападения на СССР.

Покинув Францию, эмигрировал в США, где продолжал вести научную работу и преподавал в различных учебных заведениях. До самой смерти он оставался горячим патриотом России. **Д.** радовался победе в Великой Отечественной войне и надеялся, что русская армия когда-нибудь станет свободной от большевизма. Но увидеть это ему не довелось...

Генерал до конца оставался верен тем идеалам, которые сформировались у него за долгие годы на службе Отечеству и той России, в которой он жил и за которую воевал. Живя в эмиграции, он всегда хотел вернуться на Родину, но его желанию суждено было сбыться лишь спустя несколько десятилетий после смерти. В 2005 г. останки русского генерала были перезахоронены в Москве на территории Донского монастыря. С чужбины вернулось и его наградное оружие. Георгиевским оружием **Д.** был отмечен дважды. Столь высокий уровень награждения подтверждает тот факт, что на полях сражений он не прятался за спины других, мужественно переносил все тяготы военной службы и обладал незаурядным талантом военачальника.

На Родину вернулась Георгиевская шашка полководца, удостоенного за бои у д. Гродек 8–12 сентября 1914 г., в которых генерал-майор **Д.** проявил личное мужество и отличную тактическую подготовку, обеспечившую победу русского оружия. Именно эта награда, которой **Д.** гордился и дорожил всю свою жизнь, вернулась в страну, которую покинула 85 лет назад. Второе Георгиевское оружие **Д.** получил 22 сентября 1916 г. за успешные боевые действия в ходе Брусиловского

прорыва на Юго-Западном фронте. Действуя на острие наступления, возглавляемая им 4-я стрелковая дивизия прорвала шесть укрепленных линий австро-венгерских позиций и 7 июля взяла крупный город Луцк. Георгиевская шашка, украшенная бриллиантами, принадлежавшая генерал-лейтенанту **Д.**, к сожалению, не сохранилась. В Центральном музее Вооруженных Сил РФ хранится копия «Высочайшей грамоты» о его награждении.

10. С именем святого великомученика **Димитрия Солунского** связаны, по предугаданию Божию, первые же страницы русской летописи. Когда Вещий Олег разгромил греков под Константинополем (907 г.), как сообщает летопись, «убоялись греки и говорили: это не Олег, но святой Димитрий послан на нас от Бога». Русские воины всегда верили, что они находятся под особым покровительством святого великомученика Димитрия. Более того, в старинных русских былинах великомученик Димитрий изображается русским по происхождению, – так сливался этот образ с душой русского народа.

Церковное почитание святого великомученика Димитрия в Русской Церкви началось сразу после Крещения Руси. К началу 70-х годов XI столетия относится основание Димитриевского монастыря в Киеве, известного впоследствии как Михайлов-Златоверхий монастырь. Обитель была построена сыном Ярослава Мудрого, великим князем Изяславом, в крещении Димитрием († 1078 г.). Мозаичная икона святого Димитрия Солунского из собора Димитриевского монастыря сохранилась до наших дней и находится в Государственной Третьяковской галерее. В 1194–1197 годах великий князь Владимирский Всеволод III Большое Гнездо, в крещении Димитрий, создал церковь, «прекрасную на дворе своем, святого мученика Димитрия», и украсил ее дивно иконами и писанием» (т.е. фресками). Димитриевский собор и доныне является украшением древнего Владимира. Чудотворная икона святого Димитрия Солунского из иконостаса собора также ныне находится в Москве, в Третьяковской галерее. Она написана на доске из гроба святого мученика Димитрия, принесенной в 1197 году из Солуни во Владимир. Одно из ценнейших изображений святого – фреска на столпе Владимирского Успенского собора, принадлежащая кисти преподобного иконописца Андрея Рублева.

Почитание святого Димитрия продолжалось и в роду святого Александра Невского (память 23 ноября). Святой Александр назвал старшего сына в честь святого великомученика. А младший сын, святой благоверный князь Даниил Московский († 1303 г.; память 4 марта), воздвиг в Москве храм во имя святого великомученика Димитрия в 1280-х годах, который явился первым каменным храмом в Московском Кремле. Позже, в 1326 г., при князе Иоанне Калите, он был разобран, а на его месте воздвигнут Успенский собор.

Память святого Димитрия Солунского издревле связывалась на Руси с воинским подвигом, патриотизмом и защитой Отечества. Святой изображается на иконах в виде воина в пернатых доспехах, с копьем и мечом в руках. На свитке (в более поздних изображениях) писали молитву, с которой святой Димитрий обращался к Богу о спасении родной Солуни: «Господи, не погуби град и людей. Если град спасешь и людей – с ними и я спасен буду, если погубишь, с ними и я погибну».

В духовном опыте Русской Церкви почитание святого великомученика Димитрия Солунского тесно связано с памятью защитника Родины и Церкви, великого князя Московского Димитрия Донского († 1389 г.). «Слово о житии и о представлении великого князя Димитрия Ивановича, царя русского», написанное в 1389 году, как и другие древние источники, прославляет его как святого. Духовный сын и воспитанник Митрополита Алексия, святителя Московского († 1878 г.; память 12 февраля), ученик и собеседник великих молитвенников Русской земли – преподобных Сергия Радонежского († 1392 г.; память 25 сентября), Димитрия Прилуцкого († 1392 г.; память 28 ноября), великий князь Димитрий «о церквах Божиих весьма печаловался, а страну земли Русской мужеством своим держал: многих врагов, встающих на нас, победил и славный град свой Москву стенами чудесными оградил». Со времен построенного великим князем Димитрием белокаменного Кремля (1366 г.) Москва стала называться Белокаменной. «Процвела земля Русская в лета княжения его», – свидетельствует названное «Слово о житии и о представлении великого князя Димитрия Ивановича, царя русского». Молитвами своего Небесного покровителя, святого воина Димитрия Солунского, великий князь Димитрий одержал ряд блестящих военных

побед, предопределивших дальнейшее возвышение России: отразил натиск на Москву литовских войск Ольгерда (1368, 1373 гг.), разгромил на реке Воже татарское войско Бегича (1378 г.), сокрушил военную мощь всей Золотой Орды в битве на Куликовом поле (8 сентября 1380 г., в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы), между реками Доном и Непрядвой. Куликовская битва, за которую народ назвал Дмитрия Донским, стала первым общерусским национальным подвигом, сплотившим вокруг Москвы духовные силы русского народа. Этому переломному событию русской истории посвящена «Задонщина», вдохновенная героическая поэма, написанная иереем Сафонией Рязанцем (1381 г.).

Князь Дмитрий Донской был великим почитателем святого великомученика Дмитрия. В 1380 г., накануне Куликовской битвы, он торжественно перенес из Владимира в Москву главную святыню Владимирского Дмитриевского собора – икону великомученика Дмитрия Солунского, написанную на доске гроба святого. В Московском Успенском соборе был устроен придел во имя великомученика Дмитрия. В память воинов, павших в Куликовской битве, установлена была для общецерковного поминовения родительская суббота. В первый раз эта панихида была совершена в Троице-Сергиевом монастыре 20 октября 1380 г. Преподобным Сергием, игуменом Радонежским, в присутствии самого великого князя Дмитрия Донского. С тех пор она ежегодно совершается в обители с торжественным поминанием героев Куликовский битвы, в том числе схимонахов-воинов Александра (Пересвет) и Андрея (Ослябя).

Особое почтение к памяти великомученика Дмитрия видно, между прочим, из того, что наши князья часто называли своих первенцев именем этого святого. Так было у Ярослава I, Юрия Долгорукого, Александра Невского, Ивана II, Ивана Грозного, Алексея Михайловича. День святого великомученика Дмитрия считался в числе больших праздников – службу совершал обыкновенно сам патриарх в присутствии государя.

11. Елгаштин, полковник. Во время военных действий против кокандцев в 1875 г. 12 августа сибирские казаки (четыре сотни) под начальством командира 1-го Сибирского казачьего полка **Е.** сначала лихим казачьим набегом, а потом при переходе в горы в спешном строю застигли враг врасплох в горном ущелье шайку в 800 чел. и нанесли превосходящему в силах неприятелю под начальством Зюльфикар-Бека решительное поражение.

12. Ермак – казачий атаман, русский витязь XVI в., сперва заслужил своими делами опалу царя, а потом обессмертил свое имя присоединением Сибири к России.

Историк Н. М. Карамзин дает внешний облик этого великого человека: «Он был благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронзительного».

«Ремезовская летопись», – отмечает известный исследователь Сибири Г. Ф. Миллер, – отважного **Е.** ставит в ряд с величайшими героями. Она хвалит его пронзительный ум и отменное благоразумие, благодаря которым он во всех случаях умел находить быстрое и превосходное решение. Летопись говорит также об его храбрости, в которой, конечно, никак нельзя усомниться»... Историк А. Нечволодов дает такую характеристику **Е.:** «...Это был настоящий русский богатырь, отважный и решительный, предприимчивый и умный, отлично знающий людей и закаленный как в борьбе с суровой природой, так и со всеми житейскими невзгодами. **Е.,** кроме того, отличался замечательным красноречием и умел вовремя сказанным словом, исходившим из глубины его исполинской души, побуждать своих смелых соратников на беспримерные подвиги».

Долгий и нелегкий путь прошел **Е.,** прежде чем стать атаманом. Только закаленного в боях воина, искушенного в политике человека, обладавшего большим личным мужеством и умением повести за собой людей, избирали казаки предводителем своим.

Человек такого масштаба, обладающий выдающимся организаторским, дипломатическим и военным талантом, сформировался не сразу.

Донской казак, он с юных лет знал военное дело, десятилетиями постигал ратную науку, участвуя во всех войнах, которые в то время вела Россия.

Предания повествуют, что во время осады Казани **Е.** проник в осажденный город, осмотрел крепость и, возвратившись, указал места, наиболее выгодные для взрыва стен.

В 60-е годы XVI в. во главе тысячного отряда **Е.** участвовал в войне Москвы с Ливонией, его имя упоминается в «дневнике» польского короля Стефана Батория среди имен российских воевод, осаждавших Могилев. Будучи человеком выдающегося ума и характера, он хорошо понимал значение военной выучки, дисциплины, высокого морального духа в борьбе с врагом, владел передовой для своего времени стратегией и тактикой.

Донские казаки в конце XVI в. славились удалством, были грозой степняков, грабили азиатских купцов по пути в Москву, а иногда и казну государя. Иоанн Грозный несколько раз объявлял опалу – казаки не унимались; московские дружины являлись на берега Дона и Волги, казнили многих, однако ж не могли успокоить этот край: казаки вновь появлялись на дорогах и перевозах. В быстром набеге они захватили столицу Ногайскую, город Сарайчик и не оставили камня на камне. Особенно отличались удалством пятеро волжских атаманов: **Е.**, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк; второй из них был даже осужден на казнь. Этим обстоятельством решили воспользоваться богатые и умные пермские купцы Строгановы. Им нужно было охранять свои заводы, а, следовательно, и северо-восточные границы государства от набегов. Ими вместе с дарами 6 апреля 1579 г. было отправлено письмо **Е.** и его товарищам; Строгановы убеждали их покинуть ремесло, недостойное христианских витязей, примириться с Богом, с Россиею и быть верными воинами Белого Царя. «У нас есть и крепости и земли, но мало дружины, – писали к ним Строгановы, – идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край Христианства». **Е.**, по сказанию летописей, родом незнатный, душою знаменитый, заплакал от умиления и в то же время дал обет начать новую жизнь. Подняв знамя, он собрал с товарищами 540 казаков и 21 июня прибыл к Строгановым, которые предложили **Е.** очистить землю Сибирскую и выгнать безбожного царя Кучума. **Е.** согласился. Он и казаки его весьма серьезно подготовились к походу в Сибирь, и в 1581 г., 1 сентября, хорошо организованная, боеспособная дружина, насчитывавшая менее тысячи человек, отслужив молебен, двинулась в путь. Воины небольшого отряда умело владели оружием, обладали немалым боевым опытом и, уже не раз проявившие в боях мужество, решимость и находчивость, были руководимы человеком удивительной доблести, отваги и энергии. Слово Божие в отряде несло духовенство – три священника и монах. Г. Ф. Миллер пишет: «Над этой небольшой армией Ермак считался как бы генералом».

В военно-административном отношении сподвижники **Е.** были поделены на сотни, или атаманства, во главе с атаманами, при особых знаменах, полусотни с пятидесятниками и десятниками.

Отряд был хорошо вооружен: три пушки, триста пищалей, дробовые ружья, стрелявшие «невидимыми стрелами». Но и армия Кучума (около 10 тысяч человек), представляла тоже серьезную силу, а многие его храбрые воины уже имели опыт сражений против войска, вооруженного огнестрельным оружием.

После ряда побед над войсками Сибирского ханства отряд **Е.** в решительном сражении на берегу реки Иртыш разбил главные силы Кучума, и 26 октября 1582 г., через четырнадцать месяцев после выступления, казаки заняли столицу Сибирского ханства – Кашлык (Искер).

Каждая победа, одержанная **Е.**, – это, прежде всего, верно выбранная тактика, четко продуманный боевой порядок. Отважный рукопашный бой, меткая стрельба, прочная, опирающаяся на «городища» и остроги оборона, высокая по тем временам маневренность дружины, использование особенностей местности, тактики взаимодействия флотилии гребных судов с казачьими отрядами, высаживающими на берег, использование каре для борьбы с многочисленной конницей противника – это все черты русского военного искусства XVI–XVII веков. Высокая боеспособность отряда **Е.** обеспечивалась также крепкою боевою спаянностью и взаимной выручкой воинов.

Строгановская летопись справедливо говорит: «Не дали храбрецы ни в чем себе покоя: ни уму своему от помыслов отдохнуть, ни сердцу своему потерять мужество, ни очам своим пребывать в бездействии, ни рукам успокоиться, ни ногам своим немного отдохнуть от похода! Так что всякое те храбрые воины претерпели! Не обратились в бегство от большого числа летящих стрел и ударов копий, не посетовали, и не опечалились, и не зароптали, но только на Господа Бога уповали и пречистую его Богоматерь, а всех святых на помощь себе призывали...».

Е. оказался не только храбрым воином, полководцем, но и «умным, дальновидным устроителем, так умело держа себя с покоренными племенами, что те полюбили его и всеми силами поддерживали». В Искере «грозный покоритель Сибири принял местных жителей ласково, обложил легкой данью и отпустил, внушив им доверенность к своему могуществу и правосудию; казаки, прежде столь буйные, не смели тронуть ни волоса у жителей: за всякое дело судное, равно как за слушание, **Е.** казнил без милосердия. Воины его и в пути, и в столице Кучумовой вели жизнь целомудренную, сражались и молились». **Е.** с товарищами «привели татар, вогулов, остяков к шерти^{*}, что им под его царскою высокою рукою до веку, пока изволит Бог вселенной стояти, и ясак им давать Государю под вся лета бесповоротно». Умное правление этого покорителя доставило ему уважение многих сибирских племен. Местные жители, привыкшие к непрестанным междоусобицам и постоянной подозрительности, всегда ожидавшие от незнакомых людей самого худшего, сразу же почувствовали, что русские никого не дают в обиду. Смирившиеся с деспотизмом и гнетом Кучума, они теперь убеждались, что на доверие пришельцы отвечают доверием, что власть их держится не только на силе, но и на уважении к их воинам и шаманам, женщинам и детям, что к их богам чужеземцы относятся без неприязни, снисходительно, не велят уничтожать идолов, не высмеивают их веру, не насаждают насильно веру свою.

Большинство исследователей отмечает, что термин «завоевание Сибири», по существу, неверен, так как в основном присоединение шло мирным путем, колонизация, за редким исключением, не встречала упорного сопротивления. Аборигены не вытеснялись со своих земель и не истреблялись, как, например, это произошло с индейцами в Америке. Напротив, местные жители получили хороший стимул для того, чтобы усвоить более высокую материальную и духовную культуру, которую несли с собой русские люди. Народы, страдавшие раньше от непрерывных набегов с юга, подвергавшиеся постоянным унижениям, страдавшие от деспотизма ханов, теперь обрели в лице русского воина надежного защитника, помогали ему осваивать просторы Сибири.

Укрепляя в Сибири русскую власть, **Е.** старался показать перед местными «инородцами» не только воинскую мощь русских, но и, так сказать, культурное их превосходство. По крайней мере не подлежит сомнению, что, покоряя этих «инородцев», он тотчас же старался вселить в них уверенность в том, что в лице русских они встречают властителей не только сильных и справедливых, но и способных поддержать всякие их труды и начинания в области хозяйства, ремесел и торговли. Быстро освоившись с ролью царского служилого человека, облеченного (или, лучше сказать, облекшего себя) властью как бы воеводы, **Е.** с удивительным для человека его первоначальной профессии административным тактом вел устройство занятой русскими территории.

Авторитет и главенство **Е.** признавались в Сибири и дружине даже с приходом царских войск, подчиненных лицу с княжеским титулом и боярским званием, — отмечает известный историк Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев. Опыт **Е.**, умевшего ладить с местными племенами, человека справедливого и доброжелательного, мужественного воина, замечательного патриота своей родины, Колумба земли Российской, положившего начало великим географическим открытиям русских на Востоке, пригодился другим первооткрывателям.

Известив Строгановых об успешном присоединении обширного края Сибирского, **Е.** послал своего друга и товарища Ивана Кольцо в Москву «бить челом великому государю Иоанну Васильевичу царством Сибирским, которое опальные казаки присоединили к России на веки веков, доколе Всевышний благоволит стоять миру». **Е.** писал, что теперь они ждут царских воевод сдать им царство Сибирское, без всяких условий, готовые или вновь идти против врагов имени Христова, или умереть на плахе, как будет угодно Богу и государю». Царь Грозный, опечаленный несчастным окончанием войны за Ливонию, воспрянул духом; народ ободрился и радостно повторял: «Новое царство послал Господь России». Государь забыл прежние вины казаков, называл их добрыми витязями, жаловал их деньгами, сукнами, камками^{**}, наградил Строгановых и отправил воеводу князя Болховского на помощь **Е.** Иван Кольцо, возвратясь в Искер (1583 г.), привез атаману и рядовым богатые дары, а **Е.** две брони, серебряный кубок и шубу с плеча царского. ...Милостивою

* Шерть — присяга на верность.

** Камка — шелковая ткань с разводами (узорами).

грамотою Иоанн изъявил казакам вечное забвение прежнего и вечную благодарность России за их подвиги; мужественному вождю их пожаловал титул князя сибирского с правом главного начальника для утверждения порядка в новом царстве и верховной власти государя над сибирским краем.

Е., примиренный с отечеством, с государем, с совестью, торжествовал в Искере, но скоро минули дни радостей – судьба готовила уже бедствия, чтобы испытать мужество первопроходцев...

В ночь с 5 на 6 августа татары напали на дружину. **Е.** вступил в бой, но, не сумев достичь струга, утонул в Вагае.

Согласно летописным источникам, тело **Е.** было обнаружено местными жителями через 8 дней после его гибели. Погребен был **Е.** на «Большевском кладбище под кудрявой сосной».

Славное дело, начатое **Е.**, не погибло с его смертью (1584 г., по другой версии – 1585 г.): его прославленная дружина, верная заветам своего атамана, продолжала и без него вести это дело, медленным, но твердым шагом продвигаясь в глубь страны. С гибелью Кучума (1601 г.) Сибирское ханство окончательно прекратило свое существование. Правительство, следя за успехами в Сибири дружины **Е.** и его последователей, высылало к ним на помощь отряды из разного рода ратных людей, которые впоследствии послужили основой для зарождающегося Сибирского казачьего войска.

Казачий атаман **Е.** «со товарищи» – казаками – положил начало и военной славе сибиряков. Он и его дружинники были первыми служивыми людьми России в Сибири, и никто и никогда не смог и не сможет изменить того направления, которое дано Сибири **Е.**: Сибирь навсегда осталась достоянием русского народа, который до сих пор гордится атаманом-князем.

Десятки русских землепроходцев, исследовавших вслед за **Е.** неведомые миру необъятные сибирские просторы, во многом походили на атамана – и бесстрашием, и духом своим неукротимым, и желанием послужить Отечеству, открыть новые пути.

Личность **Е.**, его великий подвиг во имя России всегда вызывали огромный интерес и уважение, жили и живут в памяти народной, с его образом народная поэзия связывает черты мужественного человека, в котором сочетаются удаля, широта натуры и тяга к открытиям новых, неизведанных земель.

Народ прославил его в своих песнях и сказаниях, отдав должное его мужеству, преданности товарищам, воинской доблести: «...Величая доблесть его не только в летописаниях, но и святых храмах, где мы еще и ныне торжественно молимся за него и за дружину храбрых, которые вместе с ним пали на берегах Иртыша. Там имя сего витязя живет и в названиях мест и в преданиях изустных».

Благодарное потомство воздвигло ему памятник: он поставлен 18 сентября 1838 г. в Тобольске, на мысе Чукман, возвышающемся от 21,5 до 23 сажен над нижнею частью города. Основание мраморной пирамиды 6 аршин и 6 вершков, а высота 7 аршин 24 вершков; на лицевой стороне изображено «1581» (год взятия Кучумовой столицы, Искера, или Сибири); на противоположной стороне – «1584» (год смерти **Е.**); на третьей стороне надпись: «Победителю Сибири, Ермаку»; на четвертой: «Воздвигнут в 1838 году».

Облик великого первопроходца Сибири, бесстрашного атамана предстает перед нами в памятнике М.О. Микешина «Тысячелетие России» в Новгороде (1862 г.), скульптурах М.М. Антокольского (1891 г.) в Русском музее, В.А. Беклемишева (1904 г.) в Новочеркасске, на картине В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895 г.) в Русском музее и в других произведениях. В 1882 г. по случаю 300-летия присоединения Сибири 1-й Сибирский казачий полк был назван «полком Ермака Тимофеевича». Его именем назван первый в мире ледокол (1899 г.), способный пробивать тяжелые льды, совершивший первое плавание в Арктику под командованием прославленного флотоводца адмирала С.О. Макарова. Знаменитый корабль участвовал затем в снятии со льдины экипажа станции «Северный полюс-1» во главе с И.Д. Папаниным (1938 г.), обеспечивал в годы Великой Отечественной войны проводку судов через льды на Балтике...

* Титло – почетное звание, величание, именование по сану, достоинству.

Не были забыты и имена героев дружины **Е.**, «за победы заслуживших благословение Отчизны». Через тридцать шесть лет после его гибели первый сибирский митрополит Киприан собрал в Тобольске старых казаков, сподвижников **Е.**, расспрашивая их, «как они приидоша в Сибирь и где с погаными были бои и ково где убили погании на драке». Имена погибших ермаковцев были занесены в Синодик, и, как христианским подвижникам, митрополит повелел в неделю православия в соборной церкви в Тобольске «кликати им с протчими пострадавшими за православие вечную память».

«Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память!..»

13. Заурвейд Александр Иванович (1782–1844), русский живописец-баталист и рисовальщик. Образование получил в Дрезденской академии художеств. Жил в Дрездене, Париже, Лондоне. В 1814 г. был вызван Александром I в Санкт-Петербург для исполнения картин военного содержания и рисунков обмундирования русских войск. Первый живописец Главного штаба (с 1825 г.). При Николае I состоял преподавателем рисования при великих князьях. В 1827 г. Санкт-Петербургская академия художеств избрала его в свои почетные вольные общники, вскоре после чего он получил в ней должность руководителя класса баталистической живописи, а позднее был возведен в звание профессора. Основоположник того направления в русской батальной академической живописи 1-й половины XIX в., представители которого стремились к документальной точности воссоздания общей картины боя и жанровых деталей.

Произв.: «Штурм крепости Варна 29 сентября 1828 г.», «Бой при Кульме», «Битва под Лейпцигом» – все в Эрмитаже, Санкт-Петербург.

14. Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885). Происходил из дворян Тверской губернии. В службу вступил из школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк в 1842 г. По окончании в 1847 г. курса императорской Военной академии первым, с награждением большою серебряною медалью переведен в гвардейский Генеральный штаб с производством в ротмистры. В 1850 г. был назначен адъюнкт-профессором тактики императорской Военной академии и по 1853 г., будучи уже полковником, читал лекции по этому предмету старшим офицерам гвардейского корпуса. В это же время он перевел (с М. И. Богдановичем) сочинение Шпехта «Королевство Вестфальское и разрушение его графом Чернышовым» (СПб., 1852 г.). 19 февраля 1855 г. **К.** назначен флигель-адъютантом, а в 1858 г. произведен в генерал-майоры. В 1861 г. был командирован в Калужскую губернию для наблюдения за введением в действие положения о крестьянах, причем за прекращение беспорядков в одном имении получил высочайшее благоволение и в том же году назначен начальником штаба отдельного Гренадерского корпуса. В 1864 г. назначен Киевским губернатором с производством в генерал-лейтенанты. По ходатайству Бердичевского городского общества **К.** было присвоено звание почетного гражданина Бердичева «за оказанное этому городу попечение во время существовавшей в таковом эпидемической болезни холеры». В 1867 г. назначен генерал-адъютантом.

1 января 1875 г. **К.** был назначен генерал-губернатором Западной Сибири, командующим войсками Западно-Сибирского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска, а в 1878 г. произведен в генералы от инфантерии. Состоя в должности командующего войсками Западно-Сибирского военного округа, получил орден Св. Александра Невского (1876 г.).

Как администратор генерал **К.** отличался выдающимися качествами. Будучи Западно-Сибирским губернатором, **К.** выдвинул много важных местных вопросов: о ссыльных, инородческий, университетский, переселенческий, о путях сообщения, о народном образовании и другие. Он с успехом старался очистить и освежить местную администрацию. По широте административного кругозора, объему благих намерений и энергии **К.** сравнивали с М. М. Сперанским. Строгая законность гармонически сочеталась в нем с удивительной мягкостью и корректностью.

В книге «Путешествие в Западную Сибирь» О. Финш писал: «В короткое время своей деятельности генерал Казнаков, при объезде подведомственных ему губерний и путем различных распоряжений, сделал более для процветания Западной Сибири, чем кто-либо из его предшествен-

ников, и притом по всем отраслям управления». Деятельность **К.** высоко оценивал Н. М. Ядринцев: «Он совершенно очаровал меня... Я был в восторге, что нашел администратора, который так живо интересовался сибирским вопросом». Время управления Западной Сибирью **К.** он называл «выдающимся управлением». Особенно значительны заслуги Николая Геннадьевича в развитии науки и образования в Западной Сибири. При нем были открыты многие средние и низшие учебные заведения, в том числе в Омске – мужская гимназия (1876 г.) и женская прогимназия (1877 г.). Он неоднократно поднимал вопрос об открытии университета в Сибири. По его представлению в 1875 г. император Александр II высочайше повелел генерал-адъютанту **К.**: «Подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовить из сферы своей людей сведущих и образованных, в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения и, по ближайшему и всестороннему обсуждению этого предмета, повергнуть через Министерство народного образования на Высочайшее воззрение соображения об учреждении для Сибири университета». Соображения были представлены **К.** 3 ноября 1875 г. в министерство и послужили основой проекта, внесенного 29 мая 1876 г. в Государственный совет. Местом для учреждения университета был первоначально назначен город Томск, как более центральный в географическом и этнографическом отношении. Университет был заложен в 1880 г. **К.** был одним из учредителей (1877 г.) и первым покровителем ЗСОИРГО (Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества), долгие годы являвшегося центром научной и культурной жизни Омска. В 1880 г. **К.** присвоено звание почетного гражданина Омска. (До революции одна из улиц города носила его имя, нынешняя улица Ленина).

В 1881 г. **К.**, по расстроенному здоровью, был уволен от занимаемых должностей и назначен членом Государственного совета. В 1883 г. получил бриллиантовый перстень с изображением императора Александра III.

После тяжелой болезни скончался в Санкт-Петербурге.

15. Катанаев Георгий Ефремович (1848–1921), историк Сибирского казачьего войска, краевед. Генерал-лейтенант. Родился 28 апреля 1848 г. в станице Атбасарской в семье казачьего офицера. Образование получил в Сибирском кадетском корпусе. В 1866 г. произведен в хорунжие и назначен в 1-й военный округ Сибирского казачьего войска, а в 1870 г. – в 1-й Сибирский казачий полк на должность адъютанта. В эти годы **К.** познакомился с Г.Н. Потаниным. В начале 1870-х гг. **К.** уезжает в Москву и поступает в Петровскую земледельческую и лесную академию. Вернувшись через три года в Омск, избирается войсковым депутатским собранием на должность советника Войскового хозяйственного правления. Преподаватель истории и географии Сибирской военной гимназии. Окончил два курса академии Генерального штаба. Старший адъютант для особых поручений при войсковом наказном атамане, а затем член комитета при главном управлении казачьих войск в Санкт-Петербурге. С 1889 г. до выхода в отставку в 1906 г. – председатель хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. В эти годы при непосредственном участии **К.** в Сибирском казачьем войске были проведены многие прогрессивные преобразования. Военную службу **К.** успешно совмещал с научной деятельностью. Он – учредитель и почетный член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (ЗСОИРГО), а в 1893–1897 гг. – председатель его. **К.** принимал активное участие в общественной жизни Омска: был гласным Городской думы, членом Омского отделения Московского общества сельского хозяйства, председателем Общества попечения о нуждах населения Сибирского казачьего войска и т.д. В 1916 г. добился создания еженедельника «Сибирские войсковые ведомости» и стал его редактором. После Февральской революции, не согласившись с решением 1-го Войскового съезда, сделавшего шаг в сторону ликвидации казачества, **К.** сложил с себя обязанности редактора «Ведомостей» и отошел от общественной жизни. В 1918 г., после свержения советской власти в Сибири, **К.** становится редактором войсковой газеты «Иртыш», членом Военного совещания при Временном Сибирском правительстве. В сентябре 1918 г. он участвует в Государственном совещании в Уфе. После прихода к власти адмирала А. В. Колчака **К.** назначается членом Военного Совета и председателем Особой комиссии по расследованию деятельности лиц, причастных к большевизму. В феврале 1919 г. **К.** по просьбе А. В. Колчака едет в Читу в качестве председателя Чрезвычайной следствен-

ной комиссии для расследования действий атамана Г. М. Семенова, не признавшего сразу Верховного правителя России. В ноябре 1919 г. **К.** эвакуируется в Иркутск. Во время этого переезда были безвозвратно утрачены многие материалы, собранные **К.** по поручению Войскового правительствa для подготовки «Истории Сибирского казачьего войска». В январе 1920 г. **К.** был арестован в Иркутске, содержался в одной тюрьме с А. В. Колчаком, но ввиду «дряхлости» и отсутствия серьезных обвинений, был освобожден большевиками и отправлен в Омск. По возвращении в Омск, он становится заведующим историко-экономической секции Сибархива и возглавляет отдел истории и археологии музея ЗСОИРГО. Умер **К.** 18 декабря 1921 г., похоронен на Казачьем кладбище. В Сибирском казачьем войске служил 42 года.

16. Кауфман Константин Петрович (1818–1882), генерал-адъютант. Воспитание получил в инженерном училище. С 1844 г. служил с отличием на Кавказе. Принимал участие во многих делах с чеченцами, а в знаменитой экспедиции 1845 г. в Дарго был ранен пулею в шею. В 1848 г. удостоен ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст., в 1851 г. – золотой сабли. В Восточную войну 1853–1856 гг., командуя кавказским саперным батальоном, участвовал в обложении и штурме Карса. В 1861 г. назначен директором канцелярии Военного Министерства. Здесь на его долю выпало немало трудов, так как в это время разрабатывался вопрос о введении в России военно-окружной системы; одновременно с этим он участвовал в разных комитетах по происходившим тогда преобразованиям всей военной организации. В 1865 г. назначен генерал-губернатором Северо-Западного края и командующим войсками Виленского военного округа, а в 1867 г. – командующим войсками Туркестанского военного округа. Управление Туркестанским краем в течение 15 лет – самая блестящая страница его государственной деятельности, которая, кроме многократных поражений, нанесенных бухарцам, хивинцам и кокандцам, ознаменовалась взятием Самарканда (1868 г.) и покорением Хивы (1873 г.). Награжденный за последний подвиг орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й ст., **К.** в 1874 г. произведен в инженер-генералы. За славную защиту Самарканда **К.** пожалован орден Белого Орла и, кроме того, высочайше было повелено начертать на белой мраморной доске инженерного училища имя его с присовокуплением надписи: «1868 г. Самаркандъ». В 1875 г. 22 августа у крепости Махрам совершенно разбил неприятеля, за что награжден алмазами украшенную шпагою с надписью: «За поражение кокандцев 22 августа 1875 г.». В 1876 г. им было покорено Кокандское ханство, из которого образована Ферганская область.

Пройдя хорошую школу на Кавказе под руководством таких военачальников, как Н.Н. Муравьев, И.И. Воронцов и Аргутинский-Долгоруков, он и сам создал целую школу отличных военачальников и администраторов, какими были М.Д. Скобелев, Г.А. Колпаковский, А.К. Абрамов и др. Последние годы своей жизни **К.** посвятил введению в новом крае порядка по управлению им и устройству благосостояния населения. Твердый характером, добрый, справедливый и доступный, **К.** оставил о себе хорошую память среди местного населения, он присоединил Туркестан, он его создал, и он вполне был прав, говоря: «Здесь русская земля, в которой не стыдно лежать русским костям».

17. Колпаковский Герасим Алексеевич (1810–1896). Происходил из дворян Харьковской губернии. В службу вступил рядовым на правах вольноопределяющегося в Модлинский пехотный полк в 1835 г. В 1841 г. произведен в прапорщики, в 1844-м – в подпоручики, в 1846-м – в поручики, в 1849-м – в штабс-капитаны, в 1851 г. переведен на службу в Сибирь с назначением адъютантом к командовавшему Отдельным Сибирским корпусом генералу Г.Х. Гасфорду. В 1854 г. произведен в капитаны и назначен старшим адъютантом штаба Отдельного Сибирского корпуса, откуда в том же году назначен исполняющим должность Березовского военно-окружного начальника, а в следующем году произведен в майоры. В 1858 г. на майора **К.** возложена трудная и ответственная обязанность начальника Алатавского округа и пристава казахов Большой орды; в 1860 г. он был произведен в подполковники и в том же году, за разбитие при урочище Узун-Агач двадцатитысячного отряда кокандцев (превосходившего его отряд численностью в 20 раз!), вторгнувшихся в Заилийский край, получил чин полковника и орден Св. Великомученика и Победоносца

Георгия 4-й степени. В 1862 г. произведен за боевые отличия в генерал-майоры, а в 1864 г. назначен командующим войсками, расположенными в Семипалатинской области. С образованием в 1867 г. Семиреченской области, назначен военным губернатором этой области и командующим войсками, в ней расположенными. За время управления Семиреченской областью **К.** проявил особенную деятельность при образовании и устройстве Семиреченского казачьего войска, а также в развитии русской колонизации в Семиречье. В короткий промежуток времени эта, частью гористая, частью степная область, занятая исключительно кочевьями, покрылась массой оседлых поселений. Колонисты-крестьяне и казаки принесли в Семиречье начала русской гражданственности и культуры и способствовали слиянию этого края с империей. **К.** приложил немало усилий к переустройству города Верного (ныне Алматы). По его ходатайству открылись мужская и женская гимназии и начальные училища в Верном и других селениях. **К.** выступал за прогрессивное преобразование казахской степи, поддерживал идеи Ч.Ч. Валиханова (казахский ученый, просветитель-демократ, историк, этнограф и фольклорист). В 1871 г. **К.** произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени за покорение Кульджинского ханства. С 1873-го по 1882 г. **К.** неоднократно исправлял должность Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа за отсутствием или болезнью генерал-адъютанта К. П. Кауфмана. В 1876 г. командовал экспедиционным отрядом, командированным для занятия Кокандского ханства. В 1882 г. назначен Степным генерал-губернатором, командующим войсками Омского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска, а в следующем году **К.** награжден мундиром Семиреченского казачьего войска и зачислен к означенному войску с званием почетного старика Больше-Атаманской станицы. Вскоре он был пожалован орденом Св. Александра Невского.

В 1883 г. **К.** получил согласие березовских казаков на передачу Сибирскому казачьему войску хранившегося в Березовском соборе знамени, по преданию, принадлежавшего дружине Ермака. Знамя было перевезено в Омск и помещено в казачий Никольский собор.

В 1885 г. произведен в генералы от инфантерии. В 1889 г. назначен почетным казаком Сибирского казачьего войска. В 1891 г. член Военного совета **К.** отпраздновал 50-летний юбилей служения в офицерских чинах. В этот день ему при всемилостивейшем рескрипте пожалованы бриллиантовые знаки к ордену Св. Александра Невского.

К. участвовал в следующих военных походах: против кавказских горцев в 1840-м (в десантной экспедиции, высланной из Крыма под начальством генерала Раевского на Кавказское побережье), в 1844-м и 1845 гг.; в 1848 г. в походе для водворения порядка и спокойствия в княжествах Молдавии и Валахии; в 1849 г. в походе и делах против венгров; в 1860 г. в экспедиции полковника Циммермана за реку Чу для наказания кокандцев за их вторжение в наши пределы; при взятии и разрушении укреплений Токмака и Пишпека; начальствовал отрядами, действовавшими против вторгнувшихся в наши пределы кокандцев, и на урочище Узун-Агач нанес им совершенное поражение, причем был контужен; в 1862 г. – при взятии укрепления Мерке и разрушении после десятидневной осады Пишпека. В 1871 г. командовал войсками при покорении Кульджинского ханства, а в 1875 г. участвовал в занятии и присоединении Кокандского ханства к империи.

Умер 23 апреля 1896 г. в Санкт-Петербурге.

Имя генерала Г.А. Колпаковского было присвоено Первому Семиреченскому казачьему полку.

18. Корнилов Лавр Георгиевич (18(30).8.1870, ныне Каркаралинск Карагандинской области, Казахстан – 13.4.1918, Екатеринбург, ныне Краснодар), один из руководителей российской контрреволюции.

К. с полным основанием можно назвать человеком, который сделал себя сам. Он происходил из семьи отставного казачьего офицера с Горькой линии Сибирского казачьего войска, всю жизнь прослужившего в отдаленных гарнизонах, и простой казачки. Еще школьником **К.** свободно говорил на туркменском и персидском языках. В 13 лет поступил в Омский кадетский корпус, который закончил с наивысшим баллом. После блестящего окончания Михайловского артиллерийского училища (1892 г.) **К.** был принят в Академию Генерального штаба, которую также закончил с

золотой медалью (1899 г.). Так еще во время учебы молодой офицер проявил не только способности, но и поразительное упорство в достижении цели.

Возвратился в Туркестан, командовал ротой, затем стал военным разведчиком. Более пяти лет **К.** выполнял секретные поручения командования (Персия, Афганистан, Западный Китай, Индия). За это время он изучил несколько восточных языков, а подготовленные им обзоры стран Среднего Востока имели не только военное, но и научное значение.

В Мукденском сражении (Русско-японская война 1904–1905 гг.) **К.** с боями вывел из окружения три пехотных полка, за что был удостоен ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст., а за последующие боевые отличия получил золотое Георгиевское оружие и чин полковника. В 1907–1911 гг. – военный атташе в Китае.

Первую мировую войну генерал-майор **К.** начал на Юго-Западном фронте. Командовал бригадой, а с декабря 1914 г. – 48-й пехотной дивизией, входившей в 8-ю армию под началом генерала от кавалерии А.А. Брусилова. В составе дивизии были прославленные полки русской армии – 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский. Дивизия отличилась в Галицийской и Карпатской операциях, а сам бесстрашный генерал прославился тем, что лично водил в штыковые атаки пехотные батальоны. За храбрость и стойкость дивизия получила название «Стальной», а сам **К.** в феврале 1915 г. был произведен в генерал-лейтенанты. А.А. Брусилов в своих воспоминаниях свидетельствовал о высоком личном авторитете у подчиненных командира «Стальной»: «Странное дело, генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Правда, он и сам себя не жалел».

Весной 1915 г. «Стальная» оказалась в окружении, и ее командир с частью войск остался для прикрытия отхода главных сил из вражеского кольца. В бою **К.** был тяжело ранен и попал в плен. Через три месяца он совершил побег из тюремного госпиталя. На Родине **К.** встретили как героя, наградили орденом Св. Георгия 3-й ст., а после окончательного выздоровления в сентябре 1916 г. он был назначен командиром 25-го армейского корпуса на Юго-Западном фронте.

К. приветствовал февральскую революцию и приход к власти Временного правительства. 2 марта 1917 г. он был назначен командующим войсками Петроградского военного округа и по приказу военного министра А.И. Гучкова арестовал в Царском Селе семью низложенного императора.

В начале мая 1917 г. **К.** получил в командование 8-ю армию. В ходе июньского наступления Юго-Западного фронта армия прорвала неприятельскую оборону и за 12 дней наступления взяла около 36 тыс. человек, заняв города Калуш и Галич. Командующий армией получил чин генерала от инфантерии. 19 июля (1 августа) генерал был назначен на пост Верховного Главнокомандующего и был на этой должности по 27 августа (9 сентября) 1917 г.

Столь блистательной карьере прежде всего способствовали личные качества генерала – умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, а также дипломатические способности. Его популярность не уменьшилась даже после того, как он подписал приказ о введении смертной казни за дезертирство.

В конце августа двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры. 2(15) сентября был арестован Временным правительством и заключен в тюрьму в г. Быхове, но при содействии генерала Н.Н. Духонина 19 ноября (2 декабря) бежал в Новочеркасск, где вместе с генералом М.В. Алексеевым возглавил белогвардейскую Добровольческую армию. Во время Гражданской войны имя **К.** олицетворяло не только преданность России, но одну из самых страшных страниц «белого» террора.

31 марта 1918 г. в Екатеринодаре в здание штаба попал снаряд, **К.** был смертельно ранен и умер, не приходя в сознание. Его похоронили 2 апреля в степи. На следующий день Екатеринодар был занят большевиками, которые, обнаружив могилу генерала, разрыли ее, привезли тело **К.** в город и сожгли на площади, обложив соломой.

Генерал **К.** до конца жизни был верен своим убеждениям. Он был русским офицером, преданно служил монархии и Отчизне и всегда был готов выполнить свой долг. Он не понимал и не принимал анархию, которая воцарилась в стране и в армии. Мечтая о возвращении старых устоев и, главное, порядка, последний год жизни он посвятил борьбе с большевиками.

Как только не называли генерала на страницах красных газет и митингах – «диктатор», «палач», «бандит», «мятежник», «контрреволюционер», – а Лавр Георгиевич Корнилов до конца своей жизни был простым солдатом в генеральских погонах, преданно служившим Русской армии, России, которым остался верным до конца.

19. Кравченко Александр Диомидович (1880–1923), один из руководителей партизанского движения в Сибири. Член КПСС с 1918 г., в революционном движении с 1902 г. Из крестьян. Агроном, машинист. В 1917 г. член Ачинского совета. В 1917–1918 гг. участник установления Советской власти в Заманье (Енисейской губернии). С июня 1918 г. в подполье, в октябре – один из руководителей вооруженного восстания крестьян в Степном Баджее. В январе 1919 г. избран командиром партизанской армии Степно-Баджеевской партизанской республики. В апреле 1919 г. к армии присоединилась армия П. Е. Щетинкина. В июне-августе 1919 г. под давлением превосходящих сил противника армия (около 3500 человек) перешла через Саянский хребет в Урянхайский край; 13 сентября освободила Минусинск. В ноябре 1919 г. партизанская армия **К.** выросла до 18 тыс. чел. В феврале 1920 г. **К.** – начальник Енисейской стрелковой дивизии, созданной из партизанской армии. Летом 1920 г. сформировал в Сибири и возглавил добровольческий партизанский полк, действовавший против белополяков на Западном фронте. С конца 1920 г. член Енисейского губисполкома, в Наркомземе РСФСР; с 1922 г. зам. губземотделом в Пятигорске.

20. Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал-лейтенант (1917 г.). Являлся казаком станицы Вешенской, прославившейся тем, что там жил и творил писатель Михаил Шолохов. Действительную службу проходил в лейб-гвардии Атаманском полку. Потомок старинного казачьего рода, прадед которого воевал еще под знаменами Суворова, Кутузова и Платова.

Окончил Павловское военное училище (1888 г.). Будучи прекрасным офицером, проявлял несомненное литературное дарование. Его первый роман «Атаман Платов», сборники рассказов и повестей «На озере», «Донцы» принесли **К.** большую литературную известность. Литературные критики называли его певцом «казачьего романтизма».

В 1897 г. – начальник конвоя первой русской дипломатической миссии в Абиссинию (Эфиопию), и плодотворным творческим итогом командировки стали две новые книги **К.** «Казачи в Африке» и «Казачи в Абиссинии».

С началом Русско-японской войны **К.** – фронтовой корреспондент газеты «Русский инвалид». Он занимался не только литературной и журналистской деятельностью, но и вместе с забайкальскими казаками совершал смелые вылазки и был удостоен за храбрость двух орденов. После войны вышел в свет его новый литературный труд – двухтомник «Год войны». Затем последовали учеба и служба в Офицерской кавалерийской школе, где и получил чин полковника.

Первую мировую войну встретил командиром Краонской бригады 1-й Донской казачьей дивизии. К тому времени он был уже хорошо известным литератором, автором биографии полководца А.В. Суворова и учебного пособия «Картины былого Тихого Дона», многих романов.

За боевые отличия **К.** награжден почетным Георгиевским оружием и в ноябре 1914 г. получил чин генерал-майора. Получив ранение, остался в строю. За бой у местечка Дзвиняч награжден орденом Святого Георгия 4-й ст. После Февральской революции подвергся аресту «революционными солдатами», но вскоре был освобожден и подал в отставку. Но Временное правительство ее не приняло и назначило его начальником 1-й Кубанской казачьей дивизии.

Весной 1918 г. донцы избирают его своим войсковым атаманом. Новый атаман восстановил Донскую армию и освободил от красных почти всю область Войска Донского. Большой войсковой Круг присвоил **К.** очередной чин. Выступил организатором «Донско-Кавказского союза». Во второй половине 1918 – начале 1919 гг. предпринял ряд наступлений на Поворино, Камышин, Царицын. **К.** приветствовал вторжение германских и австрийских войск на Украину, видя в них союзника в борьбе с большевиками. Атаман вынашивал планы провозглашения на Дону отдельного казачьего государства. 19 февраля из-за противоречий с командующим Добровольческой армией подает в отставку и направляется в Эстонию к генералу Н.Н. Юденичу для продолжения вооруженной

борьбы против советской власти. После Гражданской войны, оказавшись в эмиграции во Франции, продолжает заниматься литературным трудом. Его роман «От двуглавого орла к красному знамени» был переведен на пятнадцать языков. Известность получили и другие его книги: «Все проходит», «Опавшие листья», «Понять – простить», «Единая. Неделимая», «Белая свитка», «Цареубийцы», «Ненависть».

В эмиграции К. ведет активную монархическую деятельность. Автор лозунга «Хоть с чертом, но против большевиков», он до последнего своего дня оставался непримиримым противником советской власти и в 1941 г. оказался среди той части белой эмиграции, которая приветствовала нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. **К.** назначается начальником Главного управления казачьих войск при министерстве восточных территорий Германии. На этом посту он принял самое деятельное участие в формировании казачьих частей в составе немецко-фашистской армии.

Отступая под ударами Красной армии, 15-й кавалерийский белоказачий корпус немецкой армии с боями отступил на территорию Австрии. Здесь в конце мая 1945 г. в г. Лиенце генерал **К.** вместе с тысячами казаков был выдан английским командованием советским оккупационным властям. 16 января 1947 г. по приговору Верховной Коллегии Верховного Суда СССР «агент германской разведки, главарь белогвардейских частей в период Гражданской войны атаман Краснов П.Н.» был предан смертной казни через повешение.

Бесславно закончил свою жизнь боевой казачий генерал, Георгиевский кавалер, писатель, всю жизнь боровшийся с советской властью. Ради свержения ее он пошел на сделку с гитлеровцами. Но, как сказал прославленный французский писатель Виктор Гюго, нельзя стать героем, воюя против собственной Родины.

21. Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), русский военачальник, генерал от инфантерии (1900 г.), генерал-адъютант (1902 г.). Окончил курс в Павловском военном училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Самаркандском походе 1868 г., был командирован в Алжир и принял участие в экспедиции французских войск в Большую Сахару; тогда же была издана им книга об Алжире. С отличием участвовал в Кокандском походе под начальством М.Д. Скобелева. В 1876–1877 гг. **К.** состоял во главе посольства в Кашгарии, где заключил договор с Якуб-беком. Об этом путешествии написано им сочинение «Кашгария». В должности начальника штаба отряда генерала Скобелева участвовал в сражении под Ловчей и в атаке 30-го и 31-го августа под Плевну, причем был контужен. При переходе отряда М.Д. Скобелева через Балканы, 25 августа 1877 г., был тяжело ранен и принужден оставить театр войны. Позже заведовал азиатскою частью Главного штаба и состоял адъютант-профессором военной статистики в Академии Генерального штаба. Составил описание действий отрядов Скобелева в турецкую войну под заглавием «Ловча, Плевна, Шейново». В 1879 г. был назначен начальником стрелковой бригады в Туркестане, а весной 1880 г. послан с отрядом в Кульджу для организации обороны хребта Борохоро; по улаживании дел с китайцами ему было предписано сформировать в Амударьинском отделе особый отряд и вести его к генералу Скобелеву в Ахалтекинский оазис. Пройдя благополучно 700 верст по маловодной пустыне, он привел отряд в Геок-Тепе, где состоял начальником войск правого фланга. Во время штурма командовал главной штурмовой колонной, причем ему вверялись важные стратегические работы. В марте 1890 г. он назначен начальником Закаспийской области и командующим войсками, в ней расположенными. 1 января 1898 г. назначен военным министром.

7 февраля 1904 г. назначен командующим Маньчжурской армией, с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. – главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке.

После войны **К.** был назначен членом Государственного Совета и поселился в своем имении в Псковской губернии.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. командовал корпусом, затем 5-й армией и Северным фронтом (февраль-июль 1916 г.). С июля 1916 г. по февраль 1917 г. – Туркестанский генерал-губернатор, руководил подавлением Среднеазиатского восстания 1916 г. С мая 1917 г. и до конца жизни **К.** жил в своем имении Псковской губернии, преподавал в средней школе и основан-

ной им сельскохозяйственной школе. В 1918–1919 гг. отверг предложение французского посла эмигрировать и белогвардейцев – выступить против советской власти. Убит бандитами.

Почетный член академий: Императорской Николаевской военной, Михайловской артиллерийской, Николаевской инженерной, Александровской военно-юридической и Императорской военно-медицинской; почетный казак многих станиц казачьих войск: Семиреченского, Сибирского, Оренбургского, Донского, Амурского и Терского; почетный гражданин г. Плевны. Имел все российские ордена до Св. Александра Невского с бриллиантами включительно, в т. ч. Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й и 4-й степеней и золотое оружие и многие иностранные старших степеней.

К. – автор ряда военно-исторических и военно-географических трудов: Алжирия. – СПб., 1877; Кашгария. – СПб., 1879; Ловча. Плевна. Шейново. – СПб., 1885; Завоевание Туркмении. – СПб., 1899; Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Тт. 1–4. – СПб., 1906; Задачи русской армии. Т. 1–3. – СПб., 1910 (Россия для русских); Дневник 1904–1906 // Красный Архив. – 1922, № 2; 1924, № 5, 7; 1925, № 1; 1935, № 1–3.

22. Кутузов Михаил Илларионович (Голенищев-Кутузов-Смоленский), светлейший князь и генерал-фельдмаршал (1745–1813). Военное образование получил в артиллерийско-инженерной школе (впоследствии 2-й кадетский корпус). 5 марта 1761 г. произведен в прапорщики и оставлен при школе как преподаватель арифметики и геометрии. Отличное знание языков французского, немецкого, английского, а впоследствии польского, шведского и турецкого было причиной назначения его в 1762 г. адъютантом к Ревельскому генерал-губернатору. Отлично зарекомендовал себя офицером генерального штаба и в 1770 г. с началом 1-й Турецкой войны был назначен в армию Румянцева. За отличие в боях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле **К.** был произведен из капитанов прямо в премьер-майоры, а в декабре 1771 г. и в полковники. По прибытии в Крымскую армию в 1774 г. со знаменем в руке впереди своих солдат ворвался в укрепленную крымцами д. Шумы, близ Алушты, выбил из нее татар и, энергично преследуя их, был тяжело ранен в левый висок пулей, вышедшей у правого глаза. Отправленный для излечения в Санкт-Петербург, он был представлен императрице, которая пожаловала ему орден Св. Георгия 4-й ст. и отправила для лечения за границу. **К.** воспользовался пребыванием за границей, чтобы изучить постановку военного дела в Пруссии и Англии. По возвращении в Россию был послан в Крым в помощь Суворову при водворении в крае спокойствия и утверждения русской власти. Здесь началось сближение этих двух великих полководцев. В 1782 г. **К.** был произведен в бригадиры, а затем в генерал-майоры. С началом 2-й Турецкой войны **К.** с дивизией было поручено охранять наши границы по всему течению Буга, а затем он вошел с нею в состав армии Потемкина, осаждавшей Очаков. Здесь, 18 августа 1788 г., во время отбития вылазки турок он был вторично тяжело ранен в голову; пуля попала в щеку и вылетела через затылок. Врачи отчаялись спасти **К.**, но он выздоровел, и в мае 1789 г. принял командование корпусом, с которым участвовал в занятии Аккермана, в победе под Каушанами и во взятии Бендер. Наступает 1790 г., ознаменованный взятием Измаила, при штурме которого отличные качества **К.** как военачальника впервые обнаружили особенно ярко. Став лично во главе колонны, **К.** увлекает за собой людей, овладевает бастионом, врывается внутрь города, и после жестокого рукопашного боя Измаил сдается. «Генерал Голенищев-Кутузов оказал новые опыты воинского искусства и личной своей храбрости, – доносил о нем Суворов, – он шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукою». За Измаил **К.** получил чин генерал-поручика, а за предыдущие отличия орден Св. Георгия 3-й ст.

За Мачинское сражение **К.** был награжден орденом Св. Георгия 2-й ст. В 1793 г. он был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь, где показал свои выдающиеся дипломатические способности. В феврале 1795 г. был назначен командующим сухопутными войсками, флотом и крепостями в Финляндии, а в октябре и генерал-директором Императорского сухопутного шляхетского корпуса. На этом последнем посту **К.** проявил себя отличным педагогом. Он установил в корпусе строгий порядок и дисциплину, ввел преподавание тактики и часто сам лично читал лекции как по тактике, так и по военной истории.

В начале 1798 г. произведен в генералы от инфантерии и назначен шефом Псковского пехотного полка; в начале 1799 г. назначен Литовским генерал-губернатором, а в 1800 г. награжден

орденом Св. Андрея Первозванного. По восшествии на престол Александра I **К.** получил назначение Санкт-Петербургским военным губернатором, а в 1805 г. был поставлен во главе войск, двинутых в Баварию для совместных действий против Наполеона. Игнорируя нецелесообразные распоряжения австрийского правительства, **К.** неуклонно стремится к своей собственной цели, которую и достигает. Для этого необходим был не только крупный военный талант и выдержка, но и большое гражданское мужество. К сражению, как акту большой важности, **К.** прибегает только имея важную цель – уничтожение значительной части противника; для спасения армии он выбирает лучшего начальника; для достижения главного он решительно жертвует частным. Верная оценка обстановки, строгий расчет с большой выдержкой и осторожностью, иногда хитрость, в необходимых же случаях настойчивость и бесповоротная решимость и мужество взять ответственность на себя – вот характерные качества **К.**, как полководца, в эту кампанию.

В Аустерлицком сражении **К.** не имел полной власти, был стеснен присутствием двух императоров и засильем австрийской стратегии. Однако император Александр I возложил моральную ответственность за сражение на **К.** и не мог простить его ему, до конца сохранив к **К.** свое нерасположение. В Аустерлицком сражении **К.** был ранен в третий раз в щеку.

В Турецкую войну 1806–1812 гг. **К.** дал первоклассные образцы стратегического и тактического искусства: 1) искусная оборона линии Дуная почти на 1 тыс. верст только с 4 дивизиями против вдвое сильнее противника; 2) редкое понимание обстановки; 3) редкое понимание соотношений живой силы и крепостей и новых форм построений глубокой тактики; 4) своевременный переход к активным действиям на правом берегу Дуная, завершённый очень искусным активно-оборонительным боем под Рушуком; 5) неуклонное преследование основной идеи; 6) широкое пользование инженерным искусством; 7) замечательно гармоничное сочетание в течение всей кампании осторожности с проявлением решительности в необходимых случаях; 8) решимость брать ответственность на себя; 9) умение читать *победу* в глазах солдата.

Результатом было заключение мира, столь необходимого России.

Пожалованный при ратификации этого мира в июле 1812 г. княжеским титулом, **К.** в первый период Отечественной войны оставался не у дел, хотя общественное мнение и называло его единственным вождем, способным спасти Отечество от нашествия «двенадцати языков». Военные, и особенно нижние чины, видели в нем прямого преемника А.В. Суворова. Прибыв 17 августа к армии, **К.** приказывает ускорить укрепление позиции у Царева Займища, но на следующий же день продолжает отступление к Бородину. Как и Барклай, **К.** признавал необходимым отступать в глубь страны, дабы сохранить армию. Этим достигалось удлинение коммуникационной линии Наполеона, ослабление его сил и сближение с собственными подкреплениями и запасами.

26 августа 1812 г. произошел тот знаменитый Бородинский бой, слава которого не померкнет в веках. Бородинское сражение явилось со стороны **К.** уступкой общественному мнению, духу армии и невозможности отдать без боя центр народной жизни – Москву. Эти обстоятельства, надо полагать, были причинами, почему **К.** вел чисто оборонительный бой и приказывал беречь резервы. **К.** сумел уловить ту минуту, когда воля главнокомандующего должна была повлиять на ход сражения; по его распоряжению производится Уваровым и Платовым демонстрация на левом фланге французской армии в то именно время, когда Наполеон готовился нанести последний удар и прорвать наше расположение в центре. В Бородинском сражении «французская армия разбилась о русскую», и Наполеон, преследовавший цель разгрома нашей армии, не достиг ее; **К.** же желал сохранить армию и достиг этого. Дальнейшее отступление и оставление Москвы снова обнаруживает в **К.** высокое гражданское мужество, а переход с Рязанской дороги на Калужскую и далее на Тульскую является глубокой стратегической комбинацией, искусно выполненной. Осуществление ее поставило русскую армию в наиболее выгодное положение относительно противника, сообщения которого сделались открытыми для ударов нашей армии. Став твердою ногою в Тарутине, **К.** разослал во все стороны партизан, возжег народную войну, осадил Наполеона в Москве и в необычайно короткое время устроил французской армии тысячеверстное отступление. Увидев свое гибельное положение, Наполеон прибегнул к переговорам, но **К.** уже готовился к наступлению. 6-го октября напал он на авангард французской армии под Тарутиным и обратил его в бегство и взял 38 пушек. Наполеон выступил из Москвы. **К.** пошел на перерез его пути, встретил завоевателя под

Малоярославцем и после упорнейшего боя обратил его на голодную разоренную Смоленскую дорогу, а сам, продолжая свое искусное боевое движение, пошел к Вязьме и Красному, преследуя неприятеля большим числом легких войск. Лишенные продовольствия, застигнутые стужей, беспрестанно угрожаемые обходом, неприятели увидели себя на краю гибели. Цепь неслыханных дотоле поражений, уготованных **К.**, обрушились на Наполеона. Растеряв армию, орудия, знамена, казну, обозы, он бежал из России, покидая остатки войск из 700000 человек, приведенных Наполеоном в Россию.

В войну **К.** сумел извлечь пользу из времени, климатических и других условий обстановки. Им учитывается как глубина театра войны, так и настроение народа. Уклоняясь от сражения под Царево-Займищем и под Москвой, он показал, что он и стратег, и тактик. Он сумел провести свою идею до конца, при крайне тяжелых условиях сумел поднять дух войск и вселить в них веру в себя.

В **К.** как полководце, прежде всего надо отметить, что он никогда не упускал «важного». Особенности его военного таланта – осторожность, хладнокровие и хитрость. Но первая не была следствием нерешительности или действия в зависимости от предвзятого решения за противника, напротив, **К.** всегда неуклонно стремился с энергией и настойчивостью к достижению своей собственной цели и когда не мог достигнуть ее силой, действовал хитростью. Таким образом, осторожность и хитрость его сопровождалась глубоким расчетом, основанном на верном понимании и оценке обстановки. Он сумел учесть элементы ее и к решительным действиям прибегал лишь тогда, когда это приводило его к решительному же результату. Глубоко понимая сущность военного искусства, он всегда ставил целью своих действий армию противника, а средством избирал действия на сообщения или на окружение. Не побеждать только, но истреблять неприятелей хотел **К.**, успев в двух походах совершенно уничтожить две неприятельские армии: в 1811 г. турецкую, в 1812 г. Наполеонову, принудив к постыдному бегству и верховного визиря, и самого Наполеона. Всякое военное предприятие он зрело обдумывал и рассчитывал, причем никогда не вступал в бой, когда видел, что и без жертв можно уничтожить врага. В формы линейной тактики **К.** сумел внести поправки (рассыпной строй) и широко пользовался легкой конницей, оставив нам в этом знаменитое наставление. Как вождь он был всегда один и тот же: спокойный, уверенностью светлого ума, глубоким опытом и обширными знаниями он проникал в суть вещей; успех не вызывал у него особенного восторга, неудача не заставляла его падать духом; равновесие его ума, воли и сердца никогда не нарушалось. В критические для Отечества минуты он не был «лукавым царедворцем», умел брать на себя ответственность и говорить царям правду.

По отзыву современников, **К.** при обширном для того времени образовании, обладал тонким умом, поразительным нерушимым спокойствием и обаятельностью в обращении. Подобно своему учителю А.В. Суворову, **К.** в совершенстве постиг искусство влиять на солдат и пользовался безграничным доверием своих подчиненных, и, благодаря его простоте в обращении и умению говорить с простым народом, появление его между солдатами вызывало неподдельный восторг.

С изгнанием Наполеона из пределов нашего Отечества вся Россия приветствовала **К.** как своего избавителя. Награжденный императором орденом Св. Георгия 1-й ст., титулом светлейшего князя Смоленского и чином генерал-фельдмаршала, **К.** с прибытием к армии императора Александра I оказался не у дел; ему было предоставлено лишь почетное звание главнокомандующего, он подчинился этому положению вещей, ибо не сочувствовал перенесению войны за пределы России, верно понимая интересы и задачи своего Отечества: русская кровь должна быть проливаема только за Россию. 13 апреля 1813 г. **К.** скончался в Бунцлау. Император Александр повелел похоронить его в Санкт-Петербурге в Казанском соборе, украшенном трофеями побед **К.** При везении тела его в Россию жители окрестных сел выпрягали лошадей у печальной колесницы и везли ее на себе. На площади перед собором **К.** поставлен памятник.

Император Александр писал овдовевшей супруге при получении известия о кончине его: «Болезненная не для одних Вас, но и для всего Отечества потеря! Не Вы одне проливаете о нем слезы; с Вами плачу я и вся Россия. Бог, позвавший его к себе, да утешит Вас тем, что имя и дела его остаются бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его. Европа и весь свет не перестанут ему удивляться и внесут имя его в число знаменитейших полководцев. В честь

ему воздвигнется памятник, при котором Россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться; чужестранец – уважать землю, порождающую столь великих мужей».

Письма **К.** напечатаны в «Русской старине» 1872 г.

Во время Великой Отечественной войны были учреждены ордена Кутузова 1-й, 2-й (29 июля 1942 г.) и 3-й (8 февраля 1943 г.) степени. Ими награждено около 7 тыс. человек (1-й степени – 660 награждений, 2-й степени – более 3300, приблизительно столько же человек удостоены и ордена Кутузова 3-й степени). Орденами Кутузова награждены более 1570 войсковых частей и соединений Советской Армии, отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками, ряд военных академий. В память о славных победах русского оружия над армией Наполеона в г. Москве воздвигнут памятник М.И. Кутузову.

23. Листопадов Александр Михайлович (1873–1949). Музыкант-фольклорист, хоровой деятель. Родился в станице Екатерининской, ныне Ростовской области. Был преподавателем хуторской школы (1892–1902 гг.), где начал записывать донские казачьи песни. В 1907–1920 гг. работал в Саратове (в т.ч. в консерватории), в музыкальных училищах Новочеркаска (1920–1934 гг.). Был руководителем хора донских казаков (1936–1948 гг.). Ему принадлежит сводный труд «Песни донских казаков» (тт. 1–5, 1949–1954 гг.). Автор исследований и записей русских, таджикских, украинских, калмыкских народных песен.

24. Мазуровский Виктор Викентьевич (1859–1917), художник-баталист, ученик Вилле-вальде. Получил академические отличия за картины «Атака Гродненских гусар под Белой» и «Дело Лейб-гусар под Телишем» по классу батальной живописи, а впоследствии состоял при разных полках, изучая жизнь войск. Им написано много картин маневров и парадов с многочисленными портретными изображениями («Кавалергарды под Ямбургом», «Последний зимний парад Императора Александра III» и пр.), а также военно-исторических событий: «Семеновцы под Лесным», «Атака атаманами польских улан под Миром», «Лейб-гвардии конный полк под Фершампенуазом», «Сражение под Фридландом», «Нападение казаков на Наполеона под Арсис-сюр-Об», «Польские уланы под Сомо-Сиерра», «Атака драгун под Варшавой в 1831 г.» и др., в которых лихое движение кавалерии передается им живо и увлекательно. Русско-японскую войну **М.** наблюдал от Хайчена до Мукдена, состоя при дивизионе конных разведчиков штаба главнокомандующего, и она дала ему материал для множества этюдов и 70 картин, изображающих лихие дела Сибирских казаков под Вафангоу (находятся в Зимнем дворце), дагестанцев Хана-Нахичеванского, атакующих неприятеля под Линдунгоу или переходящих через перевал Сао-Дагой церемониальным маршем под огнем японцев; бои под Ляояном и на Шахе; атаку Путиловской сопки и повседневный военно-боевой жанр, со всей тягостною изнанкою войны: «Пробитая шимозою фанза», «Теплушка с ранеными», «Не успели отступить», «Пожар госпиталей» и, наконец, «К Телину» – трагическую картину отступления. К юбилею 1812 г. **М.** написаны: «Переправа через Неман», «Бородино», «Пожар Москвы», «Наполеон на возвратном пути» и др.

25. Михаил Архангел с древних времен прославлен на Руси своими чудесами. В Волоколамском Патерике приводится рассказ преподобного Пафнутия Боровского со слов татарских баскаков о чудесном спасении Новгорода Великого: «А яко же Великий Новгород никогда же не бысть взят от агарян... внемга по Божию попущению грех ради наших безбожный царь Батый Русскую землю поплени и пожже и поиде к Новому граду и покры его Бог и Пречистая Богородица явлением Михаила Архистратига, иже възбрани ему иди на него. Он же поиде на литовские грады и прииде к Киеву и виде у каменные церкви над дверьми написан великий Михаил Архангел и глагола князем своим, указуя перстом: «сей ми възбрани поити на Великий Новгород».

Предстательства за города русские Пресвятой Царицы Небесной всегда осуществлялись Ее явлениями с Воинством Небесным под предводительством Архистратига. Благодарная Русь воспева Пречистую Богородицу и Архангела Михаила в церковных песнопениях. Архистратигу посвящено множество монастырей, соборных, дворцовых и посадских храмов. В древнем Киеве сразу по принятии христианства был воздвигнут Архангельский собор и устроен монастырь. Архангельские

соборы стоят в Смоленске, Нижнем Новгороде, Старице, монастырь в Великом Устюге (начало XIII в.), собор в Свяжске. Не было на Руси города, где не существовало бы храма или придела, посвященного Архистратигу Михаилу. Один из главнейших храмов города Москвы – храм-усыпальница в Кремле – посвящен ему. Многочисленны и прекрасны иконы Чиноподателя Высших сил и его Собора. Одна из них – икона «Благословенное воинство» – написана для Успенского собора Московского Кремля, где святые воины – князья русские – изображены под предводительством Архистратига Михаила.

На иконах архангелы изображаются в соответствии с родом их служения.

Михаил попирает ногами дьявола, в левой руке держит финиковую ветвь, в правой – копье с белой хоругвью (иногда пламенный меч), на которой начертан червлёный крест.

26. Новоселов Александр Ефимович (1884–1918), писатель, этнограф, областник, сибирский общественный и политический деятель. Родился в пос. Железинском Павлодарского уезда Семипалатинской области в семье казачьего офицера. Учился в Сибирском казачьем корпусе (1896–1901 гг.), который оставил на последнем курсе. Два года прожил в пос. Железинском, после чего, сдав экстерном экзамены на звание учителя, работал в пос. Надеждинском близ Петропавловска, а затем переехал в пос. Больше-Нарымский. С 1907 по 1917 г. работал воспитателем в Омском пансионе Сибирского казачьего войска. В это время происходит формирование **Н.** как писателя и ученого-этнографа. Его литературные произведения печатались в сибирских газетах и журналах. Наиболее значительным из них является повесть «Беловодье», получившая высокую оценку А.М. Горького. Будучи действительным членом ЗСОИРГО, совершил многочисленные поездки на Алтай и в Казахстан. Предметом особого интереса **Н.** были старообрядцы Алтая. Опубликовал ряд работ этнографического характера. После Февральской революции **Н.** активно включился в политическую жизнь, вступил в партию эсеров. В марте 1917 г. избран в омский Коалиционный комитет. На казачьем съезде **Н.** был избран товарищем председателя Войсковой управы. 3 августа **Н.** избирается комиссаром Временного правительства по Акмолинской области. Одновременно он исполняет обязанности комиссара по всему Степному генерал-губернаторству. В декабре 1917 г. на Чрезвычайном общесибирском областном съезде **Н.** избирается членом Временного сибирского областного совета, возглавляемого Г.Н. Потаниным. В январе 1918 г. он входит в состав Временного Правительства автономной Сибири, возглавляемого П.Я. Дербером, в качестве министра внутренних дел. 21 сентября 1918 г. арестован и 23 сентября был убит. Похоронен на Казачьем кладбище при большом стечении народа.

27. Павлуновский Иван Петрович (1888–1940), революционный, государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1905 г. Во время революции 1905–1907 гг. участвовал в создании военной организации Курского комитета РСДРП. В 1907 г. арестован и выслан в Вологодскую область. С 1911 г. на партийной работе. Участник Первой мировой войны, подпрапорщик. В конце 1917 – начале 1918 гг. командовал красногвардейскими отрядами на Украине и в Белоруссии. С августа 1918 г. начальник Особого отдела 5-й армии, с января 1919 г. председатель Уфимской ЧК, с апреля заместитель, с августа 1-й заместитель начальника особого отдела ВЧК. С января 1920 г. полномочный председатель ВЧК в Сибири, член Сиббюро ЦК РКП(б). Руководил вывозом золотого запаса из Иркутска в Омск и дальнейшей его переправкой в Казань. В июле 1920 г. вместе с В.И. Шориным руководил разгромом Кольванского восстания. В феврале 1921 г. вместе с И.Н. Смирновым и В.И. Шориным составил полномочную тройку в ликвидации крупномасштабного крестьянского восстания в Сибири. Руководил захватом барона Унгерна. За борьбу с контрреволюцией награжден орденом Красного Знамени (1921 г.). В 1926–1928 гг. работал представителем ОГПУ в Закавказье, затем в Монголии, в Наркомате тяжелой промышленности, где ведал оборонной индустрией. Член ЦК ВКП(б) с 1927 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. Член ЦИК СССР. В конце 1930-х годов был репрессирован. Умер 10 февраля 1940 г. Реабилитирован посмертно.

28. Платов Матвей Иванович (1751–1818), войсковой атаман Донского казачьего войска (с 1801 г.), генерал от кавалерии (1809 г.), граф (с 1812 г.).

Один из биографов его писал: «Его школой было поле, университетом – война».

Поступил на службу 13 лет от роду и уже в 1770 г., во время 1-й турецкой войны при Екатерине I, командуя сотней, отличился при взятии Перекопской линии и Кинбурна, а в 19 лет получил под свое начало полк (1771 г.).

В 1775 г. участвовал в подавлении восстания Пугачева. Во 2-ю турецкую войну отличился при штурмах Очакова (1788 г.) и Измаила (1790 г.). Во время штурма Измаила командовал спешенной казачьей колонной из 10 тыс. человек. Рядом с ним в атаку шли два родных брата, один из которых был убит, а другой тяжело ранен. Колонна П. одной из первых под перекрестным артиллерийским огнем овладела вражескими бастионами. В представлении к награде, написанном Суворовым, говорилось: «Повсюду был он Платов присутствен и подавал пример храбрости». Во время Персидской войны (1795–1796 гг.) был походным атаманом, а в 1801 г. назначен войсковым атаманом. В мирное время, как государственный деятель, много сделал для России и казачества. Много внимания уделял просвещению – впервые открыл на Дону типографию, гимназию, директор которой начал писать историю войска Донского, способствовал развитию коневодства на Дону, открыл артиллерийское стрельбище и произвел другие начинания для усиления боевых качеств казаков. В одном из своих приказов П. писал: «Мы должны показать врагам, что помышляем не о жизни, но о чести и славе России».

В 1807 г. возглавил казачьи полки в Пруссии, где, по словам Александра I, «донцы превзошли древнюю славу предков своих». Участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау. В течение всей кампании казаки захватили 139 офицеров и более 4 тыс. нижних чинов, а сами потеряли 30 офицеров и 500 казаков. В турецкой войне взял крепость Гирсово и, командуя особым корпусом, оказал много других отличий, за что произведен в генералы от кавалерии и награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени.

Во время Отечественной войны 1812 г. командовал сначала всеми казачьими полками на границе, а потом, прикрывая отступление армии, имел успешные дела с неприятелем под местечками Мир и Романово (у местечка Мир П. заманил французов в «вентерь» – один из приемов знаменитой казачьей лавы – и уничтожил их; в донесении он писал: «Из 6 полков французов едва ли осталась одна живая душа»). У села Кареличи он, применив казачью лаву, полностью уничтожил дивизию французов. Во время отступления французской армии П., неотступно преследуя ее, нанес ей поражения у Городни, Колоцкого монастыря, Гжатска, Царева Займища, под Духовщиной и при переправе через р. Воль. 13 октября, с рассветом другого дня после битвы при Малоярославце, переправившись через р. Лужу, он напал на тыл французской армии, отбил 11 пушек и едва не захватил самого Наполеона. Назначенный потом преследовать арьергард маршала Даву, П. с 6 тыс. казаками у Колоцкого монастыря опрокинул французов и 19 октября захватил 27 орудий и множество обозов и пленных. За эти дела он возведен в графское достоинство. На гербе П. написано: «За верность, храбрость и неутомимые труды». В ноябре П. занял с боя Смоленск и разбил войска маршала Нея под Дубровкой. Всего же в продолжении кампании 1812 г. граф П. взял войсками своими 546 пушек, более 30 знамен и штандартов и до 70 тыс. пленных. Столь славные подвиги снискали ему не только любовь и уважение русских войск и народа, но даже иноплеменики не могли не восхвалить его заслуги. Князь Кутузов-Смоленский назвал действие казаков чудом; император Александр I в письме своем от 8 января 1813 г. удостоил героя следующим отзывом: «Вы, собственным вашим лицом и вообще все Донское войско, много участвуете в славе истребления врагов и в спасении от них отечества. Заслуги ваши и подвиги подначальственных вам казацких войск пребудут незабвенны. Имя их сделалось страшно неприятелю!». В начале января 1813 г. П. вступил в пределы Пруссии и обложил Данциг; в сентябре получил начальство над особым корпусом, с которым участвовал в сражении при Лейпциге, и, преследуя неприятеля, взял в плен около 15 тыс. человек. В 1814 г. взял Намюр. За битву под Лейпцигом он получил орден Св. Андрея

---

* Из поколения в поколение передавался рассказ о том, как Матвей Иванович Платов, получив царскую грамоту, собрал войсковой круг и со слезами на глазах сказал: «Детушки! От простого казака и до графа Российской империи возвысили вы меня. Станичники! Вам обязан я этими медалями, орденами и крестами. Спасибо вам, мои родные! Великую славу Тихому Дону заслужили мы с вами! Заслужим еще!».

Первозванного. «Громка была слава, снисканная мужественным предводителем донцов. Знаменитейшие русские и иностранные полководцы искали его дружбы; венценосцы почтили его первейшими знаками своих милостей; имя его было на устах всех европейских народов. Пребывание его в Англии, куда он сопровождал Александра, увенчалось непрерывным рядом торжеств. Оксфордский университет преподнес ему, не имевшему образования, диплом доктора наук, город Лондон – торжественно преподнес ему почетную саблю, богато отделанную бриллиантами, принц-регент подарил свой портрет, часы и табакерку». В честь сухопутного донца назвали один из кораблей английского флота «Граф Платов». Портрет **П.** и изображение боевого коня по кличке Леонид были помещены в галерею Королевского дворца рядом со знаменитыми европейскими полководцами – фельдмаршалом Веллингтоном и Блюхером.

Ни до, ни после **П.** ни один казак на Родине и за границей не удостоивался такого количества наград и отличий. Войсковой атаман, генерал от кавалерии, кавалер ордена Св. Георгия II степени, всех высших российских и многих иностранных орденов, граф Матвей Иванович Платов до сего дня считается самым знаменитым казаком.

В Новочеркасске ему был поставлен памятник работы П.К. Клодта. В советское время памятник был разрушен. В середине 1990-х годов памятник **П.** был возведен вновь. Деньги на него собирали всем миром, и он является точной копией разрушенного.

29. Потанин Григорий Николаевич (1835–1920), русский географ, этнограф, публицист и фольклорист. Родился в станице Ямышевской в семье сибирского казачьего офицера. После окончания Омского кадетского корпуса (1852 г.) служил в 8-м казачьем полку. В 1853 г. принял участие в походе в Заилийский край. В 1855 г. переведен на Алтай, а с 1856 г. служит в Омске в контрольном отделении войскового казачьего правления. В 1859 г., освободившись от военной службы (вышел в отставку сотником), **П.** поступает вольнослушателем на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь **П.** знакомится с Н.М. Ядринцевым, Н.С. Щукиным и др. студентами-сибиряками. За участие в студенческих волнениях в 1861 г. был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Сибирь. В 1862 г. **П.** приезжает в Омск, где принимает активное участие в обсуждении нового положения о казачьем войске.

В 1863–1864 гг. участвует в составе экспедиции астронома К.В. Струве на оз. Зайсан и хребет Тарбагатай. В 1865 г. был арестован и вместе с Н.М. Ядринцевым и Е.Я. Колосовым был переведен в Омск, где велось следствие по делу «сибирских сепаратистов». Здесь вместе с товарищами **П.** добился разрешения работать с материалами местных архивов. В результате им была подготовлена книга «Материалы для истории Сибири» (М., 1867 г.) и несколько статей. **П.** как «главный злоумышленник» был приговорен к 15 годам каторжных работ. Государственный Совет и император Александр II снизили срок наказания до 5-ти лет с последующей пожизненной ссылкой в отдаленные местности Российской Империи. Перед отправкой на каторгу над **П.** в Омске был совершен обряд гражданской казни на базарной площади. До ноября 1871 г. **П.** пробыл в Свеаборгской тюрьме, после чего был сослан сначала в Никольск, а затем Тотьму Вологодской губернии. В 1874 г. **П.** был освобожден от ссылки с правом проживать в любом городе страны. После этого он полностью посвящает себя научной деятельности. В 1876–1877 гг. и в 1879–1880 гг. совершил экспедиции в северо-западную Монголию и Туву, в 1884–1886 гг. и 1892–1893 гг. – в северный Китай, восточный Тибет и центральную Монголию и в 1899 г. – на Большой Хинган. Большую помощь **П.** в путешествиях оказывала его жена А.В. Потанина (1843–1893), первая женщина-исследователь Центральной Азии, оставившая этнографическое описание бурят, монголов, китайцев и некоторых других народов. Возвращаясь из Китая, в 1893 г. она умерла. В Китае, где похоронена А.В. Потанина, ей поставлен памятник. **П.** много сделал для развития культурной жизни Сибири. Он был инициатором учреждения ученых обществ, музеев, газет, экспедиций и т.д. В начале XX в. **П.** становится популярным общественным деятелем Сибири, он отстаивает идеи областничества, выступает за создание сибирской областной думы. В октябре 1917 г. на первом сибирском областном съезде был избран исполнительный комитет во главе с **П.** На декабрьском чрезвычайном общесибирском областном съезде, решившем не признавать советскую власть, **П.** был избран председателем Временного сибирского областного совета – первого прави-

тельства областников в Сибири. Но уже в январе 1918 г. **П.** сложил с себя полномочия председателя Временного сибирского областного совета, аргументируя это «тяготением членов совета в сторону большевизма».

В период гражданской войны **П.** активно призывал к борьбе с большевиками. 30 июня 1920 г. **П.** скончался в клинике томского университета. **П.** являлся автором многочисленных научных и публицистических статей, а также интереснейших «Воспоминаний» (Литературное наследство Сибири. Т. 6–7. – Новосибирск, 1983, 1987). В 1915 г. Городская дума присвоила **П.** звание «Почетный гражданин Омска», в 1918 г. Временное Сибирское правительство присвоило ему звание «Почетный гражданин Сибири». Его именем названы улицы во многих городах Сибири, назван один из хребтов Нань-Шаня и самый крупный ледник в горном узле Табын-Богдо-Олана (Монгольский Алтай). По решению Президиума АН СССР в Университетской роще Томска сооружен памятник **П.**

30. Романов Константин Константинович (1858–1915) – второй сын великого князя Константина Николаевича и его жены Александры Иосифовны. Внук императора Николая I, племянник Александра II. Великий князь. Известный военный и общественный деятель, педагог, поэт и музыкант.

В 1870–1874 гг. на судах учебной команды Морского училища прошел службу от матроса до гардемарина. В 1874 и 1876 гг. совершил дальнее плавание на фрегате «Светлана» по Средиземному морю и Атлантическому океану и в составе российской эскадры ходил в США (порт Норфолк). После сдачи экзамена по программе Морского училища (1876 г.) был произведен в чин мичмана.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. участвовал в военных действиях против турецкого флота на Дунае близ Силистрии и за боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. В мае 1878 г. получил чин лейтенанта, а в августе того же года пожалован во флигель-адъютанты. С января 1880 г. – командир роты Гвардейского флотского экипажа; с сентября – вахтенный начальник на корабле «Герцог Эдинбургский», участвовал в длительном плавании по Средиземному морю, но по болезни был списан с корабля.

Вернувшись в Россию в августе 1882 г., **Р.** перешел на службу в военное ведомство с чином штабс-капитана гвардии. В декабре 1883 г. великий князь приступил к командованию ротой Его Величества (1-я рота) в лейб-гвардии Измайловском полку. Здесь он создал великолепную библиотеку и литературно-драматическое общество «Измайловские досуги», девизом которого стали слова: «Доблесть, доброта, красота». На собраниях общества офицеры и их гости – профессиональные деятели культуры – читали литературные произведения, занимались музыкой, ставили пьесы. 23 апреля 1891 г. Константин Константинович был произведен в полковники и назначен командующим (исполняющим обязанности. – Ю.Ф.) лейб-гвардии Преображенского полка. В 1894 г. он был произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту и утвержден в должности полкового командира.

4 марта 1900 г. великий князь был назначен начальником военно-учебных заведений, в 1901 г. – удостоен звания генерал-адъютанта, в 1907-м – произведен в чин генерала от инфантерии, а в 1910 г. – назначен генерал-инспектором военно-учебных заведений.

Р. проделал огромную работу по организации военного образования – не даром же он вошел в историю под именем «отца кадет», и русские кадеты, проживающие за границей, до сих пор проводят ритуал, посвященный памяти великого князя. С 1887 г. – почетный член, а с 3 мая 1889 г. – президент Петербургской академии наук. В 1889 г. он был избран почетным попечителем Педагогических курсов при петербургских женских гимназиях, состоял почетным членом Русского географического и Минералогического общества, председательствовал в комиссии по устройству Музея прикладных знаний в Москве, в Русском археологическом обществе, в Палестинском обществе, возглавлял Пушкинский юбилейный комитет (1899 г.).

Имея хорошее музыкальное образование и будучи прекрасным пианистом, **Р.** возглавлял Российское музыкальное общество, дружил с П.И. Чайковским, помогал молодым композиторам.

В 1886 г. в Петербурге вышел в свет первый сборник стихов великого князя, скромно озаглавленный «Стихотворения К.Р.». Позже были изданы еще три поэтических сборника. Мно-

гие стихи «поэта К.Р.» привлекли внимание известных композиторов и были положены ими на музыку.

Константин Константинович похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге – он был последним Романовым, удостоенным этой чести официально. Известно, что кончину его ускорила гибель на германском фронте в сентябре 1914 г. сына Олега – 22-летнего корнета лейб-гвардии Гусарского полка.

31. Рубо Франц Алексеевич (1856–1928), русский живописец-баталист. Учился в рисовальной школе в Одессе и в академии художеств в Мюнхене. Преподавал в Петербургской Академии художеств (1904–1912 гг.). Работал в основном в панорамной живописи, создавал грандиозные по своим масштабам произведения, отмеченные документальной точностью воспроизведения исторических событий. Панорамы: «Штурм аула Ахульго» (1896 г.), «Оборона Севастополя» (1902–1904 гг., Севастополь, открыта в 1905 г.; в 1941–1942 гг. повреждена при обороне Севастополя; воссоздана группой советских художников и вновь открыта в 1954 г.) и «Бородинская битва» (1911 г., открыта в 1912 г. в Москве; реставрирована и размещена в специально построенном здании на Кутузовском проспекте в 1962 г.).

32. Рытов Алексей, хорунжий. В 1837 г. сотня казаков **Р.**, окруженная тысячным отрядом кочевников, трое суток геройски отражала нападение и сумела вырваться из окружения. Израненная, голодная, занесенная снегом сотня едва не погибла, но была спасена отрядом, прибывшим на помощь. В этом деле сам **Р.** был убит, 31 казак погиб, 20 было ранено. Имя **Р.**, павшего 5 декабря 1837 г., было начертано на черной мраморной доске в церкви Сибирского кадетского корпуса (как и многих других), выпускником которого он являлся. Сотне **Р.** Государь Император пожаловал 7 знаков отличия военного ордена.

33. Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), русский генерал от кавалерии (1910 г.). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1877 г.) и Академию Генерального штаба (1884 г.). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., командовал Уссурийской конной бригадой и Сибирской казачьей дивизией. За бои 18–23 августа 1904 г. под Ляояном удостоен ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. С 1906 г. начальник штаба Варшавского военного округа, с 1907 г. – казачий атаман Войска Донского, с 1909 г. – Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. командовал 2-й армией. В ходе Восточно-прусской операции 1914 г. 2-я армия потерпела поражение, а часть ее была окружена. При выходе из окружения генерал **С.** погиб.

34. Свердлов Яков Михайлович (1885–1919). Выдающийся деятель партии и Советского государства. Член партии с 1901 г. Революционную работу вел в Нижнем Новгороде, Сормово, Костроме, Казани, Москве, Петербурге и других городах России. Во время революции 1905–1907 гг. руководил большевистскими организациями Урала. После VI (Пражской) конференции РСДРП (январь 1912 г.) был кооптирован в члены ЦК РСДРП и введен в состав Русского бюро ЦК. Входил в редакцию газеты «Правда». За революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям царского правительства; всего в тюрьмах и ссылке пробыл 12 лет. После Февральской революции 1917 г. – один из руководителей уральской партийной организации. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции был избран членом ЦК РСДРП (б); руководил работой секретариата ЦК. **С.** принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции. Член Петроградского военно-революционного комитета и Военно-революционного центра по руководству восстанием, созданного Центральным Комитетом партии. 8 (21) ноября 1917 г. был избран председателем ВЦИК, продолжая оставаться секретарем ЦК. Председатель комиссии по выработке первой Конституции РСФСР. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

35. Седельников Александр Никитич (1876–1919), краевед. Его отец был рядовым казаком из Бухтарминского края, служил музыкантом в оркестре. В Омске окончил начальную школу,

учительское училище, а в 1896 г. – Омскую учительскую семинарию. В 1895–1896 гг. совершил поездки вверх по Иртышу, посетил ряд поселков Горькой линии, окрестности Омска, собирал естественноисторические материалы. С 1896 по 1900 г. учился в Юрьевском университете, изучал ботанику, зоологию, геологию и другие науки естественного отделения физико-математического цикла. С 1900 г. работал учителем в Омском уездном училище, преподавал естествознание в Омской учительской семинарии. Осенью 1917 г. избран педсоветом на должность ее директора. С. составил и издал в 1916 г. первый в России учебник родноведения для школ «Акмолинская область», подготовил к печати рукописи учебников по Семипалатинской области и других губерний Западной Сибири. Научно-исследовательская деятельность С. была тесно связана с его участием в работе ЗСОИРГО, членом которого он являлся с 1900 г., был секретарем отдела, хранителем музея, председателем, много лет заведовал библиотекой. С 1887 г. С. было совершено 17 научно-исследовательских экспедиций, главным образом в Южный Алтай и Киркрай (Казахстан), сделано много докладов, опубликовано 47 научных работ, из которых «Озеро Зайсан» была удостоена в 1912 г. Золотой медали РГО. Скончался С. от тифа 26 января 1919 г. в Омске и был похоронен на бывшем Казачьем кладбище (могила не сохранилась).

36. Скобелев Михаил Дмитриевич (1848–1882), выдающийся русский военачальник, генерал от инфантерии (1881 г.), генерал-адъютант (1878 г.). Слава генерала С. в XIX в. гремела не только в России, но и за ее пределами. В советское же время о нем надолго и незаслуженно забыли.

Человек прогрессивных взглядов, С. был наиболее передовым военачальником своего времени. Его военные таланты были настолько велики, что современники считали возможным сравнивать его с самим Суворовым.

В 1863 г. произведен в корнеты. Окончив курс в Николаевской академии Генерального штаба, был назначен в войска Туркестанского военного округа. В 1873 г. был в экспедиции в Хиву. В 1875–1876 гг. принял участие в Кокандской экспедиции, где «кроме замечательной отваги, соединенной с благоразумною предусмотрительностью, высказал организаторский талант и основательное знакомство с краем и с тактикою азиатцев». Генерал-майор и военный губернатор Ферганской области (1876 г.). В марте 1877 г. был командирован в распоряжение главнокомандующего армией, предназначенной для действий в Европейской Турции. Проявил чудеса храбрости в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

С. воспитывал войска в духе суворовских традиций, готовил их к трудностям горных походов и учил штурму турецких крепостей. Вся армия боготворила его, он обладал исключительной храбростью. Нередко он появлялся под огнем врага на белом коне, в белом кителе и белой фуражке или папахе. За это его прозвали «белым генералом».

Взятие Ловчи и бои 30–31 августа под Плевною обратили на него общее внимание, а переход через Иметлийский перевал Балкан и бой под Шейновым, за которым последовала сдача турецкой армии Вессель-паши (конец декабря 1877 г.), утвердили за С. громкую и блестящую известность. Принудил турок подписать выгодный для России мирный договор. Этим договором Болгария была освобождена от 500-летнего турецкого ига. В России и Болгарии именем С. были названы улицы, площади и парки во многих городах. В Россию он вернулся корпусным командиром в чине генерал-лейтенанта и в звании генерал-адъютанта. В 1878–1880 гг. командовал корпусом. В 1880–1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой к России была присоединена Туркмения. Последним и замечательным подвигом С. было завоевание Ахал-теке, за которое он произведен в генералы от инфантерии и получил орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени. В 1882 г., находясь в Париже, выступил в защиту балканских народов, против агрессивной политики Германии и Австро-Венгрии, что вызвало международные осложнения. Был отозван и вскоре в Москве внезапно скончался. Ему не исполнилось и 39 лет. Отличался большим личным мужеством и пользовался популярностью среди солдат и офицеров. Император Александр III, желая, чтобы военные доблести связывали войско и флот общими помятованиями, повелел корвет «Витязь» впредь именовать «Скобелев».

В 1912 г. памятник С. был установлен в Москве. Монумент поистине служил украшением города, но его ждала печальная участь. В 1918 г. большевистское правительство постановило

снести многие замечательные творения русской культуры. В их числе оказался и памятник С. Сейчас на его месте находится памятник Юрию Долгорукому, который был открыт в 1954 г.

37. Словцов Петр Андреевич (1767–1843), русский историк Сибири. Сын священника. Получил образование в Тобольской духовной семинарии. Не закончив курс, он, как способный ученик, был направлен Тобольским митрополитом Варлаамом продолжать образование в Санкт-Петербургскую высшую Александро-Невскую семинарию, где учился с известным позднее сибирским реформатором М.М. Сперанским. После окончания семинарии (1792 г.) был назначен в Тобольск преподавателем философии и красноречия в местную семинарию. В 1794 г. заточен в Валаамский монастырь (на Ладожском озере). По болезни был переведен в 1795 г. в Петербург, где в 1796 г. поступил на гражданскую службу. В начале 1808 г. был ложно обвинен и выслан на службу в Тобольск. С 1815 г. – директор гимназии в Иркутске, с 1821 г. – инспектор народных училищ Сибири. С 1829 г., выйдя в отставку, полностью посвятил себя исследованиям по сибирским вопросам. Вершиной его научной деятельности стал труд «Историческое обозрение Сибири» (в 2-х т. – М., 1838–1844), в котором отмечал закономерность и прогрессивность присоединения Сибири к России, определяющую роль России в заселении края, поднял вопрос о месте Сибири в составе России. Эта работа была названа «эпохой в сибирской исторической науке». С. – основоположник историографии Сибири, сибирского краеведения. Деятельность С. высоко оценивали сибирские областники, считавшие «сибирского Карамзина» своим предшественником.

38. Смирнов Иван Никитович (1881–1936), революционный, партийный и государственный деятель. Родился в Рязанской губернии в крестьянской семье. С 1889 г. жил в Москве, где закончил горное училище, работал в железнодорожных мастерских и на фабрике. К революционному движению приобщился с 17-летнего возраста. Вступил в РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и высылкам (в общей сложности в тюрьмах отсидел около 6 лет и около 4-х лет находился в ссылке). Партийную работу вел в Москве, Петербурге, Харькове, Томске, Красноярске. В 1916 г. призван в армию. Во время Февральской революции был делегирован в Томский Совет рабочих и солдатских депутатов, входил в его исполком. В 1918–1919 гг. находился на фронтах Гражданской войны: был членом реввоенсоветов Восточного фронта и 5-й армии. Осенью 1919 г. был назначен председателем Сибревкома. С ноября 1919 по 1921 гг. работал в Омске, руководил деятельностью Сибревкома, а также являлся членом Сиббюро ЦК РКП(б). Еще при жизни он становится легендарной личностью. Авторитет С. был настолько высок, что его называли сибирским Лениным, «крестным отцом» Сибири и ее освободителем от Колчака, а Сибревком – сибирским Совнаркомом. После отъезда из Омска в середине 1921 г. недолго работал в Петрограде, являясь заместителем Г. Зиновьева в исполкоме Петроградского Совета. В мае 1922 г. С. был переведен на работу в ВСНХ, где руководил военной промышленностью, был членом его президиума, а затем и председателем. С 1923 по 1927 гг. работал наркомом почт и телеграфов СССР. В середине 1920-х гг. принял активное участие в политических дискуссиях в РКП(б), входил в объединенную троцкистско-зиновьевскую оппозицию. На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии. В 1929 г. на некоторое время восстановлен, а затем вновь исключен из ВКП(б) и вскоре арестован. В 1936 г. по так называемому делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» ему был вынесен смертный приговор, и 24 августа 1936 г. С. был расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1988 г.

39. Суворов Александр Васильевич (1729 (или 1730)–1800), величайший русский полководец, граф Рымникский и Священной Римской империи, генералиссимус русской армии и генерал-фельдмаршал австрийской, Сардинского королевства гранд и принц крови, кавалер всех российских и множества иностранных орденов.

Вступил в службу в 1745 г., в 1754 г. был произведен в офицеры, а на боевое поприще впервые вступил во время Семилетней войны (1756–1763 гг.); участвовал в сражении при Кунерсдорфе и в набеге Чернышова на Берлин; в 1761 г. командовал отдельными отрядами и отличился как отважный партизан и лихой кавалерист. Командуя с 1761 г. Суздальским пехотным полком, С. выработал свою знаменитую систему воспитания и обучения войск на основании боевых опытов,

вынесенных им из войны против такого полководца, каким был Фридрих Великий. Победы, одержанные им в действиях против польских конфедератов, сильно повлияли на исход действий, результатом которых был первый раздел Польши (1772 г.). Будучи в армии Румянцева, стоявшей на Дунае, 10 мая и 17 июля 1773 г., он произвел два победоносных похода на Туртукай, представляющие образцы форсированной наступательной операции через реку. 3 сентября он одержал победу над турками у Гирсова, а 9 июня 1774 г. нанес им решительное поражение при Козлудже, что главным образом повлияло на исход войны и заключение мира в Кучук-Кайнарджи. По окончании турецкого похода С. был послан к графу Панину, занятому усмирением пугачевского бунта. Затем С. сражался в Крыму. Вместе с чином генерал-лейтенанта С. получил в 1780 г. приказ выступить на усмирение кавказского восстания. Исполнив свою задачу, он с чином генерала от инфантерии сделался губернатором Кавказа.

Во время 2-й турецкой войны 1787–1791 гг. генерал-аншеф С. одержал блистательную победу по Кинбунгом. В 1789 г., командуя дивизией, разбил турок при Фокшанах и Римнике, за что получил орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени и титул графа Римникского, а от австрийского императора – титул графа Священной Римской империи. В декабре 1790 г. он взял штурмом Измаил. За ряд побед, одержанных им на польском театре (1794 г.), завершившихся взятием Праги, С. был награжден чином генерал-фельдмаршала. В 1796 г. С. назначен начальником военных сил в южных и юго-западных губерниях, здесь же он дал окончательную редакцию своему военному катехизису «Наука побеждать», «Деятельное военное искусство». Когда по восшествии на престол императора Павла в войсках начались разные нововведения, С. открыто выразил к ним свое несочувствие, за что подвергся опале; в феврале 1797 г. он был отставлен от службы и сослан в его имение, под присмотр полиции. Ссылка эта продолжалась около 2-х лет, пока в феврале 1799 г. не последовал высочайший рескрипт, которым С. поручалось начальство над австро-русской армией в войне с Францией. Эта война увенчала его новою славою. Он разбил неприятеля 27 апреля при Кассано, 17, 18 и 19 июня при Треббии и 15 августа при Нови, завоевал Александрию и в пять месяцев окончательно прогнал врага из северной Италии. Затем он отправился в Швейцарию. Переход через Сен-Готард был связан с почти непреодолимыми затруднениями и стоил ему трети его армии, болезней части лошадей и потери всего обоза. Император Павел пожаловал ему титул князя Итальянского и звание генералиссимуса и приказал поставить ему памятник в Санкт-Петербурге. 6 мая 1800 г. С. скончался. Прах его покоится в Александро-Невской лавре в Петербурге. В соответствии с его завещанием на могиле не было поставлено никакого памятника, а лишь положена простая мраморная плита с краткой надписью: «Здесь лежит Суворов».

С. обладал замечательным талантом полководца, отлично знал свою армию, с которой составлял как бы одно целое. Он сжился с теми солдатами, которых вел на войну, любил их как своих детей, жил и переносил трудности вместе с ними. С. отказался от принятой в армии муштры и всячески поощрял самостоятельность командиров. От солдат и офицеров он требовал смекалки, находчивости и оперативности. С. считал, что каждый участник боя «должен понимать свой маневр», поэтому не жалел времени, обучая своих солдат. До сих пор известны его знаменитые слова: «Тяжело в ученье, легко в бою», которые стали поговоркой.

С. – один из самых образованных деятелей XVIII в.; знал математику, философию, историю, владел пятью языками и разговаривал еще на трех; в совершенстве знал фортификацию; изучал состояние современных иностранных армий, внимательно следил за ходом войн и политических событий в Западной Европе. Патриотизм С. был основан на идее служения Богу и Отечеству, глубокой вере в высокие боевые способности русского воина («в свете храбрее россиянина нигде нет»), в военный талант своих подчиненных и учеников (М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, М.И. Платова, М.А. Милорадовича и др.). С. – единственный в русской армии полководец, прошедший путь от рядового солдата до генералиссимуса. Он был также единственным военачальником, не проигравшим ни одного сражения.

Имя С. означало только победу над врагом. Солдаты и офицеры любили своего командира и были готовы выполнить любой его приказ. Он обладал талантом полководца, в котором удивительным образом сочеталось хладнокровие, точность расчета и решительность действий. В любой об-

становке он находил единственно возможное решение, которое в конечном счете приводило его к победе. В двадцати войнах и походах С. захватил у неприятеля 609 знамен, 2670 пушек и взял 50 тысяч пленных.

С. – выдающийся военный теоретик, стратег и тактик, глубоко понимавший проблемы военного дела, во многом опередивший свое время, создал оригинальную систему взглядов на способы ведения войны и боя, обучения и воспитания войск, основавший свою прогрессивную школу военного искусства. Одержав множество побед над сильными противниками, С. снискал славу непобедимого и обогатил военную практику блестящими примерами успешных действий в трудных условиях, а военную науку – новыми идеями и положениями, составляющими в совокупности суворовскую «Науку побеждать».

29 июля 1942 г. был учрежден военный орден Суворова 3-х степеней для награждения офицеров и командиров Советской Армии, осуществивших разгром превосходящих сил противника в наступлении. Первым кавалером ордена Суворова 1-й степени стал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков (28 января 1943 г.), а 2-й степени – командир танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск В.М. Богданов (26 декабря 1942 г.).

Всего орденом Суворова 1-й степени было произведено 391 награждение, 2-й степени – более 2,5 тыс., а орденом Суворова 3-й степени – более 4 тыс. награждений.

В числе награжденных орденом Суворова 1-й и 2-й степени более 1,5 тыс. воинских частей и соединений.

21 августа 1943 г. были созданы Суворовские училища.

Музеи С. существуют в 8 городах и селах; С. установлены 27 памятников: восемь в России, пять на Украине, два в Белоруссии, три в Молдавии, два в Румынии, три в Италии и четыре в Швейцарии (в Санкт-Петербурге, Новой Ладогге, Очакове, Измаиле, Тульчине, Кобрине, Херсоне и др.).

40. Суриков Василий Иванович (1848–1916), русский художник. Родился в г. Красноярске в потомственной казачьей семье. Его предки пришли сюда с Дона вместе с Ермаком. Они построили на берегу Енисея небольшую крепость – острог, вокруг которой и возник город Красноярск. Рисовать С. начал в раннем детстве. В 1861 г. С. окончил школу с похвальным листом. Рисунки юноши обратили на себя внимание красноярских меценатов, и один из них, купец П. Кузнецов, согласился оплачивать его учебу в Академии художеств.

С. блестяще учился в Академии и в 1875 г. окончил ее, представив картину «Апостол Павел объясняет догматы веры Ироду Агриппе». Однако золотую медаль он за нее не получил и уехал в Москву, где начал работать над росписями храма Христа Спасителя. В 1880–1883 гг. посетил Австрию, Италию, Германию, Францию.

С. страстно любил русскую старину и искал в ней ответ на волнующие его вопросы современности. В 1880-е годы он создал наиболее значительные картины – «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова». Главное действующее лицо в этих картинах – народ, представленный разнообразными типами, ярко и выразительно написанными С. В 1888 г. после смерти жены С. уехал в Сибирь. В родных местах он написал картину «Взятие снежного городка».

В 1891 г. художник вернулся в Москву и приступил к работе над монументальным полотном «Покорение Сибири Ермаком». На ней показан момент битвы между казаками и воинами хана Кучума. С. мастерски передал напряжение битвы, насытив картину множеством выразительных деталей и образов. Новая работа вызвала восторженные отклики критиков, и в частности известного художника М. Нестерова.

Не менее значительна и картина «Переход Суворова через Альпы», ставшая своеобразным гимном подвигу русских воинов.

Последняя картина С. – «Степан Разин». Затем С. взялся за картину «Емельян Пугачев», но так и не закончил ее.

На всех картинах С. запечатлен русский человек в момент величайших испытаний, требующих огромного напряжения физических и нравственных сил. И потому главная мысль, объединяю-

шая все эти работы, — нравственная сила и стойкость русского характера, заложенная в нем способность до конца сохранить верность своим убеждениям и отстоять их даже в жесточайших страданиях и лишениях.

41. Сухомлинов Николай Александрович (1852—?). Из дворян Волынской губернии. Окончил курс в Николаевском кавалерийском училище по первому разряду. В службу вступил юнкером в Николаевское кавалерийское училище из 1-го кадетского корпуса в 1866 г.

Произведен в корнеты лейб-гвардии в Уланском полку в 1868 г. Поручик в 1872 г. В 1873 г. — орден Св. Станислава 3-й степени. Штаб-ротмистр в 1876 г. В 1878 г. командирован к генерал-адъютанту Гурко. За заслуги, проявленные в боях против турок под Горным Дубняком и Телишем 12 и 16 октября 1877 г., награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В 1878 г. за отличия в делах против турок под Филлипополем 3 и 5 января 1878 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1881 г. — ротмистр. В 1883 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В 1884 г. — командир эскадрона. В 1888 г. — подполковник. В 1890 г. — командир эскадрона Николаевского кавалерийского училища. Полковник в 1892 г. 1893 г. — награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В 1897 г. назначен штаб-офицером для особых поручений при главном управлении военно-учебных заведений. 1897 г. — командир 38-го драгунского Владимирского полка. В 1903 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 9-й кавалерийской дивизии. В 1905 г. награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. 1909 г. — командир 9-й кавалерийской дивизии, в декабре произведен в генерал-лейтенанты. 4 сентября 1911 г. назначен Оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. В 1912 г. предоставлено звание почетного казака Сакмарской, Оренбургской, Рассыпной и Наваринской станиц Оренбургского казачьего войска, в 1913 г. — почетного казака Воздвиженской, Звериноголовской, Ключевской, Кундравинской станиц и Ключевского поселка.

В 1912 г. награжден бухарским орденом Золотой звезды с алмазами.

24 мая 1915 г. назначен Степным генерал-губернатором, командующим войсками Омского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска.

6 декабря 1915 г. награжден орденом Св. Владимира 2-й степени «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны»; 6 декабря 1916 г. — орденом Св. Анны 1-й степени.

10 апреля 1916 г. за отличия по службе произведен в генералы от кавалерии.

Уволен в отставку приказом по армии и флоту 31 марта 1917 г. с мундиром и пенсией.

Дальнейшая судьба неизвестна.

42. Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1870—1940), политический деятель. В Коммунистической партии состоял в 1917—1927 гг. В социал-демократическом движении с 1897 г. На 2-м съезде РСДРП (1903 г.) примкнул к меньшевикам. Противопоставлял марксистско-ленинской теории социалистической революции теорию «перманентной революции». Участник революции 1905—1907 гг., председатель Петербургского Совета. В Первую мировую войну выступал против большевиков по вопросам войны, мира и революции. В мае 1917 г. вернулся из эмиграции, и на 6-м съезде РСДРП(б) принят в большевистскую партию и избран членом ЦК. После июльских дней арестован Временным правительством. В сентябре—ноябре председатель Петросовета. После Октябрьской революции нарком иностранных дел. Возглавлял 2-ю советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске. Вопреки директиве В. И. Ленина отказался подписать мирный договор после предъявленного ультиматума. Начавшееся 18 февраля германское наступление поставило страну в опаснейшее положение. 24 февраля Т. сложил с себя обязанности наркома иностранных дел. В 1918—1924 гг. — наркомвоенмор и председатель РВС Республики. В 1923 г. возглавил оппозицию против генеральной линии партии. В «Письме к съезду» В.И. Ленин отмечал не только деловые качества Т., но и писал о нем как о чрезвычайно самоуверенном человеке, увлекающемся администрированием. Член ЦК партии в 1917—1927 гг., член Политбюро ЦК в 1919—1926 гг. С 1926 г. лидер троцкистско-зиновьевского блока. В 1929 г. за антисоветскую

деятельность выслан из СССР. За рубежом Т. активно включился в борьбу против ВКП(б), СССР и Коминтерна. 20 августа 1940 г. убит в Мексике агентом ОГПУ Рамоном Меркадером.

43. Фрейман Отто Рудольфович (1849–?). Родился в Киеве 30 сентября 1849 г. в семье военного (отец инженер-генерал). Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1877 г., в начале войны с Турцией по личному своему прошению императору молодой выпускник Николаевской академии Генерального штаба был направлен служить на Кавказ командиром роты 16-го гренадерского полка для участия в боевых действиях. Проявив незаурядные командирские способности в нескольких сражениях с турками, капитан Ф. был назначен в Дунайскую армию для исполнения обязанностей офицера Генерального штаба. Отличился во многих баталиях: при Кюрик-Дар, осаде Плевны и др. По окончании войны болгарский князь Фердинанд предложил Ф. пост военного советника этой страны. Вернувшись в Россию в 1884 г., Ф. прикомандировывается к Финляндскому кадетскому корпусу. К 1897 г. тридцатилетняя служба генерала Ф. была отмечена целым рядом русских и иностранных орденов. Посвятил собиранию военных маршей прошлых лет всю свою жизнь. Собрал по полкам Русской армии более 274 военных маршей. Боевой генерал, обладая незаурядными музыкальными способностями, сам переработал, аранжировал и привел партитуры к единому инструментальному составу таким образом, что появилась реальная возможность издания в России первого 4-х томного «Сборника полковых (встречных) и исторических маршей Российской Армии». Ф. направил весь гонорар детям-сиротам погибших солдат.

44. Ходоровский Иосиф Исаевич (1885–1940). Член КПСС с 1903 г. В 1903–1906 гг. – член Николаевского комитета; в 1906–1907 гг. – член Екатеринославского комитета; в 1907–1911 гг. – работал в партийных организациях Москвы. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. В 1917 г. пропагандист МК РСДРП(б), участник октябрьских боев в Москве. После Октябрьской революции – на партийной, военной и советской работе. С 1918 г. член коллегии Наркомтруда. В декабре 1918 г. – марте 1919 г. – начальник политотдела, одновременно в январе-июле 1919 г. – член РВС Южного фронта, а в марте–августе 1919 г. – член РВС 9-й Армии. С 1920 г. председатель Казанского, Тульского губисполкома. С 1921 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). В 1922–1928 гг. – торгпред в Италии, потом в Греции. С 1932 по 1934 г. – заместитель председателя Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР. В 1934–1938 гг. – начальник Лечебно-санитарного управления при СНК СССР.

45. Хрущов Александр Петрович (1806–1875). Происходил из дворян Тульской губернии. По окончании 2-го кадетского корпуса выпущен на службу в 1825 г. прапорщиком в 7-й пионерный батальон. Произведен в подпоручики в 1823 г., в следующем году – в поручики. В 1832 г. переведен во 2-й кадетский корпус; в 1833 г. произведен в штабс-капитаны, а в следующем году прикомандирован к Институту горных инженеров, преобразовав последний в военное учебное заведение (1834 г.). За успешное выполнение этого поручения он был награжден бриллиантовым перстнем. В 1836 г. произведен в капитаны с назначением в Петровский кадетский корпус, где в 1840 г. произведен в подполковники; в 1843 г. назначен в Орловский Бахтина кадетский корпус на должность батальонного командира, а в следующем году – в 1-й Московский кадетский корпус. Полковник с 1847 г. В 1848 г. уволен по болезни от службы. В следующем году вновь поступил на службу в Подольский пехотный полк, а в 1850 г. переведен в Волынский пехотный полк батальонным командиром и в следующем году назначен командиром этого полка. В 1854 г. произведен в генерал-майоры с назначением командиром 7-й бригады 16-й пехотной дивизии. В 1857 г. командовал 9-й армейской, а затем 2-й гвардейской пехотными дивизиями. В 1859 г. назначен командующим 5-й пехотной дивизией, а в 1861 г. – произведен в генерал-лейтенанты. Заведовал войсками в Люблинской губернии, а затем, со 2 октября 1861 г. по 1864 г., состоял начальником Люблинского военного отдела. В 1864 г. назначен помощником командующего войсками Виленского военного округа.

В 1866 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири, командующим войсками Западно-Сибирского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска.

В этой должности пробыл до конца 1874 г., отдав много труда на улучшение благосостояния края и особенно принятию мер к охране наших границ и к расширению торговых сношений с Китаем, Монголией и Средней Азией. В 1868 г. ему было присвоено звание почетного гражданина Омска. 30 августа 1869 г. **Ж.** был произведен в генералы от инфантерии, а 26 августа того же года назначен генерал-адъютантом к его Императорскому Величеству. В этом же году командующий войсками Западно-Сибирского военного округа, генерал-губернатор Западной Сибири **Ж.** подает в правительство записку, в которой убедительно доказывает, что «одна только железная дорога от речных систем Западной Сибири до Москвы может развить в Сибири торгово-промышленную деятельность и обеспечить ее в политическом отношении».

Ж. был в следующих походах и делах против неприятеля: в Турецкой кампании 1828–1829 гг. и участвовал в осаде Браилова, Шумлы, Варны и Силистрии. Свою храбрость и хладнокровную распорядительность Александр Петрович особенно выказал в кампании 1854–1855 гг. в сражении при Альме и при защите Севастополя; при отбитии штурма на Селенгинский редут, при заложении Волынского и Камчатского редутов впереди Малахова кургана и при всех бомбардировках Севастополя союзниками. В Севастополе находился с 19 октября 1854 г. по 10 мая 1855 г. и с 10 июня по 29 августа 1855 г., всего 9 месяцев и 9 дней. Время это зачтено в военную службу за 9 лет, 3 месяца и 18 дней.

Современники говорили о нем: «Чрезвычайно хладнокровный, распорядительный, скромный и добросовестный, Хрущов никогда не напрашивался ни на какой подвиг, но зато никогда и не отказывался от исполнения поручения, как бы трудно и опасно оно ни было».

Ж. числился кавалером следующих орденов: Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й и 4-й степеней, Св. Владимира 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 1-й степени с мечами, 2-й, 3-й и 4-й степеней, Св. Станислава 3-й степени, Австрийской Железной короны 1-й степени, прусского Красного Орла 2-й степени со звездой. Кроме этого **Ж.** имел золотую саблю с алмазами и медали за Турецкую войну 1828–1829 гг., за защиту Севастополя 1854–1855 гг. и за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.

Ж. написал автобиографию за период своей службы с 1825 по 1853 г., которая была напечатана в «Московском обозрении» (1876, № 1–10) и, кроме того, оставил «Записки по истории Севастопольской» («Московское обозрение», 1877, № 9–31), затем дважды переизданные – в 1881 и 1889 гг. Выдержки из его писем напечатаны в «Русской старине» (1892, № 6–9).

46. Шмит Евгений Оттович (1844–1916). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе и 2-м военном Константиновском училище. В 1863 г. – юнкер 2-го военного Константиновского училища. Подпоручик армии, выпущен старшим корнетом в 12-й гусарский Ахтырский полк – 1864 г. Поручик – 1864 г. Штаб-ротмистр – 1866 г. Ротмистр – 1869 г. За отличие – майор, 1870 г. Командир эскадрона. 1874 г. – командир 1-го дивизиона. Подполковник – 1877 г. Полковник – 1881 г. Командир Изюмского полка – 1887 г. 1888 г. – командир 26-го драгунского Бугского полка. 1892 г. – генерал-майор, командир лейб-гвардии Кирасирского полка. Командир 1-й бригады 2-й гвардейской дивизии – 1898 г. 1900 г. – командующий 12-й кавалерийской дивизией, генерал-лейтенант. 1905 г. – командир 12-го армейского корпуса. 1906 г. – помощник командующего войсками Киевского военного округа. 1907 г. – генерал от кавалерии.

8 июня 1908 г. назначен Степным генерал-губернатором, командующим войсками Омского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска (10 августа вступил в должность).

Участие в походах и делах: в кампании 1877–1878 гг. во многих сражениях, за что получил орден Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 2-й степени.

Имел российские ордена: Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками этого ордена, Белого Орла, Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 1-й, 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 1-й степени и 2-й степени с мечами, медали; иностранные ордена: австрийский орден Железной короны 2-го класса, прусский Красного Орла 2-й степени со звездой, французский – Командорский крест ордена Почетного Легиона, сербский – Такова 1-й степени, китайский – Двойного Дракона 2-го класса 3-й степени и румынский – Корона 1-й степени.

47. Шорин Василий Иванович (1870–1938), командир Красной Армии. Родился в городе Калязине Тверской губернии в семье ремесленника. Получил военное образование, закончив Казанское юнкерское училище (1892 г.) и офицерскую стрелковую школу. Участник Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.) войн. В первую мировую командовал батальоном и полком; с 1916 г. – полковник. За участие в боевых действиях имел все офицерские награды, награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и золотым Георгиевским оружием. После Октябрьской революции 1917 г. **Ш.** перешел на сторону советской власти, был избран начальником дивизии. В сентябре 1918 г. добровольно поступил на службу в Красную Армию, сразу возглавил 2-ю армию Восточного фронта. Провел большую работу по ее реорганизации, успешно руководил войсками при разгроме белогвардейцев в Прикамье и на Урале, в Ижевско-Воткинской операции 1918 г. и контрнаступлении Восточного фронта, проявил высокие организаторские способности.

В мае 1919 г. принял дополнительное командование Северной группой Восточного фронта, руководил проведением Пермской и Екатеринбургской операций. В июле 1919 г. **Ш.** был переведен на Южный фронт командующим особой группой войск, воевавших против войск генерала А.И. Деникина, а в январе 1920 г. назначен командующим войсками Кавказского фронта.

В марте 1920 г. по распоряжению Реввоенсовета Республики он был направлен в Омск для руководства всеми вооруженными силами, расположенными в Сибири. В мае 1920 г. **Ш.** официально вступил в должность помощника главкома по Сибири. Здесь он осуществлял руководство действиями 5-й армии, которая вела бои с остатками белогвардейских армий, предпринимал инспекторские поездки, связанные с формированием и обучением новых армейских частей и соединений, занимался подготовкой командиров, руководил подавлением крестьянского восстания в Западной Сибири в 1921 г., ликвидацией войск барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга.

В конце 1921 г. назначен командующим войсками Туркестанского фронта, руководил ликвидацией банд Энвер-паши.

В 1923–1925 гг. – заместитель командующего войсками Петроградского военного округа. В 1925 г. уволен в запас по возрасту «с пожизненным оставлением в списках РККА за его талантливое руководство значительными войсковыми соединениями за весь период гражданской войны и личный героизм».

Находясь на пенсии, руководил ленинградским Осоавиахимом, занимался преподавательской работой.

Награжден орденом Красного Знамени, почетным революционным оружием, орденами Бухарской и Хорезмской народных республик.

В 1938 г. **Ш.** был арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно. В Ленинграде и Калязине в его честь установлены памятники.

48. Штакельберг Константин Карлович (1848–1925). В 1866 г. окончил Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, генерал-лейтенант (1907 г.). В 1882–1897 гг. – начальник придворного духового оркестра, в 1897–1917 гг. – придворного симфонического оркестра. В 1902 г. на основе коллекции народных и профессиональных музыкальных инструментов, хранившихся в Эрмитаже, создал Музей музыкальных инструментов. **Ш.** был поборником военно-капельмейстерского образования в России; в 1910–1912 гг. специальная комиссия под его председательством разработала систему подготовки военных музыкантов и дирижеров, отдельные элементы которой находят применение и в современных специальных музыкальных учебных заведениях.

49. Щетинкин Петр Ефимович (1885–1927), один из организаторов партизанского движения в Сибири. Член КПСС с 1918 г., участник 1-й мировой войны, штабс-капитан, награжден 4-мя Георгиевскими крестами и 2-мя французскими орденами. С конца 1917 г. член Совета и начальник угрозыска в Ачинске, с февраля 1918 г. член уисполкома и начальник его военного отдела. С мая 1918 г. член военно-революционной тройки Ачинского уисполкома по руководству борьбы против белочехов. С декабря 1918 г. организовал партизанский отряд, совершил рейд по тылам войск Колчака. С марта 1919 г. командовал Северо-Ачинской партизанской армией, с апреля – замести-

тель командующего и начальник Главного штаба партизанской армии А.Д. Кравченко. С января 1920 г. начальник Енисейской стрелковой дивизии (сформирована из партизанской армии), член Красноярского губисполкома, член Ачинского и Минусинского укомов РКП (б), член Чрезвычайного ревтрибунала, судившего бывших колчаковских министров. В августе 1920 г. формировал части Красной Армии для отправки на Западный и Южный фронты, организатор и командир 21-го Сибирского стрелкового полка, участвовавшего в штурме Перекопа. Делегат 8-го Всероссийского съезда Советов. В мае–августе 1921 г. начальник экспедиционного отряда Красной Армии в Монголии, действовавшего против Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. Награжден орденом Красного Знамени (1921 г.). Правительство Монголии присвоило ему звание «железный Батыр». С октября 1922 г. начальник штаба пограничных войск Сибирского военного округа. С 1926 г. инструктор государственной военной охраны МНР; погиб в Улан-Баторе. Похоронен в Новосибирске.

50. Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894), писатель, публицист, экономист, этнограф, путешественник, исследователь Сибири, идеолог сибирского областничества. Родился в Омске. Учился в частных пансионах Тюмени и Томска, с 1854 г. – в Томской гимназии. В 1860 г. – вольнослушатель Санкт-Петербургского университета. По инициативе Н.С. Щукина и Г.Н. Потанина в Санкт-Петербурге было образовано землячество студентов-сибиряков. Здесь **Я.** познакомился с Г.Н. Потаниным. В 1863 г. на литературном вечере, устроенном в пользу школы для казачьих детей, он произносит пламенную речь о необходимости открытия университета в Сибири. Впервые этот вопрос был поставлен публично. Широкий общий резонанс имели и другие публичные выступления **Я.** В 1864 г. **Я.** по приглашению Г.Н. Потанина уезжает в Томск. Вместе с Г.Н. Потаниным и Е. Я. Колосовым арестован в 1865 г. и отправлен в Омск, где велось следствие по делу «сибирских сепаратистов». В период следствия и ожидания приговора (1865–1867 гг.) вместе с Г.Н. Потаниным и С.С. Шашковым получили разрешение разбирать местные архивы. В результате **Я.** были написаны и опубликованы ряд статей и позднее – книга. В 1868 г. **Я.** отправлен в ссылку в Шенкурск Архангельской губернии, где вместе с Г.Н. Потаниным активно сотрудничал в «Камско-Волжской газете». После окончания ссылки в 1874 г. **Я.** в Санкт-Петербурге становится секретарем графа В.А. Соллогуба – председателя комиссии по тюремному законодательству. В 1876 г. по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казанкова возвращается в Омск и поступает на службу в Главное управление Западной Сибири. **Я.** был одним из инициаторов создания в Омске ЗСОИРГО (1877 г.). В 1878 и 1880 гг. он совершил комплексные экспедиции на Алтай, по результатам которых были опубликованы отчеты в «Записках ЗСОИРГО». Материалы экспедиций были использованы позднее при написании этнографического труда «Сибирские инородцы: их быт и современное положение» (1891 г.). За свои путешествия **Я.** был награжден золотой медалью Русского географического общества. В 1881 г. **Я.** уезжает в Санкт-Петербург, где на следующий год к 300-летию присоединения Сибири к России выходит его капитальный труд «Сибирь как колония» (1-е издание – 1882 г.; 2-е издание – 1992 г.), принеший автору всемирную известность. В 1882 г. **Я.** основал одну из самых популярных в Сибири газет «Восточное обозрение» (с приложением «Сибирский сборник»).

Будучи одним из наиболее видных русских публицистов, **Я.** не оставлял научных исследований. В 1876, 1889 и 1891 гг. он совершил экспедиции в Минусинский край и к верховьям Орхона, где открыл развалины Хара-Балчаса и Каракорума, а также памятники древнетюркской письменности. В 1892 г. **Я.** в качестве руководителя первого санитарного отряда из студентов-медиков для борьбы с тифом и холерой отправляется в Тобольскую губернию для оказания помощи крестьянам-переселенцам. Один из переселенческих поселков, устроенных **Я.**, получил его имя. В честь **Я.** в Омске, Новониколаевске и других сибирских городах были названы улицы. Умер **Я.** в 1894 г. в Барнауле, куда он прибыл 2 июля в качестве заведующего статистическими исследованиями на Алтае. В 1900 г. на могиле **Я.** на пожертвования был установлен памятник с надписью: «Сибиряки писателю-публицисту Сибири».

Известный писатель и журналист, сам побывавший в сибирской ссылке, Александр Валентинович Амфитеатров так писал о **Я.** и его труде «Сибирь как колония»: «Сибирь имела множество Колумбов, но Ядринцев – ее Америго Веспуччи». И далее: «Благодаря Ядринцеву, – и едва ли не

исключительно ему, – Сибирь, начиная с семидесятих годов истекшего (XIX-го. – *примеч. Ю.Ф.*) столетия, перестала слыть в мнении русских образованных людей легендарною страню хаотических случайностей, запутанных в неразрешимые узлы, капризов быта, истории, закона, даже природы... Ядринцев, что называется, разобрался в Сибири и помог разобраться другим: помог подчинить ее бесконечную, чудовищную пестроту твердой, логической теории, обоснованной на массе фактических доказательств, живых свидетельств, проверенных наблюдений.

Подступаться к седьм тайнам Сибири, не получив ключа к ним от Ядринцева, – на мой взгляд, – столь же неблагоприятно, как, например, читать речи Цицерона, не изучив предварительно латинского синтаксиса».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агафонов О.В.* Казачьи войска Российской империи. – Калининград, 1995 г.
2. *Азиатская Россия.* – СПб., 1914 г., т. 1.
3. *Баранов Ф.Н.* Песни Оренбургских казаков в 3-х выпусках. – Оренбург, 1913 г.
4. *Белокрыс М.А.* Материалы к биографиям музыкантов и музыкальных деятелей Омского прииртышья XVIII – первой половины XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1999 г., № 7; 2000 г., № 8.
5. *Березовский Е.П.* Сибирский казак // Сибирский Казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского казачьего войска. 1582 6.12 – 19.12 1932. – Харбин, 1932 г.
6. Большая Советская Энциклопедия. – М., 1926–1947 гг., тт. 2, 30.
7. Большая Советская Энциклопедия. – М., 1963 г., т. 11.
8. *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994 г.
9. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. – СПб., 1914 г.
10. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. – М., 1987 г.
11. Военный сборник. 1858–1915 гг.
12. Война и мир. – М., 1906 г., № 10, 11.
13. Всеподданнейший отчет о деятельности Военного Министерства за 1891 год. – СПб., 1893 г.
14. Всеподданнейший отчет о деятельности Военного Министерства за 1904 год. – СПб., 1906 г.
15. Всеподданнейший отчет о деятельности Военного Министерства за 1906 год. – СПб., 1908 г.
16. *Вутын О.П., Топчий А.Т.* Войсковые учебные заведения сибирского казачества // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. – Томск, 1994 г.
17. Государственная Дума. Третий созыв. Сессия первая, часть III. 1908 г. Стенографический отчет. – СПб., 1908 г.
18. *Гордеев А.А.* История казаков. – М., 1991–1993 гг., тт. I–IV.
19. *Горшков Ю.Г., Ратиев В.Н., Машуков Э.Г., Зырянов В.Ф.* Казаки. – Челябинск, 2004 г.
20. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. – М., 1987 г.
21. Гриф секретности снят. – М., 1993 г.
22. Губернии и уезды Р.С.Ф.С.Р. по данным на 1 декабря 1920 г. – Издание Народного Комиссариата Внутренних Дел. Б.м., б.г.
23. За власть Советов. – Новосибирск, 1947 г.
24. Землепроходцы и путешественники. – СПб., 1999 г.
25. Из прошлого и настоящего сибирских казаков // Изборник Разведчика. – СПб., 1899 г., т. XIII.
26. Известия Сибирского Революционного Комитета. – Омск, 1920 г.
27. *Ионов А.М. генерал.* Сибирскому казаку // Северо-Восток, 1992 г., № 9.
28. Иртыш. – 1917 г. – 30 октября, 5 ноября, 21 ноября.
29. *Исаев В.В.* Казачество Бийской линии в революции и Гражданской войне. – Барнаул, 2004 г.
30. Казак степной. (Астана). – 2004 г., № 1–2.
31. Казаки. – СПб., 1999 г.
32. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. – Париж, 1928 г.
33. Казачество. Энциклопедия. – М., 2003 г.
34. Казачье серебро: принадлежит России, хранится в Бельгии // Красная Звезда. – 2001 г. – 13 января.
35. *Калашников К.А., Феськов В.И., Голиков В.И.* Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. – Томск, 2003 г.
36. *Катанаев Г.Е.* Исторический очерк службы Сибирского казачьего войска // Военный сборник, 1903 г., № 8.
37. *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. – СПб., 1908 г.
38. *Керсновский А.А.* История русской армии. – М., 1992–1994 гг., тт. 1–4.
39. *Клугин Л.* Значение музыкантских хоров в русских войсках // Военный сборник, 1865 г., № 10.
40. *Конквест Роберт.* Жатва скорби. (Судьба кулаков) // Вопросы истории. – 1990 г., № 1.
41. *Копылов В. А., Миллюхин В. П., Фабрика Ю. А.* Сибирский военный округ. Первые страницы истории. 1865–1917 гг. – Новосибирск, 1995 г.
42. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984 г., т. 3.
43. Красная Армия Сибири. – Новониколаевск, 1923 г., № 3–4.

44. *Краснов П. Н.* О воспитании донского юношества // Военный сборник, 1899 г., № 8.
45. *Краснов П. Н.* Сибирские казаки // Омская старина, 1994–1995 гг., № 3.
46. Краткие жития святых. – Новосибирск, 1991 г., т. 1.
47. Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. – М., 1915 г.
48. Кто есть кто в мире. Энциклопедия. – М., 2004 г.
49. *Кузьмин В.* Последний бой 4-го эскадрона // «Независимое военное обозрение». 2001 г., № 44.
50. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. – М., издание 5-е, т. 34.
51. *Матвеев В.* Русский военный оркестр. – М.– Л., 1965 г.
52. Материалы международной научно-практической конференции «Взаимоотношения народов России и Казахстана». – Павлодар, 2004 г., т. 1.
53. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – М.– Л., 1937 г., т. 1.
54. Музыкальная история Сибири. – Новосибирск, 1997 г., т. 2.
55. Неизвестная война. (Новые факты из истории крестьянского восстания в Сибири) // Труд. – 1991 г. – 7 февраля.
56. *Нечволодов А.* Сказания о Русской Земле. – СПб., 1913 г., т. IV.
57. О старых военных песнях в Сибири // Красноармейская Звезда. – 1943 г. – 4 декабря.
58. *Огородникова Л. И.* Грядем, братцы, песню... // Архивный вестник. – Омск, 2001 г.
59. Омская старина, 1994–1995 гг.
60. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 год. – Омск, 1915 г.
61. Песни донских и кубанских казаков. – Ростов-на-Дону, 1938 г.
62. Песни Сибирских казаков. – Пг., 1916 г., вып. 1.
63. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 2-е. – СПб., 1873 г., т. 43.
64. *Потанин Г. Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. – Новосибирск, 1983 г.
65. *Путинцев Н. Г.* Наши казачьи войска // Военный сборник, 1900 г., № 1.
66. *Путинцев Н. Г.* Старшинство казачьих войск // Военный сборник, 1898 г., № 4.
67. *Путинцев Н. Г.* Хронологический перечень событий по истории Сибирского казачьего войска. – Омск, 1891 г.
68. *Пушкин А.С.* История Петра I // *Пушкин А.С.* Пол. собр. соч. – М., 1950 г. Т. 6, с. 411.
69. Родина, 1990 г., №№ 6, 7; 2004 г., №№ 5, 7.
70. Руководство для строевой и служебной подготовки казаков приговорительного разряда Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1888 г.
71. Русская императорская кавалерия // Военно-исторический журнал, 2002 г., № 6.
72. Свод Законов Российской Империи. – СПб., 1913 г.
73. Сибирская Советская Энциклопедия. – М., 1929–1931 гг., т. 1–3.
74. Сибирский казак. – 1919 г. – 11, 12 сентября.
75. *Симонов Н.А.* Очерк службы № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. – М., 1901 г.
76. Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Манчжурии. – Хабаровск, 1950 г. (Архивный отдел УМВД по Хабаровскому краю. Сов. секретно).
77. *Сталин И. В.* Собр. соч. – М., 1947 г., т. 4.
78. Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск. – СПб., 1907 г.
79. Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Военно-тюремные учреждения. – СПб., 1911 г.
80. Советская Сибирь, 1920 г.
81. Статистический обзор современного положения Казачьих войск (с приложением многочисленных картограмм и многих диаграмм). – СПб., 1903 г.
82. Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (VIII–XX вв.). II Международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. – Омск; Кокшетау. 2001 г.
83. *Суслов А.Б.* Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории, 2004 г., № 3.
84. *Тарыкин А. П.* Памятная книжка Сибирского казака. – Омск, 1914 г.
85. *Третьяков Н. В.* Начальные школы Сибирского казачьего войска в конце XIX в. – СПб., 1903 г.
86. *Фабрика Ю. А.* Церковь и Армия в России. – Новосибирск, 1997 г.
87. *Фабрика Ю. А.* Сибирский щит. – Новосибирск, 2001 г.
88. *Федорченко В.Н.* Дворянские роды, прославившие Отечество. – Красноярск; Москва, 2004 г.
89. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири. 1032–1882. – Иркутск, 1883 г.

**ПЕСНИ И МАРШИ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ
(ПИКОЙ, ШАШКОЙ И РУЖЬЕМ
ВСЮ СИБИРЬ МЫ БЕРЕЖЕМ!)**

Автор-составитель
войсковой старшина
Сибирского казачьего войска
Ю. А. Фабрика

В сборнике использованы иллюстрации из книг и журналов:
Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. – Калининград. 1995 г.;
Военный сборник. Спб. – Пг. 1858–1915 гг.;
Летопись войны с Японией. – Спб. 1904–1905 гг.;
Родина и др.

Редактор: А.В. Русанов
Художник: А.А. Заплавный
Набор: О.Ю. Иванова
Верстка: О.А. Сабенина
Корректоры: Т.М. Утева, С.Н. Морозова

Лицензия ИД № 01284 от 22.03.2000 г.

Сдано в набор 15.01.2006. Подписано в печать 30.11.2006. Формат 60х84/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Антикwa. Усл. печ. л. 35.
Заказ № 50. Тираж 1000 экз.

ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат»
630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.

1-954196

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00645992